

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

1

В детстве я каждое лето ездил в маленький городок Корюков, к дедушке. Мы ходили с ним купаться на Корюковку, неширокую, быструю и глубокую речку в трех километрах от города. Мы раздевались на пригорке, покрытом редкой, желтой, примятой травой. Из совхозной конюшни доносился терпкий, приятный запах лошадей. Слышалось перестукивание копыт по деревянному настилу. Дедушка загонял коня в воду и плыл рядом с ним, ухватившись за гриву. Его крупная голова, со слипшимися на лбу мокрыми волосами, с черной цыганской бородой, мелькала в белой пене маленького буруна, рядом с дико косящим конским глазом. Так, наверно, переправлялись через реки печенеги.

Я единственный внук, и дедушка меня любит. Я его тоже очень люблю. Он осенил мое детство добрыми воспоминаниями. Они до сих пор волнуют и трогают меня. Даже сейчас, когда он прикасается ко мне своей широкой, сильной рукой, у меня щемит сердце.

Я приехал в Корюков двадцатого августа, после заключительного экзамена. Опять получил четверку. Стало очевидно, что в университет я не поступлю.

Дедушка ожидал меня на перроне. Такой, каким я оставил его пять лет назад, когда в последний раз был в Корюкове. Его короткая густая борода слегка поседела, но широкоскулое Лицо было по-прежнему мраморно-белое, и карие глаза такие же живые, как и раньше. Все тот же вытертый темный костюм с брюками, заправленными в сапоги. В сапогах он ходил и зимой и летом. Когда-то он учил меня надевать портянки. Ловким движением закручивал портянку, любовался своей работой. Патом натягивал сапог, морщась не оттого, что сапог жал, а от удовольствия, что он так ладно сидит на ноге.

С ощущением, будто я исполняю комический цирковой номер, я взобрался на старую брочку. Но никто на привокзальной площади не обратил на нас внимания. Дедушка перебрал в руках вожжи. Лошадка, мотнув головой, побежала с места бодрой рысцой.

Мы ехали вдоль новой автомагистрали. При въезде в Корюков асфальт перешел в знакомую мне выбитую булыжную мостовую. По словам дедушки, улицу должен заасфальтировать сам город, а у города нет средств.

- Какие наши доходы? Раньше тракт проходил, торговали, река была судоходной - обмелела. Остался один конезавод. Есть лошади! Мировые знаменитости есть. Но город от этого мало что имеет.

К моему провалу в университет дедушка отнесся философски:

- Поступишь в следующем году, не поступишь в следующем - поступишь после армии. И все дела.

А я был огорчен неудачей. Не повезло! «Роль лирического пейзажа в произведениях Салтыкова-Щедрина». Тема! Выслушав мой ответ, экзаменатор уставился на меня, ждал продолжения. Продолжать мне было нечего. Я стал развивать собственные мысли о Салтыкове-Щедрине. Экзаменатору они были не интересны.

Те же деревянные домики с садами и огородами, базарчик на площади, магазин

райпотребсоюза, столовая «Байкал», школа, те же вековые дубы вдоль улицы.

Новой была лишь автомагистраль, на которую мы опять попали, выехав из города на конезавод. Здесь она еще только строилась. Дымился горячий асфальт; его укладывали загорелые ребята в брезентовых рукавицах. Девушки в майках, в надвинутых на лоб косынках разбрасывали гравий. Бульдозеры блестящими ножами срезали грунт. Ковши экскаваторов вгрызались в землю. Могучая техника, грохоча и лязгая, наступала на пространство. На обочине стояли жилые вагончики - свидетельство походной жизни.

Мы сдали на конезавод бричку и лошадь и пошли обратно берегом Корюковки. Я помню, как гордился, впервые переплыв ее. Теперь бы я ее пересек одним толчком от берега. И деревянный мостик, с которого я когда-то прыгал с замирающим от страха сердцем, висел над самой водой.

На тропинке, еще по-летнему твердой, местами потрескавшейся от жары, шуршали под ногами первые опавшие листья. Желтели снопы в поле, трещал кузнечик, одинокий трактор подымал зябь.

Раньше в это время я уезжал от бабушки, и грусть расставания смешивалась тогда с радостным ожиданием Москвы. Но сейчас я только приехал, и мне не хотелось возвращаться.

Я люблю отца и мать, уважаю их. Но что-то сломалось привычное, изменилось в доме, стало раздражать, даже мелочи. Например, мамино обращение к знакомым женщинам в мужском роде: «милый» вместо «милая», «дорогой» вместо «дорогая». Что-то было в этом неестественное, претенциозное. Как и в том, что свои красивые, черные с проседью волосы она покрасила в рыже-бронзовый цвет. Для чего, для кого?

Утром я просыпался: отец, проходя через столовую, где я сплю, хлопал шлепанцами - туфлями без задников. Он и раньше ими хлопал, но тогда я не просыпался, а теперь просыпался от одного предчувствия этого хлопанья, а потом не мог заснуть.

У каждого человека свои привычки, не совсем, может быть, приятные; приходится с ними мириться, надо притираться друг к другу. А я не мог притираться. Неужели я стал психом?

Мне стали неинтересны разговоры о папиной и маминой работе. О людях, про которых я слышал много лет, но ни разу не видел. О каком-то негодяе Крептюкове - фамилия, ненавистная мне с детства; я готов был задушить этого Крептюкова. Потом оказалось, что Крептюкова душить не следует, наоборот, надо защищать, его место может занять гораздо худший Крептюков. Конфликты на работе неизбежны, глупо все время говорить о них. Я вставал из-за стола и уходил. Это обижало стариков. Но я ничего не мог поделать с собой.

Все это было тем более удивительно, что мы были, как говорится, *дружной* семьей. Ссоры, разлады, скандалы, разводы, суды и тяжбы - ничего этого у нас не было и быть не могло. Я никогда не обманывал родителей и знал, что они не обманывают меня. То, что они скрывали от меня, считая меня маленьким, я воспринимал снисходительно. Это наивное родительское заблуждение лучше снобистской откровенности, которую кое-кто считает современным методом воспитания. Я не ханжа, но в некоторых вещах между детьми и родителями существует дистанция, есть сфера, в которой следует соблюдать сдержанность; это не мешает ни дружбе, ни доверию. Так всегда и было в нашей семье. И вдруг мне захотелось уйти из дома, забиться в какую-нибудь дыру. Может быть, я устал от

экзаменов? Тяжело переживаю неудачу? Старики ни в чем меня не упрекали, но я подвел, обманул их ожидание. Восемнадцать лет, а все сижу на их шее. Мне стало стыдно просить даже на кино. Раньше была перспектива - университет. Но я не смог добиться того, чего добиваются десятки тысяч других ребят, ежегодно поступающих в высшие учебные заведения.

2

Старые гнутые венские стулья в маленьком дедушкином доме. Скрипят под ногами ссохшиеся половицы, краска на них местами облупилась, и видны ее слои - от темно-коричневого до желтовато-белого. На стенах фотографии: дедушка в кавалерийской форме держит в поводу коня, дедушка - объездчик, рядом с ним два мальчика - жокеи, его сыновья, мои дяди, - тоже держат в поводу лошадей, знаменитых рысаков, объезженных дедушкой.

Новым был увеличенный портрет бабушки, умершей три года назад. На портрете она точно такая, какой я ее помню, - седая, представительная, важная, похожая на директора школы. Что в свое время соединило ее с простым лошадиником, я не знаю. В том далеком, отрывистом, смутном, что мы называем воспоминаниями детства и что, возможно, есть только наше представление о нем, были разговоры, будто из-за дедушки сыновья не стали учиться, заделались лошадиниками, потом кавалеристами и погибли на войне. А получи они образование, как хотела бабушка, их судьба, вероятно, сложилась бы по-другому. С тех лет у меня сохранились сочувствие к дедушке, который никак не был виноват в гибели сыновей, и неприязнь к бабушке, предьявлявшей ему такие несправедливые и жестокие обвинения.

На столе бутылка портвейна, белый хлеб, совсем не такой, как в Москве, гораздо вкуснее, и вареная колбаса неопределенного сорта, тоже вкусная, свежая, и масло со слезой, завернутое в капустный лист. Что-то есть особенное в этих простых произведениях районной пищевой промышленности.

- Пьешь вино? - спросил дедушка.

- Так, понемногу.

- Сильно пьет молодежь, - сказал дедушка, - в мое время так не пили.

Я сослался на большой объем информации, получаемой современным человеком. И на связанную с этим обостренную чувствительность, возбудимость и ранимость.

Дедушка улыбался, кивал головой, как бы соглашаясь со мной, хотя, скорее всего, не соглашался. Но свое несогласие он выражал редко. Внимательно слушал, улыбался, кивал головой, а потом говорил что-нибудь такое, что хотя и деликатно, но опровергало собеседника.

- Я как-то раз выпил на ярмарке, - сказал дедушка, - меня мой родитель та-ак вожжами отделал.

Он улыбался, добрые морщинки собирались вокруг его глаз.

- Я бы не позволил!

- Дикость, конечно, - охотно согласился дедушка, - только раньше отец был глава семьи. У нас, пока отец за стол не сядет, никто не смеет сесть, пока не встанет - и не думай подыматься. Ему и первый кусок - кормилец, работник. Утром отец первым к умывальнику, за ним старший сын, потом остальные - соблюдалось. А

сейчас жена чуть свет на работу убегает, поздно приходит, усталая, злая: обед, магазин, дом... А ведь сама зарабатывает! Какой муж ей авторитет? Она ему уважения не оказывает, за ней и дети. Вот он и перестал чувствовать свою ответственность. Зажал трешку - и за пол-литром. Сам пьет и детям показывает пример.

В чем-то дедушка был прав. Но это только один аспект проблемы, и, возможно, не самый главный.

Точно угадав мои мысли, дедушка сказал:

- Я не призываю к кнуту и к домострою. Как раньше люди жили - их дело. Мы за предков не отвечаем, мы за потомков отвечаем.

Правильная мысль! Человечество отвечает прежде всего за своих потомков!

- Сердца вот пересаживают... - продолжал дедушка. - Мне семьдесят - на сердце не жалуясь, не пил, не курил. А молодые и пьют и курят - вот и подавай им в сорок чужое сердце. И не подумают, как это: нравственно или безнравственно?

- А ты как считаешь?

- Я считаю, безусловно, безнравственно. На все сто процентов. Лежит человек в больнице и ждет не дождется, когда другой сыграет в ящик. На улице гололед, а ему праздник: кто-нибудь расшибет котелок. Сегодня пересаживают сердца, завтра возьмутся за мозги, потом начнут из двух несовершенных людей делать одного совершенного. Например, слабосильному вундеркинду пересадят сердце здорового болвана или, наоборот, болвану - мозги вундеркинда; будут, понимаешь, свинчивать гениев, а остальные на запчасти.

- Есть у меня один знакомый писатель, - поддержал я дедушкину мысль, - хочет написать такой рассказ. Больному человеку пересаживали сердца от разных зверей и животных. Но ни с одним таким сердцем он не мог жить - перенимал характер того зверя, от которого получал сердце. Сердце льва - становился кровожадным, осла - упрямым, свиньи - хамом. В конце концов он пошел к врачу и сказал: «Верните мне мое сердце, пусть больное, но зато мое, человеческое».

Я сказал неправду. Знакомых писателей у меня нет. Этот рассказ я собирался написать сам. Но было стыдно признаться дедушке, что пописываю. Я еще никому не признавался.

- В общем, лучше здоровое сердце, чем большой желудок... - Такой старомодной шуткой дедушка заключил медицинскую часть нашего разговора и перешел к деловой: - Делать чего собираешься?

- Работать пойду. Заодно буду готовиться к экзаменам.

- Рабочие кругом требуются, - согласился дедушка, - вон дорогу строят, автомагистраль Москва-Поронск. Знаешь Поронск?

- Слышал.

- Старинный город, церкви, соборы. Ты стариной не увлекаешься?

- Что-то не тянет.

- Сейчас старина в моде, даже молодые пристрастились. Ну, а в Поронске этой старины на каждом шагу, иностранцы приезжают. Вот и строят международный туристский центр, а к нему - магистраль. По всему городу объявления: требуются рабочие, полевые-командировочные платят. Заработаешь, потом сиди зиму - занимайся. И все дела.

Итак, эта прекрасная мысль пришла в голову дедушке, с его практическим умом и мудростью. Он вообще считал, что меня воспитывают слишком домашним, тепличным и мне надо *попробовать жизни*. Мне казалось даже, что он доволен моим непоступлением в университет. Может быть, он против высшего образования? Последователь Руссо? Считает, что цивилизация ничего хорошего людям не принесла? Но дал же он образование своей дочери - моей маме. Просто дедушка хочет, чтобы я *попробовал жизни*. А заодно пожил бы у него и тем скрасил его одиночество.

Меня это тоже устраивало.

Никаких объяснений с родителями не потребуется. Я поставлю их перед совершившимся фактом. Здесь меня никто не знает, и я буду избавлен от прозвища «Крош» - оно мне порядком надоело. Поработаю до декабря, вернусь домой с деньгами. У меня есть водительские права, любительские, мне их обменяют на профессиональные. В виде исключения: в школе мы изучали автодело, проходили практику на автобазе. Поезжу с отрядом по стране, буду готовиться к экзаменам. Что делать вечером в поле? Сиди почитывай. Это не чистенький, светлый цех, где восемь часов торчишь на одном и том же месте. Это не киношная романтика с торжественными провожаниями на вокзале, речами и оркестрами. Было что-то очень привлекательное в этих вагончиках на обочине дороги - дымок костров, кочевая жизнь, дальние дороги, здоровенные загорелые парни в брезентовых рукавицах. И эти девушки с оголенными руками, со стройными ногами, в косынках, надвинутых на лоб. Что-то сладкое и тревожное щемило мне сердце.

Но объявления висят давно. Возможно, люди уже набраны. С единственной целью выяснить ситуацию я отправился на участок.

Вагончики стояли на обочине полукругом. Между ними были натянуты веревки, на них сушилось белье. Один конец веревки был привязан к Доске почета. Несколько в стороне располагалась столовая под большим деревянным навесом.

По приставной лестнице я поднялся в вагончик с табличкой «Управление дорожно-строительного участка».

В вагончике за столом сидел начальник. За чертежной доской - модная девчонка с косящим на дверь глазом. Сейчас она скопилась на меня.

- Я по поводу объявления, - обратился я к начальнику.

- Документы! - коротко ответил он. Ему было на вид лет тридцать пять, сухощавый человек с нахмуренным лицом, озабоченный и категоричный администратор.

Я протянул паспорт и водительские права.

- Права любительские, - заметил он.

- Я их обменяю на профессиональные.

- Нигде еще не работал?

- Слесарем работал.

Он недоверчиво сощурился:

- Где ты работал слесарем?

- На автобазе, на практике по ремонту машин.

Он перелистал паспорт, посмотрел прописку.

- Сюда зачем приехал?

- К дедушке.

- На деревню дедушке... В институте провалился?

- Не поступил.

- Пиши заявление: прошу зачислить подсобным рабочим. Обменяешь права - переведем на машину.

Несколько неожиданно. Ведь я пришел только выяснить ситуацию.

- Я бы хотел сначала обменять права и сразу сесть на машину.

- У нас и сменишь. Напишем в автоинспекцию.

Ясно! Начальник заинтересован в рабочей силе, особенно в подсобниках. Никто не хочет идти на физическую работу. Это только теперь так деликатно называется - подсобный рабочий. Раньше называлось - чернорабочий.

Я не боюсь физической работы. Могу, если надо, поворошить гравий лопатой. Но зачем же я проходил практику на автобазе? У меня хватило ума сказать:

- Не можете посадить на машину, возьмите пока в слесари. Зачем же я буду квалификацию терять?

Начальник недовольно сморщился. Ему очень хотелось всучить мне лопату и грабли.

- Еще надо проверить твою квалификацию.

- Для этого есть испытательный срок.

- Все знает! - усмехнулся начальник, обращаясь к чертежнице. Видно, у него такая манера: обращаться не к собеседнику, а к третьему лицу.

Чертежница ничего не ответила. Опять скосилась на меня.

- Слесари на повременке, много не заработаешь, - предупредил начальник.

- Понятно, - ответил я.

- И жить придется в вагончике, - продолжал начальник, - механизмы работают в две смены - слесарь должен быть под рукой.

Надо бы пожить недельку с дедушкой. Но жизнь в вагончике меня тоже привлекала.

- Можно и в вагончике.

- Ладно, - нахмурился он, - пиши заявление.

Я присел и на краю стола написал заявление: «Прошу зачислить меня слесарем по ремонту, с дальнейшим переводом на машину».

Вручив его начальнику, я спросил:

- В каком вагончике я буду жить?

- Видали его! - Он опять обратился к чертежнице. - Спальное место ему подавай! Ты сначала поработай, заслужи.

С этими словами он размашисто начертил на углу моего заявления: «Зачислить с двадцать третьего августа».

Сегодня двадцать второе августа.

Только выйдя из вагончика, я осознал нелепую скоропалительность своего поступка. Куда и зачем я торопился? Не хватило духу сказать: «Я подумаю». Ведь я пришел только выяснить ситуацию. Каждый человек, решая свою судьбу, должен взвесить все. А я проявил слабость, поддался внешним обстоятельствам. С той минуты, как вошел в вагончик, сразу стал *оформляемым на работу*, действовал не так, как это нужно мне, а как нужно начальнику участка. Удивительно даже, как я сумел отбиться от лопаты и граблей. Нажми он на меня чуть сильнее - я бы на лопату согласился и на грабли. Меня оформили слесарем; я считал это своей победой, на самом деле это было поражением. Начальник участка предложил мне наихудший вариант (чернорабочий), чтобы потом, сделав якобы уступку, зачислить простым слесарем, вместо того чтобы принять шофером. Он надул меня, оболванил, объегорил. Я даже не спросил, какой у меня будет оклад! Повременка, а какая

повременка? Сколько мне будут платить? Что я здесь заработаю? Неудобно, видите ли, спрашивать. Болван. Сноб! Ради оклада люди и работают, а меня это, видите ли, не интересует.

И как быть с дедушкой! Вчера приехал, завтра уйду на работу. Хоть бы пожил с недельку со стариком. Он так этого хотел, пять лет мы с ним не виделись. Чертовски неудобно получилось! Просто ужасно.

Я шел вдоль трассы. Так же работали загорелые парни в брезентовых рукавицах и девушки в майках с оголенными руками и стройными ногами. Дымился асфальт. Подъезжали и отъезжали самосвалы. Мне это не казалось таким привлекательным, как вчера. Грубые, незнакомые, чужие лица. На практике мы были школьники, чего с нас спрашивать? А здесь пощады не жди, никто за тебя вкалывать не будет. Какой я, в сущности, слесарь? Отличу простой ключ от торцового, отвертку от зубила, могу отвинтить или завинтить, что покажут. А если поручат самостоятельную работу? Здесь не ждут, тут давай, тут строительство. Вкапался в историю.

Дома я без обиняков все объяснил дедушке. Пришел выяснить ситуацию, а они сразу зачислили меня на работу.

- А ты думал, - рассмеялся дедушка, - людей-то не хватает.

4

Все оказалось проще, чем я думал. Дорожный участок переходит с места на место, и люди часто меняются. Одни увольняются, набираются новые, а те, что работают постоянно, не видятся неделями, мало знакомы, а то и вовсе не знакомы - трасса растянута на сорок километров. На новеньких здесь не обращают внимания. Даже не знают, кто новенький, кто не новенький.

Главная работа не асфальтирование, или, как здесь говорят, сооружение покрытия, а устройство земляного полотна. Тут много машин: экскаваторы, бульдозеры, канавокопатели, самосвалы. Потому здесь же и слесарная мастерская: навес, верстак, тиски, точило, наковальня, сверло, пресс, сварка, кладовая запчастей. Работа примитивная: что-нибудь подогнать, заклепать, просверлить, отнести на трассу какую-нибудь часть - механизатор сам ее поставит. Механизаторы опытные, привыкли в полевых условиях все делать сами. На ремонтников не надеются. У ремонтников стандартный ответ: «Мы на повременке, нам торопиться некуда». Подчеркивают этим, что механизатор выгоняет в месяц до двухсот рублей, а ставка слесаря, скажем, моего разряда - шестьдесят пять.

Мастерская держится на механике. Его фамилия Сидоров. Пожилой, опытный механик. Главное, понимает, что с нас взять нечего: все делает сам, а мы на подхвате. И никогда нам не выговаривает. Только когда кто-нибудь уж чересчур начнет канючить, жаловаться на жару или еще на что, скажет:

- На фронте жарче было.

Он бывший фронтовик и до сих пор ходит в гимнастерке. Непонятно, как она у него сохранилась... Впрочем, это могла быть не фронтовая, а послевоенная гимнастерка.

Может, начальник участка - кстати, его фамилия Воронов - имеет влияние на автоинспекцию. Но все равно будет экзамен по вождению, по правилам движения, и главное, нужна новая медицинская справка о состоянии здоровья. Приедет

квалифкомиссия в Корюков десятого сентября.

И потому, возвращаясь с работы, я сел за «Курс автомобиля». Самосвал объезжал трассу, долго собирал живущих в городе, и добирался я домой часов в семь, а то и в восемь. Усталый как черт. А здесь уже в одиннадцать часов выключают свет - город на ограниченном лимите электроэнергии.

Ко всему, понимаете ли, меня стали задерживать на работе. Один раз до ночи ремонтировали экскаватор. Машина в город уже ушла. Я остался ночевать в вагончике на койке, ее хозяин был в командировке. Потом задержали еще раз. Потом третий. Конечно, сейчас горячая пора, механизмы не должны простаивать, но не слишком приятно ночевать на чужой койке, без постели, не раздеваясь и опасаясь, что вот-вот вернется хозяин и даст тебе по шее. А главное, на носу экзамены, надо готовиться, а меня задерживают.

Я так и сказал начальнику участка Воронову.

- Через две недели квалифкомиссия, а вы мне не даете подготовиться.

Разговор этот происходил в том же служебном вагончике, в присутствии той же чертежницы. Ее зовут Люда.

Обращаясь к ней, Воронов, усмехаясь, ответил:

- Видали его! Он учиться сюда пришел. А работать кто будет? Ломоносов? - Потом повернулся ко мне: - Я тебя предупреждал: слесарь может понадобиться в любое время.

- Да, вы предупреждали. Но вы обещали вагончик, а я живу в городе.

- Вот оно что. - Воронов нахмурился, будто я нанес ему тяжкое оскорбление, напомнив о его невыполненном обещании. - Хорошо, получишь место. - И угрожающе добавил: - Только уж тогда не хныкать.

Воронов невзлюбил меня, почему - не знаю. Возможно, чувствовал, что и он мне не нравится. Мне несимпатичны люди такого типа: властные, категоричные, насмешливые. В нем была скрытая каверзность, каждую минуту жди подвоха. Может быть, у него такой метод руководства: держать подчиненного в напряжении? Уступив в одном случае, он потом доказывал свою власть и преимущество в десяти других случаях. Так получилось и со мной. Я не поддался ему, не взялся за лопату и за грабли - одна зарубка, заставил дать место в вагончике - вторая.

Произошло это ровно через три дня. Мы с механиком Сидоровым были на трассе, меняли тягу у канавокопателя. Впереди двигался бульдозер, срезал блестящим ножом и отваливал в сторону грунт. Вел бульдозер Андрей, здоровый молчаливый парень.

Вдруг бульдозер остановился. Андрей вышел и что-то разглядывал на дороге.

Сидоров поставил тягу, велел мне закрепить ее, а сам пошел посмотреть, в чем причина остановки. Нагнувшись, Андрей и Сидоров что-то рассматривали на дороге.

Подъехал самосвал, из него вышел шофер Юра - красивый деловой парень в кожаной куртке с «молниями».

- Нашли клад, ребята? Я в доле.

Я затянул последнюю гайку и подошел к ним.

Бульдозер стоял перед маленьким холмиком, поросшим травой. Вокруг валялся низкий, полусгнивший штакетник.

Сидоров поднял из травы выцветшую деревянную звезду. Солдатская могила - видно, осталась еще с войны. Она была вырыта в стороне от прежней дороги. Но, прокладывая новую, мы спрямляли магистраль. И вот бульдозер Андрея наткнулся

на могилу.

Андрей сел в кабину, включил рычаги, нож надвинулся на холмик.

- Ты что делаешь? - Сидоров встал на холмик.

- Чего, - ответил Андрей, - сровняю...

- Я тебе сровняю! - сказал Сидоров.

- Разница тебе, где он будет лежать: над дорогой, под дорогой? - спросил шофер Юра.

- Ты в земле не лежал, а я лежал, может, рядом с ним, - сказал Сидоров.

В это время подъехал еще один самосвал. Из него вышел Воронов, подошел к нам, нахмурился:

- Стоим?!

Взгляд его остановился на могиле, на штакетнике; кто-то уже собрал его в кучку и положил сверху выцветшую звезду. На лице Воронова отразилось неудовольствие, он не любил задержек, а могила на дороге - это задержка. И он недовольно смотрел на нас, будто мы виноваты в том, что именно здесь похоронен солдат.

Потом сказал Андрею:

- Обойди это место. Завтра пришлю землекопов - перенесут могилу.

Молчавший все время Сидоров заметил:

- По штакетнику и по звезде видать, кто-то ухаживал, надо бы хозяина найти.

- Не на Камчатку перенесем. Придет хозяин - найдет. Да и нет никакого хозяина - сгнило все, - ответил Воронов.

- При нем документы могут быть или какие вещественные доказательства, - настаивал Сидоров.

И Воронов уступил. За что, конечно, Сидорову придется потом расплатиться. Потом. А пока расплатился я.

- Крашенинников! Поезжай в город, поспрашивай, чья могила.

Я был поражен таким приказанием:

- У кого же я буду спрашивать?

- У кого - у местных жителей.

- А почему именно я?

- Потому что ты местный.

- Я не местный.

- Все равно, у тебя здесь дедушка, бабушка...

- Нет у меня бабушки, умерла, - мрачно ответил я.

- Тем более, старые люди, - со странной логикой продолжал Воронов. - Город весь вот, - он показал кончик ногтя, - три улицы... Найдешь хозяина, попроси: пусть забирают могилу, что надо, поможем, перевезем, а не найдешь хозяина, зайди с утра в военкомат: мол, наткнулись на могилу, пусть пришлют представителя для вскрытия и переноса. Понял? - Он повернулся к Юре: - Добрось его до карьера, а там дойдет.

- А кто за меня будет работать? - спросил я.

- На твою квалификацию найдем замену, - насмешливо ответил Воронов.

Такой хам!

- Ну, поехали! - сказал Юра.

...Вторым заходом самолет дал на бреющем полете пулеметную очередь и снова скрылся, оставив за собой длинную, медленно и косо сползающую к земле голубоватую полосу дыма.

Старшина Бокарев поднялся, стряхнул с себя землю, подтянул сзади гимнастерку, оправил широкий командирский ремень и португеею, перевернул налицевую сторону медаль «За отвагу» и посмотрел на дорогу.

Машины - два «ЗИСа» и три полуторки «ГАЗ-АА» - стояли на прежнем месте, на проселке, одинокие среди неубранных полей.

Потом поднялся Вакулин, опасливо посмотрел на осеннее, но чистое небо, и его тонкое, юное, совсем еще мальчишеское лицо выразило недоумение: неужели только что над ними дважды пролетала смерть?

Встал и Краюшкин, отряхнулся, вытер винтовку - аккуратный, бывалый пожилой солдат.

Раздвигая высокую, осыпающуюся пшеницу, Бокарев пошел в глубь поля, хмуро осмотрелся и увидел наконец Лыкова и Огородникова. Они все еще лежали, прижавшись к земле.

- Долго будем лежать?!

Лыков повернул голову, скосился на старшину, потом посмотрел на небо, поднялся, держа винтовку в руках, - небольшой, кругленький, мордастенький солдатик, - философски проговорил:

- Согласно стратегии и тактике, не должен он сюда залететь.

- Стратегия... тактика... Оправьте гимнастерку, рядовой Лыков!

- Гимнастерку - это можно. - Лыков снял и перетянул ремень.

Поднялся и Огородников - степенный, представительный шофер с брюшком, снял пилотку, вытер платком лысеющую голову, сварливо заметил:

- На то и война, чтобы самолеты летали и стреляли. Тем более, едем без маскировки. Непорядок.

Упрек этот адресовался Бокареву. Но лицо старшины было непроницаемо.

- Много рассуждаете, рядовой Огородников! Где ваша винтовка?

- В кабине.

- Оружие бросил. Солдат называется! За такие дела - трибунал.

- Это известно, - огрызнулся Огородников.

- Идите к машинам! - приказал Бокарев.

Все вышли на пустую проселочную дорогу к своим старым, потрепанным машинам - двум «ЗИСам» и трем полуторкам.

Стоя на подножке, Лыков объявил:

- Кабину прошил, гад!

- Это он специально за тобой гонялся, Лыков, - добродушно заметил Краюшкин. - «Который, думает, тут Лыков?..» А Лыков эвон куда уполз...

- Не уполз, а рассредоточился, - отшутился Лыков.

Бокарев хмуро поглядывал, как Огородников прикрывает срубленным деревом кабину и кузов. Хочет доказать свое!

Командирским голосом он приказал:

- По машинам! Интервал пятьдесят метров! Не отставать!

Километров через пять они свернули с проселка и, приминая мелкий кустарник, въехали в молодой березняк. Прибитая к дереву деревянная стрелка с надписью

«Хозяйство Стручкова» указывала на низкие здания брошенной МТС, прижавшейся к косогору.

- Приготовить машины к сдаче! - приказал Бокарев.

Он вынул из-под сиденья сапожную щетку и бархатку и стал надраивать свои хромовые сапоги.

- Товарищ старшина! - обратился к нему Лыков.

- Чего тебе?

- Товарищ старшина, - Лыков понизил голос, - я бывал в этой ПРБ, тут порядки такие: кто прибыл без сухого пайка, тех посылают на продпункт, в город.

- Ну и что?

- В городе продпункт, говорю...

- Вам выдан сухой паек.

- А если бы не выдали?

Бокарев сообразил наконец, на что намекает Лыков, посмотрел на него.

Лыков поднял палец.

- Город все-таки... Корюков называется. Женский пол имеется. Цивилизация.

Бокарев завернул щетку и мазь в бархатку, положил под сиденье.

- Много берете на себя, рядовой Лыков!

- Обстановку докладываю, товарищ старшина.

Бокарев оправил гимнастерку, ремень, портупюю, просунул палец под подворотничок, покрутил шей.

- И без тебя есть кому принять решение!

Обычная, известная Бокареву картина ПРБ - походно-ремонтной базы, размещенной на этот раз в эвакуированной МТС. Рокочет мотор на стенде, шипит паяльная лампа, трещит электросварка; слесаря в замасленных комбинезонах, под которыми видны гимнастерки, ремонтируют машины. Двигается по монорельсу двигатель; его придерживает слесарь; другой, видимо механик, направляет двигатель на шасси.

Мотор не сядил на место, и механик приказал Бокареву:

- А ну-ка, старшина, попридержи!

- Еще не приступил к работе, - отрезал Бокарев. - Где командир?

- Какой тебе командир?

- Какой... Командир ПРБ.

- Капитан Стручков?

- Капитан Стручков.

- Я капитан Стручков.

Бокарев был опытный старшина. Он мог ошибиться, не распознав в механике командира части, но распознать, разыгрывают его или нет, - тут уж он не ошибется. Его не разыгрывали.

- Докладывает старшина Бокарев. Прибыл из отдельной автороты сто семьдесят второй стрелковой дивизии. Доставил пять машин в ремонт.

Он лихо приложил, потом отбросил руку от фуражки.

Стручков насмешливо осмотрел Бокарева с головы до ног, усмехнулся его надраенным сапогам, его франтоватому виду.

- Очистите машины от грязи, чтобы блестели, как ваши сапоги. Ставьте под навес и приступайте к разборке.

- Понятно, товарищ капитан, будет исполнено! Позвольте обратиться с просьбой, товарищ капитан!

- Какая просьба?

- Товарищ капитан! Люди с передовой, с первого дня. Позвольте в город сходить, в баньке помыться, письма послать, купить кое-чего по мелочи. Завтра вернемся, отработаем - очень просят люди.

Все просятся в город. И лучше отпустить их сейчас, иначе потом сами будут бегать. Раньше чем через два дня их машины все равно не пойдут в ремонт - очередь. А уж тогда он с этого фронта потребует работу.

- Идите! Завтра к вечеру быть здесь. Опоздание - самоволка.

Теперь они шли по полевой дороге. Впереди Бокарев с Вакулиным, за ними Краюшкин, Лыков и Огородников. Над ними хмурое осеннее небо, вокруг необрунные поля.

- Какие хлеба богатые погибают... - вздохнул Краюшкин.

- Сентябрь, - подхватил Лыков, - в сентябре свадьбы гуляют.

- Жених нашелся, - усмехнулся Огородников.

- А чего ж, - примирительно сказал Краюшкин, - он еще парень молодой, может жениться. Хочешь жениться, Лыков?

- Да я уж три года как женат.

- И молодец! - одобрил Краюшкин. - Рано жениться - детей вовремя вырастить. Сейчас ребята у меня большие: один в ремесленном, другой в школе. А вспоминаю я их маленькими. Спать их, бывало, уложишь, а они все не угомонятся, головки с подушек поднимают, как ежики. Младший, Валерик, добрый, жалостливый, кошек, собак любит, кроликами интересуется. Какой где птенчик из гнезда выпал - обратно положит. Доктором будет.

- «Дети - цветы жизни», глубокомысленно изрек Лыков, - Максим Горький сказал. Сейчас, конечно, трудно - война, да ведь на то они и дети, в любом климате акклиматизируются: приспособливается детский организм.

- К голоду не приспособишься, - желчно заметил Огородников.

- Извините, что перебиваю вас, - опять обратился Лыков к Краюшкину, хотя вовсе не перебивал его, - но детям надо давать самостоятельность. В какой-то книжке я читал, видный ученый написал, профессор...

- Лыков! - перебил его Огородников. - А у тебя дети-то есть?

- Не пришлось обзавестись.

- А рассуждаешь - боронишь, как борона.

- Нет, - возразил Лыков, - я хоть в этом деле не специалист, но скажу...

Огородников опять перебил его:

- Чтобы детей иметь, специальность не требуется. У меня их четверо, без университетов сработал.

Краюшкин аккуратно прислонил окурок, спрятал его за отворот пилотки, рассудительно заключил:

- Да, трудно с детьми, и без детей худо. Я и на Кузнецком работал, и в Магнитогорске, бросало во все стороны. Бараки, особенно не разгуляешься, тем более с детьми.

- Выходит, вы заслуженный человек, товарищ Краюшкин, - восхитился Лыков, - все пятилетки объездили.

- Довелось, - подтвердил Краюшкин. - Представляли меня к медали «За трудовое отличие», да затерялись где-то бумаги. Все думали: получит Краюшкин медаль, а он не получил. Смеху было...

- На фронте получите, - утешил его Лыков. - Теперь, как вперед пойдём, их

много будут раздавать, мне один лейтенант говорил.

- Получишь свинцовую медальку в грудь, - проворчал Огородников.

Некоторое время они шли молча, потом Лыков сказал со вздохом:

- Сейчас бы неплохо буханочкой в зубах поковырять.

- Не мешало бы, - согласился Краюшкин, - сесть на пенек да съесть пирожок.

В лесу послышались треск, шорох, опять треск, и все стихло.

Солдаты остановились, прислушались.

Лес стоял неподвижно под низкими тоскливыми серыми облаками.

- Пошли! - сказал Бокарев.

И вдруг небольшой конусообразный предмет, похожий на гранату, вылетел из леса и упал к ногам Вакулина.

- Залечь! - крикнул Бокарев.

Они упали там, где стояли.

Граната лежала прямо против Вакулина, но не взрывалась. Он открыл глаза и со страхом посмотрел на нее, потом чуть подался вперед - перед ним лежала большая коричневая шишка.

Он встал, поднял шишку. Солдаты тоже встали.

Вакулин сделал несколько шагов к лесу.

На дереве, свесив босые ноги, сидела девчонка лет семнадцати и улыбалась.

- Ты что, дура, делаешь, - сказал Вакулин, - а если бы я тебя, дуреха, пристрелил?!

- Вояка - шишки испугался, - рассмеялась девчонка, дерзко глядя в глаза Вакулину: видно, ей понравился молоденький хорошенький солдатик.

- Не у места такие шутки, девушка, - заметил Огородников.

Краюшкин добродушно качнул головой:

- Шустрая.

Снова раздался треск - коза с большим выменем и грязной, свалявшейся под брюхом шерстью обдирала кору с деревьев.

- Ты откуда? - строго спросил старшина Бокарев девчонку.

- А вон из Федоровки, из деревни...

Она мотнула головой в сторону поля.

- У вас в деревне все девки такие веселые? - спросил Лыков.

- Для кого веселые, для кого нет, - бойко ответила девчонка, поглядывая на Вакулина.

- Музыкальные инструменты есть, баян, например?

- Есть! Четыре патефона и одна пластинка.

- А звать тебя как?

- Нюра.

- Товарищ старшина, - предложил Лыков, - чем в город тащиться, пойдем в деревню.

- Непорядок, - возразил Огородников, - отпросились в город, надо идти в город.

Возражение Огородникова решило дело.

Бокарев хмуро посмотрел на него, перевел взгляд на девчонку:

- Зачем на дерево взобралась?

- Козы боюсь, бодается, - засмеялась она.

- Рядовой Огородников! - распорядился Бокарев. - Отвязать козу и

препроводить в населенный пункт.

6

Почему именно я должен ходить по домам? Спрашивать, чей покойник на дороге? Могли послать того же Юру на машине, с запиской в военкомат. Хозяина могилы все равно не найдешь. Нет никакого хозяина, все заросло травой. Воронов нарочно дал мне такое нелепое поручение. Повозись, мол, брат, походи, здесь на трассе ты особенно не требуешься. И стыдно перед дедушкой: сразу поймет, на каком я тут положении - мальчик.

Но дедушка отнесся к этому делу нормально.

Он сидел против меня. Смотрел, как я рубая творог со сметаной со здоровенным кусищем хлеба. Морщинки собрались в уголках его глаз; он улыбался моему молодому, здоровому аппетиту. Мне нравится такая старость - мудрая, умиротворенная. Человек не суетится, мало думает о себе, а больше о других, спокоен и доброжелателен. И наоборот, очень не нравятся нервные, раздражительные, беспокойные старики.

- Солдатских могил тут много, - сказал дедушка. - В сорок втором немцы прорвались на юг, на Сталинград и на Кавказ. Бои были тяжелые. Какие могилы раскопали, перенесли в братские, обелиски поставили, - видел, наверно... А эта могила, значит, осталась. И хозяин, видно, был: по штакетнику можно судить, кто их в войну ставил, эти штакетники! Кто-то ухаживал, только, может быть, умер уже. Ладно, не горюй, я похожу, поспрашиваю.

Получилось как в сказке: дедушка ушел порасспрашивать, а я лег спать. Проснулся, когда было уже совсем темно. В окне виднелись огни соседских домов. Было слышно, как дедушка возится на кухне, с кем-то разговаривает.

Я не стал прислушиваться. Мне неинтересны люди, посещающие дедушку, такие же пенсионеры, как и он, старики и старухи. Он знакомил меня с ними, представлял их важными, значительными, даже выдающимися людьми. Тот - генерал в отставке, чуть ли не принимал капитуляцию Германии. Другой - бывший директор завода, конечно, самого большого в СССР. Эта старая большевичка чуть ли не с самим Лениным работала. Но эти выдающиеся знаменитости обсуждали что-то мелкое, житейское, незначительное, свои заботы, хвори, неудачи. Все это обсуждалось у дедушки. Потом дедушка надевал фуражку и отправлялся по учреждениям. Ходил, хлопотал, устраивал больных в больницу, детишек в ясли и детские сады, добивался пересмотра дела в суде, всяких там переселений и улучшений бытовых условий. Хотя сам был не моложе своих просителей, даже старше. Но был здоров, не признавал врачей, от всех болезней сам употреблял и другим рекомендовал гнилые яблоки.

Я встал, включил свет, побегал на месте, разминаясь.

Между тем дедушка проводил своего посетителя и вошел в комнату:

- Отоспался? Нет? Поужинай и снова ложись. Гречневую кашу как предпочитаешь? С молоком, с маслом?

Я предпочел и с молоком и с маслом.

Пока я уминал кашу, дедушка рассказывал:

- Есть такие сведения, будто на могилу при дороге ходила женщина, Смирнова Софья Павловна, живет на улице Щорса, дом десять, - это новые наши дома. Думал я к ней зайти, да неловко через третьи руки. Сам поговоришь - отчитаешься перед

начальством.

Я посмотрел на часы - половина десятого.

- Сейчас, пожалуй, поздно.

- Поздно. Завтра с утра сходи.

Утром я не слишком торопился. Рабочий день пропал, на трассу я уже не поеду. Пришел я в новые панельные дома часам к двенадцати. Они выглядели довольно нелепо среди огородов и старых дровяных сараев. Дети играли на деревянных мостках, сушилось белье.

И маленькая квартирка, в которую я попал, тоже производила впечатление деревенского быта, втиснутого в городской дом. На полах цветастые дорожки. На нитках сушатся грибы. Ведро на скамейке прикрыто плавающими в воде круглыми деревянными крышками. Пахнет капустой и солеными огурцами. В комнате громадный сундук, окованный железом. И как единственный знак современности - громадный телевизор марки «Рубин» старого выпуска.

Перед телевизором сидела старая, грузная женщина, с толстыми, отеками ногами. Она вопросительно посмотрела на меня. Я объяснил ей причину своего прихода.

- Ходили мы с подругами на могилу, - ответила Софья Павловна, - и в войну и после войны ходили, потом померли подруги мои, осталась я одна; тоже ходила, а теперь совсем больна стала, не двигаются ноги, в магазин спуститься и то проблема.

И снова воззрилась на телевизор. На экране элегантные молодые люди и девушки показывали танцевальные фигуры. Их комментировал еще более элегантный инструктор: «Дамы делают полуоборот направо, кавалеры - полуоборот налево...»

- В безвозвратно прошедшие годы, - вздохнула Софья Павловна, - была я большая любительница до танцев, обожала танцы - вальс, краковяк, падеспань. Призы брала.

- А фокстрот, чарльстон, шейк? - поинтересовался я.

- Все как есть танцевала, - ответила Софья Павловна, - курсов не кончала, да и не было в мое время ни курсов, ни телевизора - телевизор еще не изобретен был, - а я лишь посмотрю, как люди танцуют, и весь танец понимаю.

«Может быть, и правда в ней погибла великая исполнительница модных танцев...» - подумал я.

Сверху послышался топот.

- Кругом люди, - продолжала Софья Павловна, - а я одна. Ночью во всех углах трещит, а что трещит - не пойму.

- Сверчок, - предположил я.

- О сверчке я даже мечтаю. Не знаю только, как достать, - ответила старуха, глядя на меня как будто с надеждой: нет ли у меня сверчка?

Это выглядело смешно и грустно.

- А как фамилия солдата, кто он такой? - спросил я.

- И, милый... Кабы знала я его фамилию. Нету у него фамилии. Знаем только: закидал гранатами немецкий штаб, разгромил вчистую.

Я с удивлением посмотрел на нее. Такой героический поступок не мог остаться неизвестным. А вот никто, кроме нее, о нем не знает. Выдумывает, наверно. Выдумывает, что танцевала шейк, которого тогда и в помине не было. О сверчке мечтает.

- Пригнали нас ночью, - продолжала между тем Софья Павловна, - он ничком

лежал; выкопали мы яму, они его туда и спихнули. Мужчина был представительный, высокий - яму длинную копали... Ходили мы с подругами, и одна я ходила, а теперь душа болит: лежит один в чистом поле, а что делать? Найдутся, думаю, добрые люди, доглядят. Школьники вот... Какие вещи после него остались, все им передала.

Она тяжело поднялась, подошла к окну, выглянула в него, крикнула:

- Дора Степановна, а Дора Степановна... Наташка твоя дома? Пусть зайдет, скажи...

Она вернулась, опустилась на стул.

- Вот Наташка тебе и покажет, ей все отдала.

Разговор с какой-то Наташкой совсем не входил в мои планы. Нет фамилии, нет документов, и фактически нет хозяина могилы. Так и доложу Воронову.

- Нет, зачем, - сказал я, вставая, - мне ведь только узнать надо было насчет могилы. Мы ее перенесем на другое место.

- А ты поинтересуйся, - сказала Софья Павловна, - может, школьники узнали его фамилию. У них ноги молодые. А я что? Ходила тут к одному, к Михееву, сады богатые держит: у него в войну солдат наш раненый от немцев прятался. Ходила к Агаповым - у них тоже был наш солдат. Никто ничего не знает - были солдаты и ушли. А больше и ходить не к кому было.

Я досадовал на старуху: зачем мне школьники? Но уходить было неудобно. Я сидел и ждал, когда явится Наташа.

А старуха смотрела телевизор. Танцы сменились передачей для детей, а она все смотрела.

Наконец дверь открылась. Появилась Наташа.

Честное слово, никогда не думал, что в Корюкове, да еще в этих панельных домах, есть такие девочки!

7

И вот мы с Наташей идем по пустой школе. Шаги наши гулко отдаются в пустом коридоре. Справа - громадные окна, в их стекла бьет яркий солнечный свет. Слева - закрытые двери классов. Чудится, будто там идут уроки, хоть знаешь, что никаких уроков нет.

Мы спустились по коротко» боковой лестнице и очутились перед дверью, на которой было написано: «Штаб рейда «Дорогой славы отцов». В моей школе не было такого штаба и не было такого рейда. Я знал об их существовании, но видел впервые.

На стендах лежали старые солдатские каски, пилотки, гильзы, винтовки без затворов, с зарубками на прикладе. Видно, отмечал снайпер, сколько немцев убил из нее.

На стенах висели увеличенные портреты воинов - суровые лики войны. Я сказал:

- Если бы даже на них не было гимнастерок, я бы сразу определил, что это солдаты Отечественной войны. Эпоха накладывает на лица свой отпечаток.

Не знаю, дошел ли до нее внутренний смысл моих слов. Наверно, не дошел, слишком серьезно она ответила:

- Эти солдаты погибли в наших местах. Мы разыскали их родственников.

Конечно, дело это нужное и полезное. Но меня не убедишь, что действительно

есть энтузиасты рыть могилы, переносить останки, разыскивать родных, которые и без того знают, что их близкие погибли. Да и какие родственники сейчас, через тридцать лет? Отцы и матери умерли, дети забыли, внуки в глаза не видели.

Но Наташа мне понравилась, и я сочувственно заметил:

- Это было, наверно, чертовски трудно?

- Это было сложно, - ответила она.

У нее гладкое лицо и серые пристальные глаза. Стройная, смуглая, спортивная девчонка. Она мне сразу понравилась. Хотя я и сразу понял, что совершенно ей безразличен. Интерес у нее не возник, а когда интерес не обоюден - тогда мертвое дело.

Она рылась в большом книжном шкафу.

- Ты в каком классе - в девятом, в десятом?

Она ничего не ответила. Ей не нравятся мои вопросы? Почувствовала мой интерес? А что в нем предосудительного? Я знаю этих серьезных, замкнутых девчонок, это гроб с музыкой... И все же именно в таких девчонок я всегда врезываюсь. Их замкнутость, что ли, меня интригует? И чем бесперспективней, тем больше стараюсь. Мистика!

Она достала из шкафа сверток:

- Вот пакет Софьи Павловны. Здесь нет ни фамилии солдата, ни документов. Мы отложили розыск до осени.

Она развернула пакет и выложила его содержимое на стол: фотография, старая промокашка, кiset с вышитой на нем буквой «К», самодельная зажигалка из патрона, маленький картонный квадратик из детского лото с изображением утки.

Фотография была разорвана на четыре части, потом склеена. Пять солдат сидели на поваленном дереве на фоне леса. В середине - бравый, щеголеватый старшина со значком на груди, с медалью, с широким командирским ремнем и портупеей через плечо. Справа от него - два молодых солдата, слева - два пожилых. Я перевернул фотографию. Там было написано: «Будем помнить ПРБ-96».

- Что за ПРБ-96?

- Название ремонтной части, их уже давно не существует, - ответила Наташа, - и найти ее невозможно. Когда часть строевая - полк, дивизия, - тогда легче. И потом, на карточке пять солдат. Кто из них в могиле - неизвестно.

Она говорила в воздух. Будто я не живой человек, а казенная единица, пришедшая посмотреть казенное дело.

- Слушай, - сказал я, - у вас тут, кажется, есть танцплощадка.

- Есть. - Она насмешливо посмотрела на меня. - Могут и тебя пустить, если подстрижешься.

- Дело идет к зиме - утепляюсь.

- А дорога - это что: романтика?

Итак, прояснилось ее мнение обо мне.

- Тут ты угадала: муза дальних странствий.

Я говорил и держался развязно. Тоже мистика! С девчонками, с которыми нужно держаться развязно, я серьезен. И наоборот: с кем нужно быть серьезным, говорю развязно. Чувствую, что все порчу, а иначе не могу. Я всегда стараюсь укрепить первое впечатление о себе, даже если это впечатление для меня невыгодно. Возможно, у меня какое-то психическое нарушение - делать все во вред себе.

- Кстати, дай мне фотографию, - сказал я.

- Зачем?

- Отчитаться перед начальством, а то скажут - не ходил. Я лицо должностное.

- Только верни, - после некоторого колебания ответила она.

- А как же, завтра же. Ты где живешь? Дом я знаю, а квартира?

Она пожала плечами:

- Какая тебе разница? Принеси в школу - мне передадут.

Понятно... И все же я ее так не отпущу. Вижу, что дело гиблое, а не отпущу.

Психи мы, психи!

- Так как, договорились? Идем на танцы? Завтра!

- Завтра нет танцев.

- Послезавтра.

- Послезавтра я буду у бабушки.

- Послепослезавтра.

- Опять нет танцев.

- Ясно. А как насчет кино?

- Я видела эту картину.

- Какую?

Она засмеялась:

- Видела...

- Да, слушай, Софья Павловна сказала: про солдата знают ваши местные жители - Михеев и Агаповы. Известны тебе такие?

- Известны.

- Сходим узнаем, найдем этого солдата.

- Курьеры, курьеры, тридцать тысяч курьеров.

- Ты хочешь сказать, что это не так просто.

- Да, приблизительно это я и хотела сказать.

- А попытаться?

- Попытайся.

Из школы я отправился на почту. Дал телеграмму в Центральный военный архив:

«Прошу сообщить где в сентябре 1942 года находился ПРБ-96 жив ли кто-нибудь из его командиров их адреса».

Обратный адрес я указал: Корюков, дорожно-строительный участок, мне. Так запрос выглядел солиднее.

Квитанцию я скрепкой прикрепил к фотографии. Снова, на этот раз внимательно, рассмотрел ее. Солдаты сидели на поваленном дереве. У старшины через плечо висела полевая сумка, на левой стороне груди медаль, какая - не разберешь, а на правой - значок, по форме напоминающий гвардейский.

8

Вагончики и навес-столовая были ярко освещены. Уютно тарахтела электростанция. Тишина, покой, отдых после тяжелого трудового дня.

Рабочие обедали за столами, сколоченными из толстых, обтесанных досок с врытыми в землю крестовинами.

Мои соседи по вагончику - бульдозерист Андрей, тот самый, что наткнулся на могилу, и шофер Юра, подвозивший меня в город, - помахали мне. Я подсел к их

столику. С ними сидела чертежница Люда. Как я понял, у нее с Юрой любовь.

- Чего узнал? - спросил Юра.

Все равно придется докладывать Воронову. Я счел лишним рассказывать сейчас.

- Справки по ноль девять.

- Во дает! - восхитился моим ответом Андрей.

Из кармана куртки он вытащил пол-литра, разлил по стаканам. Люда мизинцем провела по самому донышку, показала, сколько ей налить. На ней был немислимо короткий плащ с погончиками, этакий мини-плащ. Странно, что такая молодая девчонка работает на строительстве дороги и живет в вагончике. Может быть, из-за Юры?

Водку я не люблю. Но выпить пришлось. Как объяснил Андрей, мы выпиваем в честь моего переезда в вагончик. Сегодня они, старожилы, угощают меня, завтра я, новосел, угощу их - таков обычай.

Так объяснил Андрей.

За соседними столами тоже ужинали, шумели, галдели. Но Андрей, Юра и Люда держались особняком. Сидели с видом людей, которые обо всем уже переговорили, молча понимают друг друга, сознают свою значительность. В коллективе каждый создает себе положение как сумеет. Эти решили создать себе положение, держась независимо и значительно.

Мимо нас прошел инженер Виктор Борисович, пожилой интеллигентный человек с помятым лицом. Окинул наш стол внешне безразличным, а на самом деле зорким взглядом.

- Присаживайтесь, Виктор Борисович, - пригласил его Андрей, придвигая табуретку.

Виктор Борисович присел чуть в стороне, оперся на палку. Не то сидел с нами, не то сам по себе.

Андрей налил и ему.

Ужин кончался, рабочие расходились. Официантка Ирина с подносом в руках собирала со столов посуду.

- Ириночка, прелесть моя, - Виктор Борисович погладил ее руку, - какая ручка, какое чудо!.. Радость моя, попросите на кухне немного льда и томатный сок.

- Ладно, - недовольно проговорила Ирина и пошла дальше, собирая на поднос посуду. У нее довольно правильные, даже тонкие черты лица, испорченные, однако, выражением недовольства.

- Только в глуши попадаются такие иконописные лица. И имя византийское - Ирина, - сказал Виктор Борисович.

- Византия - Константинополь - Стамбул, - небрежно проронил Юра, показывая свою образованность.

- Ирина, жена византийского императора Льва Четвертого, красавица, умница, - Виктор Борисович бросил в стакан лед, добавил томатного сока, - управляла государством вместо своего сына Константина, которого свергла с престола и ослепила.

Ребята с интересом слушали этого пожилого, видно, образованного застольного краснбая.

- Какие женщины были! - заметил Юра.

- То есть! - многозначительно произнесла Люда.

Это выражение обозначало у нее высшую степень согласия.

- Сына ослепила! - возмущился Андрей. - Ее надо было посадить на кол, четвертовать, колесовать, расстрелять и повесить.

- Боже, какой кровожадный! - с деланным ужасом проговорила Люда.

Виктор Борисович продолжал:

- Не только не повесили, дорогой мой друг Андрей. А наоборот, была она высоко отмечена церковью за преследование иконоборцев, то есть тех, кто боролся с культом икон.

- И правильно преследовала, - заметила Люда, - сейчас иконы ценятся.

- Иконы - это другое, - возразил Андрей, - это древность, история. Поронск отстраивают - тоже древность, история.

Виктор Борисович вдруг опустил голову и печально проговорил:

- Неизвестно еще, где она, настоящая история. Возможно, в Поронске, а может быть, и еще где-то.

- В старину люди крупнее были, - объявил Юра, - кипели сильные страсти. Олег на лодках доходил до Цареграда.

- «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам... - запел Андрей. У него был сильный низкий голос, а главное, могучая грудная клетка: он, наверное, мог бы заменить целый хор. - Их села и нивы за буйный набег обречены мечам и пожарам...»

Юра и Люда подхватили:

- «Так громче, музыка, играй победу, мы победили, и враг бежит, бежит, бежит...»

И когда они прокричали это самое «бежит, бежит, бежит», в столовую вошел Воронов, окинул ее хмурым взглядом, подошел, сел за наш стол.

- Что, узнал?

Я положил перед ним фотографию и рассказал о Софье Павловне и о школе. О телеграмме, которую дал в Москву, естественно не сказал. О Наташе тоже.

Пока я рассказывал, фотография обошла всех и наконец задержалась у Виктора Борисовича: перед тем как рассмотреть ее, он долго дрожащими руками искал по карманам очки.

- Ясно, - сказал Воронов, - тетку нашли, а она ничего не знает. Фотография есть, а кто похоронен - неизвестно.

- Про то и разговор, - поддакнул я, намекая, что дело требует дальнейшего расследования: мне очень хотелось опять повидать Наташу.

Виктор Борисович наконец водрузил очки на нос. Рассматривая фотографию, сказал:

- Старшина - красавец. Как вы считаете, Люда?

- То есть!

С некоторым оттенком ревности Воронов заметил:

- Для нашей Люды один красавец - Юра. Он для нее Собинов плюс Шалыпин.

- Вас я тоже считаю красавцем, - парировала Люда.

- Спасибо! - поблагодарил Воронов.

Виктор Борисович показал на самого пожилого солдата:

- А этот на тебя похож, Сережа, как будто твой отец или дед.

- У меня все предки живы до четвертого колена, - соврал я, - наша семья славится долголетием. Железные нервы.

- Видали его! - сказал Воронов, обращаясь на этот раз ко всем за столом. -

Какой долгожитель! Все! Завтра переносим могилу. Твоя миссия окончена, Мафусаил!

Железобетонным голосом я возразил:

- Во-первых, я должен вернуть фотографию. Во-вторых, надо зайти к одному человеку, по фамилии Михеев, и к женщине, по фамилии Агапова. При немцах у них прятались наши солдаты.

- Нет уж, - еще более железобетонным голосом ответил Воронов, - мы свое дело сделали. А остальным пусть занимаются школьники, военкомат - кому положено. Все. Точка.

- Но я обещал прийти. Меня будут ждать. Люди!

- Видали его! - снова обратился Воронов к сидящим за столом. - То вовсе не хотел идти, а теперь бежит - не остановишь. А кто за тебя будет работать?

- Вы сами говорили: на мою квалификацию замена найдется, - напомнил я.

- Все помнит! - заметил Воронов.

Рабочие кончили ужинать, разошлись. Столовая опустела. Официантка Ирина подметала пол.

Виктор Борисович положил на стол фотографию, пробормотал:

- «Великий Цезарь, обращенный в тлен, пошел, быть может, на обмазку стен...»

- Шекспир, «Гамлет»! - заметил я.

- Знает! - кивнул головой Воронов, хлебая борщ.

- Если солдат этот действительно разгромил немецкий штаб, тогда стоит поискать, - заметил Андрей.

- Прошлое обрастает легендами, люди создают мифы, - пробормотал Виктор Борисович.

- Герой не герой, - сказал Юра, - а разыскать его невозможно. В войну погибли миллионы... Только надо и о живых думать. А кому до нас дело? Сидим в поле.

- Переходи на такси. - Воронов отодвинул тарелку, встал. - Завтра переносим могилу. А ты, - он обращался ко мне, - как-нибудь вечером на попутной машине отвези фотографию.

И вышел из столовой.

Официантка Ирина с веником в руках и византийским выражением на лице только этого и ждала:

- А ну подымите копыта!

9

Есть теория, будто внимание приятно любой девушке, льстит ее самолюбию. Теория эта несостоятельна. При моем появлении на лице Наташи изобразилась досада. Я был ей неинтересен, неприятен, может быть, даже противен.

Прав Пушкин: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Я нарушил завет великого поэта.

По двору она шла со мной, как сквозь строй, как на Голгофу.

Судачили женщины. Мужчины под грибком забивали «козла». Парни в подъезде своими взглядами дали мне понять, что если я еще раз появлюсь здесь с девчонкой с ихнего двора, то они самое малое оторвут мне голову.

Стараясь держаться возможно официальнее, я сказал Наташе, что могилу мы переносим. Но должны получить разрешение вышестоящих инстанций; требуется знать, чья могила. Таково правило. Таков закон. Их мы не смеем нарушить, иначе

остановится строительство дороги. А дорога должна быть закончена в твердые сроки. От этого зависит открытие международного туристического центра в Поронске. Туристический центр - это, между прочим, валюта. Недобор валюты - подрыв государственного бюджета.

Так я ей все это расписал, так разукрасил. Она если не смягчилась, то, во всяком случае, прониклась серьезностью задачи. И сам я, несомненно, вырос в ее глазах. С этого бы мне, дураку, и начинать тогда в школе, а я завел бодягу насчет танцев. Впрочем, возможно, все к лучшему. Ей теперь не может не быть стыдно за то, что ошибочно приняла меня за пошляка и циника.

Михеева, сухощавого старика с садовым ножом на поясе и двустволкой в руках (он стрелял по галкам), мы застали в саду. Пахло яблоками. У ворот лежали кучи песка, торфа, навоза. На цепи рвалась и лаяла овчарка.

- Скажите, пожалуйста, у вас в войну лежал наш раненый солдат? - спросила Наташа. Задавать такие вопросы было для нее делом привычным.

Михеев оперся на ружье, посмотрел на нас:

- Какой такой солдат?

- Наш, советский, при немцах, - пояснила Наташа.

- Был у меня солдат, был, а как же, - охотно подтвердил Михеев.

- Вы его фамилию не помните?

- Как можно помнить то, чего не знал, - ответил Михеев, - чего не знал, того не знал. И не знаю.

Я протянул ему фотографию:

- Есть он здесь?

Михеев надел очки:

- Зрение уже не то, да и времени прошло много, стираются детали в памяти человеческой.

Он долго рассматривал фотографию. Потом посмотрел на меня, на Наташу и показал на самого молодого солдата:

- Вот этот.

На снимке, справа от старшины, сидели два солдата. Один совсем молоденький, беленький - на него и показал Михеев.

- Вот этот солдат и был у меня. Звали его Иваном. Фамилии не знал и не знаю. А зачем он вам нужен, солдат этот?

Я объяснил. Мы нашли могилу при дороге. Выясняем личность солдата. Никаких документов при нем, кроме этой фотографии, не было.

Михеев выслушал мои объяснения, потом сказал:

- Лежал он у меня раненый, а тут немцы вошли в город. Он не пожелал остаться: найдут, говорит, лучше в лес подамся. Собрался, я его на тропку вывел, он ушел.

Я спросил, не слыхал ли Михеев о нападении на немецкий штаб и не этот ли солдат совершил такой геройский поступок.

- Слыхали мы про взрыв штаба, - ответил Михеев, - только не мог мой солдат этого сделать. Ушел он от меня в тот день, когда вошли немцы, а штаб взорвали на четвертый или на пятый день. К тому же был серьезно ранен и если сумел дойти до леса, то слава богу. - Он показал на старшину. - На третью или четвертую ночь приходил ко мне этот старшина, искал Ивана. Я ему все объяснил: нет, мол, Ивана. С тем старшина и ушел - видно, прятался в городе. И когда те взрывы произошли, я

сразу подумал: его рук дело. Может быть, я ошибаюсь, только все мои предположения именно на него, на старшину.

Рассказ Михеева произвел впечатление достоверности. Он говорил твердо, убежденно и доказательно. Я ни на минуту не сомневался в правде его слов. Хотя сам Михеев казался мне малосимпатичным, сухим и рассказ его сухим, слишком деловым. Таким же тоном он мог бы рассказать о пропавшей телеге. Ничто не дрогнуло в его лице, не шевельнулось в душе, не защемило сердце. Был парнишка, ушел. Может, дошел до леса, может, нет. Был старшина, пришел ночью, спросил, ушел; наверно, он взорвал штаб, а может, и не он.

По дороге к Агаповым я поделился этой мыслью с Наташей.

- Все реагируют по-разному, - ответила она, - он рассказал, что знал.

- Видимо, ты права, - согласился я, - мне не приходилось с этим сталкиваться, потому и показалось странным. Во всяком случае, его рассказ - серьезное *свидетельство*: есть одно имя - Иван, Ваня. Есть предположение, кто взорвал штаб - старшина. Теперь остается узнать его фамилию.

- Остается совершеннейший пустяк, - насмешливо проговорила Наташа.

Она была в простом синем пальтишке, но выглядела как богиня. Подул ветер, и она подняла воротник.

Нет контакта, хоть убей! Держусь официально, делаем одно дело, и все равно - враждебность. Теперь она торопилась к Агаповым. Чтобы отделаться от меня.

У Агаповых ее встретили как знакомую: в маленьких городках все знают друг друга.

У Михеева разговор ограничился хотя и содержательной, но сухой и короткой информацией. Здесь же он принял характер пресс-конференции. Мы даже сидели за круглым столом: Агапова-старшая - худенькая старушка с беспокойным лицом, Агапова-младшая - интеллигентная молодежь женщина, ее сын Вячеслав, или Слава, толстый молодой человек двадцати трех лет в очках, Наташа и я.

Таков был состав участников этой незабываемой встречи.

Рассмотрев фотографию, Агапова-старшая сказала:

- В войну у нас стояло много солдат. Разве можно всех запомнить?

Я пояснил:

- Речь идет о том дне, когда в город вошли немцы.

- Когда вошли немцы - это было в сентябре сорок второго года, - у нас были два солдата. Эти или нет - не помню. Немцы всех нас выселили и разместили на улице свой штаб. А солдаты наши, как увидели, что в город вошли немцы, исчезли.

- Исчезли? - переспросил я.

- Исчезли, - подтвердила старушка. - Я не успела оглянуться, как они исчезли. Растаяли в воздухе.

- Мистика! А вы не слышали про солдата, который разгромил немецкий штаб?

- Слышала... Но немцы его убили, кажется.

- Мог это быть один из ваших двух солдат?

Она пожала худенькими плечиками:

- Мог и быть, мог и не быть, я этого не знаю.

И тут вмешался молчавший все время Слава:

- А почему я ничего не знаю об этой истории?

В семье Агаповых мне понравились все, кроме вот этого самого Славы. Он мне сразу не понравился. Молодой очкарик, к тому же толстый, обычно ассоциируется с каким-нибудь добродушным увальнем вроде Пьера Безухова. А если очкарик худой,

то с каким-нибудь болезненным хлюпиком типа... Не приходит на память тип... Во всяком случае, очки, свидетельствуя о каком-то изъяне, о физическом недостатке, придают их обладателям обаяние человечности, некоей беспомощности. Я не мог бы себе представить, скажем, Гитлера, Геринга или Муссолини в очках. Но если в очках хам, то он из всех хамов - хам, из всех нахалов - нахал, я в этом много раз убеждался. У таких очки подчеркивают их хищную настороженность. Их скрытое за стеклами коварство.

Вот таким очкариком и был Слава. И он спросил довольно капризно:

- А почему я ничего не знаю об этой истории?

Бабушка развела руками:

- Война была, стояли солдаты, ушли, ничего такого особенного.

- Как же ничего особенного - штаб разгромил, - возразил Слава.

- Я ведь не видела, кто разгромил штаб.

Бабушка не так проста - дает сдачи нахальному внуку.

Тогда внук обратился ко мне:

- Для чего вы ведете розыск?

Я коротко его проинформировал.

- Значит, вы с дороги, у Воронова работаете. Понятно.

Есть люди: упомяни при них какое-нибудь учреждение, они тут же назовут фамилию его начальника. Будто этот начальник их ближайший приятель или даже подчиненный.

- Да, *кажется*, фамилия нашего начальника Воронов, - небрежно подтвердил я.

- А я думал, ты из школы, - уж совсем пренебрежительно и притом «тыкая», объявил Слава.

- Нет, - возразил я. - Мы на практике, с четвертого курса автодорожного института.

- Сколько же вам лет, когда вы успели? - удивилась Агапова-бабушка.

- Меня приняли в институт досрочно, как особо одаренного дипломанта Всесоюзного математического конкурса.

- Строите дорогу, - сказала Агапова-мать, - неужели нельзя было заасфальтировать хотя бы главную улицу?

- А зачем? Сносить будут ваш город.

Все ошеломленно уставились на меня, даже индифферентная Наташа. Но меня понесло. Меня раздражал самоуверенный Слава, его очки, их хищный блеск.

- Теперь установка на города-гиганты, - продолжал я, - а у вас ни промышленности, ни индустрии, ни легкой, ни тяжелой. Свет и тот выключают в одиннадцать часов. Юмор.

- Наш город, - сказала Агапова-мать, - древнее Москвы, здесь была крепость, защищала Русь от кочевников.

Она сказала это с достоинством и обидой за свой город. Мне сделалось стыдно.

- Мама, не беспокойся, - иронически заметил Слава, хищно косясь на меня своими очками, - молодой человек фантазирует.

Мне надоела эта бодяга:

- Может быть, все же вспомните, кто из солдат был у вас?

Бабушка снова рассмотрела фото, развела руками:

- Нет, не могу вспомнить.

Агапова-мать взяла фотографию:

- Дай-ка я посмотрю.

Она тоже долго смотрела на фотографию, потом показала на старшину:

- По-моему, этот. Второго не помню, а этот был.

- Тебе тогда было двенадцать лет, - напомнила бабушка.

- И все равно помню. Такой был молодой, красивый. Он у меня промокашку попросил.

Я привстал.

- Промокашку?!

- Да. Я делала уроки, и он или его товарищ, в общем, кто-то из них попросил промокашку, и я дала.

- Почему вас так поразила промокашка? - спросил Слава.

Вместо меня ответила Наташа:

- Среди вещей солдата есть промокашка.

Это были первые и последние слова, произнесенные ею за весь вечер.

10

Наташа не позволила проводить себя. Я один побрел к дедушке.

Жаль, хорошая девчонка. Но что поделаешь: опаздываю. Все девчонки уже разобраны. Тем более хорошенькие.

Я шел по ночным, темным улочкам Корюкова, по узенькому-узенькому асфальтированному тротуару, недавно положенному - пять лет назад тут были деревянные тротуары. Фонари не горели. Только в редких окнах мелькал свет.

Есть что-то особенное в маленьком ночном городке, в спящих деревянных домишках, в этой темноте и безлюдности, какая-то таинственность и первозданность мира.

Такой же темной ночью здесь прятались наши солдаты. А потом вышли на улицу, к этой школе, там размещался немецкий штаб, гранатами разгромили его. Их убили, закопали в землю, и никто не знает их фамилий, никто не знал бы даже об их могиле, если бы бульдозер Андрея случайно не наткнулся на нее.

У меня в кармане фотография. На ней хорошенький, беленький солдатик Ваня; тяжело раненный, он ушел из дома Михеева, и его, может быть, застрелили немцы. И brave старшина, полный сил и жизни, крадучись шел такой вот ночью, чтобы узнать о своем раненом товарище, и не нашел его, а потом шел по этой улице и разгромил немецкий штаб.

Все это совершилось здесь. Драма войны, не оставившая следов, кроме могилы неизвестного солдата. А может быть, и других таких никому не ведомых могил.

Будь я помоложе, будь мне лет этак двенадцать или четырнадцать, я бы не отступил от этой истории: в том возрасте такие розыски очень увлекают. В третьем или четвертом классе мы нашли во дворе кусок надгробной плиты со стертой надписью о том, что здесь захоронен какой-то мещанин, и занимались этой плитой чуть ли не весь год. А здесь действительно история героическая, быть может, трагическая, еще живы свидетели Михеев, Агаповы, Софья Павловна. И есть промокашка. Да, при желании можно узнать. Если школьные следопыты проявят настойчивость, то могут установить имя неизвестного солдата.

Дедушка дожидался меня, отложил книгу, снял очки:

- Ужинать будешь?

- Так, что-нибудь.
- Борщ тебе подогрею, мясо в борще.
- Давай борщ, давай мясо.

За ужином я рассказал дедушке о Михееве и об Агаповых.

- Я хорошо знал самого Агапова, - сказал дедушка, - вместе служили на конезаводе; то мой «Изумруд» первым придет, то его «Планета». И в армии вместе служили, и погиб он геройски. Настоящий был конник, рубака, каких теперь нет. И семья образованная, интеллигентная, дочка библиотекой заведует. Видел дочку?

- Видел.

- А зятя?

- Нет.

- Зять - директор педучилища. Много для города делает. Сейчас добивается, чтобы к нам из Поронска перевели пединститут. Поронск теперь город туристский, зачем ему пединститут?

Я согласился. Пединститут действительно целесообразно перевести из Поронска в Корюков.

- А сын их - Вячеслав, видел его?

- Видел, видел.

- Историк, большой специалист по старине. Печатается.

- Карамзин!

- Парень одаренный - стихи, рассказы пишет.

- Державин!

Я уже говорил, что дедушке люди представлялись очень значительными, о каждом он отзывался с большим почтением, в самых превосходных степенях. Значительными представлялись ему и Агаповы. О Михееве он, правда, отозвался несколько сдержаннее, но тоже, в общем, благожелательно, как о садоводе-мичуринце. Такое благодушие мало шло к дедушкиной цыганской, даже несколько разбойничьей физиономии.

Рассматривая фотографию солдат, дедушка сказал:

- Молодые ребята, им бы жить и жить... Вот так-то вот молодых война косит. Меня, старого, пощадила, а их нет. - Он показал на стену, где висели портреты моих дядей. - Пришло матери извещение: погибли в боях, а где их могилы - не знаю... Все бы отдал, чтобы узнать.

Дедушка сказал это просто, как все, что говорил. Но у меня перехватило горло. Я никогда не интересовался, где похоронены мои дяди: погибли на войне - вот все, что я о них знал. И никто не говорил мне, что их могилы неизвестны.

- Да, - вздохнул дедушка. - Конечно, трудно найти солдата. А каждый кому-то дорог, особенно матерям. Помнишь, у Некрасова?

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые искренние слезы.
То слезы бедных матерей.
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

Дедушка прочитал эти стихи по-старинному, «с выражением», «с чувством». Но, честное слово, это было очень трогательно.

11

...Деревня была пуста.

Оценивающим взглядом Бокарев обвел два ряда покосившихся избенок, вытянувшихся по обе стороны широкой, поросшей желтеющей травой бугристой улицы. В середине ее колодец одиноко вздымал к небу свой длинный журавль.

- Вакулин, Краюшкин! - приказал Бокарев. - Разместите людей!

- Не так дом ищите, как хозяйку, - добавил Лыков.

Бокарев повернулся к Нюре:

- Какое тут у вас начальство? Кто председатель?

- Председателя у нас нет, - бойко ответила Нюра, - Клавдия у нас за бригадира.

Я за ней сбегая.

- Одна нога здесь, другая там, - поторопил ее Бокарев.

Нюра привязала козу к плетню и исчезла.

Солдаты присели у колодца.

Краюшкин почесал щеку, заросшую рыжей щетиной:

- Побриться бы надо.

- И так красивый, - усмехнулся Огородников.

- Был бы еще красивее, - добродушно возразил Краюшкин.

- Не твоим мощам чудеса творить, - заключил Огородников.

Лыков покачал головой:

- Все тебе не так, Огородников! Людей не любишь.

- А за что тебя любить? За длинный язык? Притащил нас сюда... Зачем?!

- Не я притащил, старшина приказал, - возразил Лыков, рассчитывая, что Бокарев осадит Огородникова.

Но Бокарев молчал, он и не слушал их разговор. В его солдатской жизни редко выпадали такие дни. На срочной и на сверхсрочной были увольнительные в город, были знакомые женщины. Но уже больше года, с первого дня войны, не было у него ни увольнительных, ни знакомых женщин. Пустынный вид деревни его не беспокоил. Он сам из деревни, из далекого приангарского села; днем деревня в поле, в лесу, на реке, на огородах. Тем более сейчас, без мужиков, хватает женщинам работы. И правильно, что не пошли в город. Пришли бы к вечеру, знакомства там сложные, долгие, придешь и уйдешь...

Его предположения оказались правильными. Набежали ребятишки, выполз старик в валенках и полушубке, пришли женщины, и, наконец, появилась Нюра, переодетая в сатиновое платье, с яркой косынкой на шее, в туфлях на босу ногу, и с ней бригадир Клавдия - миловидная женщина с пышной, еще стройной фигурой, в платке (под ним виднелись гладкие черные волосы), в жакете и в сапогах, плотно охватывающих ее сильные полные икры, - Бокарев уже не мог оторвать от нее глаз.

Он козырнул, молодецкато расправил плечи:

- Привет начальству!

- Здравствуйте, наши защитнички, - бойко ответила Клавдия.

- Такое, значит, дело, товарищ бригадир, - продолжал Бокарев, - есть

предписание остановиться в вашем населенном пункте. Поживем день-другой, а хорошо примете, то и недельку. - Он снял фуражку, движением головы откинул назад свои красивые волосы. - Много нам не надо: крышу над головой, постель...

- Постель, наверно, широкою потребуете, - засмеялась пожилая женщина с высоко подоткнутой юбкой.

- Это уж как устроите, - в тон ей ответил Бокарев. - Еда у нас своя, а выпить не откажемся, если поднесете.

- Где ее достанешь, водку-то? - заметила та же пожилая женщина.

- А достанешь, вам же отдашь, чтобы до города довели, - добавила другая и подняла высоко руку. - Вот так с поллитрой и голосуешь.

Бокарев внушительно заметил:

- Гражданочка, среди военных шоферов калымщик - редкое и позорное явление.

- Нам не для кого водку держать: все мимо нас едут, никто не останавливается, никому мы не нужны. - На лице Клавдии блуждала загадочная улыбка: не то завлекает, не то сама развлекается болтовней.

Бокарев пристально посмотрел на нее, потом, показывая на небо, спросил:

- Немец часто летает?

- А вы его боитесь? - поддразнила его Клавдия.

- Мы немцев не боимся, мы женщин боимся.

- Чем это вас женщины так напугали?

- Ихнего коварства боимся, - заглядывая ей в глаза, ответил Бокарев.

- Старшина времени не теряет, - тихо проговорил Лыков.

- Дело молодое, - добродушно ответил Краюшкин.

- Итак, товарищ бригадир Клавдия, - продолжал Бокарев, - просьба разместить военнотружущих и затопить баньку: для солдата баня - второе удовольствие в жизни.

- А первое?

- Первое - с прекрасным полом побеседовать...

- Баньку можно затопить, - деловито сказала Клавдия, - только воду с реки таскаем: засорился колодец, грязь одна. - Она тронула рукой сгнивший сруб. - Подходить боимся. А мужиков в деревне всего один. - Она показала на дремлющего на завалинке деда. - Не можем мы последним мужиком рисковать.

Женщины засмеялись.

- Ты нашего деда не обижай, - сказала Нюра, поглядывая на Вакулина, - он у нас хороший.

Рисуясь перед Клавдией, Бокарев командирским голосом приказал:

- Вакулин и Огородников, очистить колодец от посторонних предметов. Краюшкин и Лыков - заготовить новые венцы! Гражданское население прошу доставить ведра, веревки, багры в нужном количестве.

Огородников сварливо проговорил:

- А чего венцы менять, крепкие еще.

Он нажал на верхние венцы сруба и чуть не обрушился с ними в колодец.

- Много рассуждаете, рядовой Огородников! - прикрикнул Бокарев. - Выполняйте приказ: обеспечить население нормальной питьевой водой. Об исполнении доложить!

Изба пахла свежесмытыми полами, той чистотой, когда в доме живет одинокая, хозяйственная, работающая молодая женщина. Это было совсем не то, что

встречал Бокарев на танцульках, на вечерах самодеятельности, которые устраивали для них шефы, не то, что попадалось ему во время коротких увольнительных в город, и не то, что видел он на фронте: девушки-регулировщицы, санитарки, телефонистки, такие же военные, как он сам. Здесь было далекое, родное: молодая здоровая женщина, только покультурнее, чем девки и бабы в его далеком сибирском селе.

Клавдия сняла платок - ее черные смоляные волосы были разделены пробором, - сняла жакет и осталась в кофточке, открывавшей за каемкой загара полную белую шею и руки, широкие, рабочие, но тоже белые и полные; от них пахло душистым мылом, и этот запах мешался с запахом пота работающей женщины, - эти запахи пьянили Бокарева.

Она сидела рядом с ним на лавке и смотрела, как он пьет молоко, закусывает хлебом, разрезая его блестящим, остро заточенным финским ножом.

- Какой нож у вас страшный.

- На фронте без холодного оружия как без рук, - ответил Бокарев.

- Фрицев скоро прогоните?

- Точную дату назвать не могу, но думаю, что в будущем году войну закончим успешно. Сейчас на фронте положение слоеного пирога.

- Какого такого пирога? - удивилась Клавдия.

Бокарев, ударяя ребром ладони по столу, показал:

- Тут мы, тут фриц, опять мы, опять фриц. Вопрос в том, кто кого в котел возьмет. Все от вас зависит.

- От нас? - еще больше удивилась Клавдия.

- От того, как тыл будет сочувствовать фронту, - многозначительно произнес Бокарев, подвигаясь ближе к Клавдии.

Она опустила глаза, тронула медаль на его груди.

- «За отвагу»... А в чем отвага-то была?

- Все вам надо знать? - загадочно ответил Бокарев.

- Военная тайна, - засмеялась Клавдия.

- Вот именно. Могу рассказать только близкому человеку.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза серьезным, глубоким взглядом.

- Тебе сколько лет?

- Двадцать три.

- Молодой... - Она протянула руку, провела рукой по его волосам, слегка потрепала их. - Русоволосый... Любят тебя, наверно, девки.

Он попытался удержать ее руку.

- Любили когда-то. А сейчас не знаю: любят или нет.

Она вздохнула:

- Поллюбят еще молодые, красивые...

- Такую, как вы, мечталось встретить.

- Я старая, - вздохнула Клавдия, - тебе двадцать три, а мне тридцать.

- Самый возраст для женщины... - начал Бокарев.

Она кивнула на его полевую сумку:

- Сумка-то, наверно, письмами набита и фотографиями. Показал бы свою девушку?

- Какую девушку, нет у меня девушки. - Бокарев суетливо открыл планшет. - Письма у меня только от матери, мать у меня в Сибири живет... фотокарточка вот, снялись мы с командой.

На фотографии он был снят вместе с Вакулиным и Лыковым - справа, Краюшкиным и Огородниковым - слева.

- Военный фотокорреспондент снял. Ехал с нами, ночевали вместе, вот и снял. Всем по карточке на память роздал, известный фотокорреспондент, для «Правды» и «Известий» снимает. Могу оставить на память. Если взамен свою дадите.

- Фотографии у меня старые, я на них молодая, непохожая, - засмеялась Клавдия.

- Подарите, прошу убедительно.

- Подумаем, - сказала она, вставая, - пойдем, миленький, посмотрим, что у колодца.

Бокарев недовольно поморщился:

- О колодце не беспокойтесь. Все будет сделано согласно предписанию. В армии приказ командира - закон!

- Неудобно, - Клавдия натянула жакет, покрыла голову платком, - люди работают, а мы сидим.

Краюшкин и Лыков сидели на обтесанных досках, перед крынкой молока и краюхой хлеба, закусывали, дожидаясь, когда Вакулин и Огородников кончат свою работу.

Зияло открытое отверстие колодца; рядом, в луже, валялись гнилые доски старого сруба; их растаскивали по дворам бабы и ребятишки.

Над колодцем, с веревкой в руках, стоял Огородников. Тут же на корточках сидела Нюра, заглядывая в колодец, держа в руках веревку, которой был обвязан Вакулин.

- Тащи! - послышался из колодца голос Вакулина.

Перебирая веревку, Огородников вытащил из колодца ведро, неловко перехватил, немного воды выплеснулось.

- Осторожнее, боров! - закричала Нюра. - Там человек.

- Брысь! - ответил Огородников.

Бокарев заглянул в ведро: вода была чистой, свежей. Все же он приказал:

- Еще одну пробу.

Огородников выплеснул воду, снова спустил ведро, Вакулин опять наполнил его.

Попробовав воду и причмокнув от удовольствия, Бокарев сказал Клавдии:

- Прошу произвести дегустацию!

Клавдия сдвинула платок со лба, наклонилась к ведру, отпила и согласилась, что вода хорошая - пить можно.

За ней и другие женщины, наклоняясь к ведру, пробовали воду, хвалили.

Лыков удовлетворенно сказал:

- Чистый аш два о!

- Аш два о по-ученому означает: чистый лимонад, - объяснил Бокарев. - Попрошу местное население убрать территорию в смысле санитарии и гигиены. Завтра кладем сруб.

- Идите, ребята, парьтесь, затопили для вас баньку, - сказала женщина с подоткнутой юбкой, - а хотите, придем веничком постегаем.

- А Ваня там останется?! - закричала Нюра.

- Поднять наверх рядового Вакулина! - распорядился Бокарев.

Солдаты потащили веревку и подняли Вакулина. Он был в трусах, майке, сапогах и широкой соломенной шляпе, с которой капала грязь, - черный как

трубочист.

- Ванечка, бедненький, - жалобно проговорила Нюра.

- Вот на какие жертвы идет геройский советский солдат Во имя тыла, - назидательно проговорил Бокарев. И, наклонившись к Клавдии, тихо добавил: - А вы, чуть что - отодвигаетесь...

12

До квалификационной комиссии осталось пять дней.

Экзамена по правилам движения я не боялся. Я их знал практически, сумею объяснить и теоретически. Запомнил еще с того дня, когда получал любительские права.

Экзамена по вождению автомобиля тоже не боялся. Я и раньше ездил прилично, а здесь практиковался на Юрином самосвале. Мы жили с Юрой в одном вагончике, были соседи, а следовательно, приятели. Здесь так принято: живешь в одном вагончике - значит, приятель. А не ужился с соседями, переходишь из вагончика в вагончик - значит, склочник. Именно как соседу, а следовательно, приятелю, Юра давал мне руль, хотя был раздражителен и нетерпим в своих наставлениях: «Рвешь сцепление! Не газуй! Куда прешь - в кювет?! Глаза у тебя есть - видишь знак?!»

Несмотря на свою пижонскую внешность, на свои курточки с «молниями» и замшевые пиджаки, Юра считался одним из лучших водителей, даже одним из лучших рабочих участка. На Доске почета всегда висела его фотография. Сам он говорил, что и дорога, и туристический центр, и Поронск ему «до лампочки», лишь бы побольше заработать: это, мол, и привело его сюда. Было только непонятно, зачем ему деньги. Тратил он их безалаберно, всех угощал, ездил с Людой в Поронск, шиковал в ресторане, покупал транзисторы и портативные магнитофоны, а Люде кофточки. Он был тщеславен и такими фокусами утверждал себя в жизни. Я думаю, что и с Людой он завел роман из тщеславия - единственная на участке городская, стильная девушка. Ко мне он относился, как к козьявке, но руль давал - подчинялся закону соседской солидарности. Я тоже не обращал на него особенного внимания - дает руль, и ладно! И сколько бы он ни орал при этом, видел - езжу прилично.

Так что экзаменов я не боялся, боялся я только вопросов по уходу за автомобилем.

Я обзавелся учебником и, читая его, имел предметное представление, о чем идет речь: автомобиль мы изучали в школе и я проходил практику на автобазе. Но я не обладал техническим складом ума. Своим воображением я усложнял простые вещи, механизмы казались мне более таинственными и непонятными, чем они были на самом деле; казалось, что там есть еще что-то, чего нет в книге и чего я не знаю.

Я честно зубрил «Курс автомобиля». Но условий для занятий в вагончике не было.

Маленький вагончик на четыре койки. Под койками сундучки и чемоданы. В углу висят телогрейки и дождевики, отдельно, в целлофановом мешке, шикарный плащ Андрея. К стенам приколоты картинки из журналов и фотографии. На столе, в граненом стаканчике, - букетик полевых цветов. Непритязательный, походный, мужской уют.

Кроме Юры, моими соседями были бульдозерист Андрей и водитель катка - Маврин.

Андрей, наверно, мог бы поднимать тяжести не хуже Василия Алексеева. Но тяжестей не поднимал, лежал на койке, читал исторические романы, а потом довольно связно их пересказывал. Непонятно только, почему, например, рассказ о подпоручике Миновиче пересыпан не слишком изысканными выражениями? Зарабатывал не меньше Юры, тратил тоже безалаберно. Покупал костюмы, плащи и особенно туфли: если, мол, не купит сейчас, то потом не достанет своего размера - сорок пятого. Вещи дорогие, но он их не носил, ходил в спецовке; его шикарный гардероб пылился под простыней в вагончике, туфли валялись под койкой вместе с историческими романами Лажечникова, Данилевского и Яна. Андрей разошелся с женой, у него из зарплаты вычитали одну четвертую часть - алименты для дочки. Женился он после армии, прожил с женой год, а потом разошелся.

Над его койкой висела фотография дочери - голенькая девочка месяцев семи-восьми лежала на животике, чуть приподняв и повернув голову, смотрела на аппарат с испуганным любопытством, видно, фотограф привлек ее короткое внимание, сказал, наверно: «Смотри, сейчас птичка вылетит» - и в эту минуту сфотографировал. О дочери, как и о жене, Андрей ничего не говорил.

Четвертый обитатель вагончика был водитель катка, демобилизованный моряк Маврин. Какой он моряк - не знаю. Морских словечек не произносил, но носил тельнягу; считалось, что демобилизован с флота. Тщедушный, щуплый, с заметной лысиной, он почитал себя красавцем. На участке у него была репутация сердцееда. Он часто не ночевал дома, прибегал рано утром опухший, невыспавшийся, переодевался и отправлялся к своему катку. Иногда являлся с синяком под глазом или рассеченной губой. Говорил, что подрался с деревенскими, всех раскидал или нарвался на мужа, муж призвал родственников, он и родственников раскидал, но, конечно, и ему перепало. Мне он казался хвастуном и лгуном. Колотили его, наверно, сами женщины, чтобы не приставал. Отлежавшись день-другой, он снова отправлялся совершать свои подвиги. Маврин не тратил деньги, как Юра и Андрей, копил на кооперативную квартиру. Надо, мол, обзавестись семьей и начать новую жизнь. Про новую жизнь он говорил, когда бывал особенно сильно поколочен.

Вообще народ тут сборный, со всех концов: нынче здесь, завтра там, многие бродяги по натуре, без кола без двора; работа тяжелая и в жару, и в мороз, и в грязь, и в слякоть. Обстановка напоминала Ревущий стан Брет-Гарта, с той разницей, что там была одна женщина, а здесь их было порядочно.

Верховодила ими бригадир Мария Лаврентьевна, грузная женщина в брезентовых брюках и зеленой майке без рукавов. Все ее побаивались, даже сам начальник участка Воронов. Она была чем-то вроде матери этого стана, этакая матрона, прародительница, женщина-патриарх или матриарх - от слова «матриархат». Не знаю, можно ли употреблять такое выражение, надо посмотреть у Ушакова. Будь это монастырь, она была бы игуменьей. Но участок никак не походил на монастырь, а девушки никак не походили на монашек. Они тоже были с бору по сосенке: кто из окрестных деревень, кто из Корюкова, некоторые были жены рабочих, живших в вагончиках. Были кадровые, как Мария Лаврентьевна. Были непонятно откуда взявшиеся женщины средних лет или, наоборот, молодые девушки лет по двадцать - двадцать два, здоровые, крепконогие, загорелые,

крикливые.

Они задевали каждого проходившего мимо них парня. Задевали и меня. Я старался обходить их стороной. Если обходить не удавалось, не обращал внимания на их шутки. Не знаю, откуда они узнали про Наташу. Возможно, кто-нибудь видел, как я ходил с ней в школу, и к Михееву, и к Агаповым. Теперь они при каждом случае донимали меня Наташей.

- Смотрите, девоньки, женишок наш явился.

- Молодую-то какую взял, с домом, с садом?

- Вот беда: был у нас один свободный мужик и того увели.

- Тебе что: своих не хватает? Смотри, сколько нас тут.

А Мария Лаврентьевна заключала:

- Не трогайте его, он еще сам красна девица.

Эти девушки, эти молодые женщины, их шутки и намеки, их притягательная красота, волновали меня, все в них было откровенное, зазывное. Казалось, что с ними все просто и легко, и от сознания этого я немного ошалел.

Но я знал, что с ними совсем не так просто, как кажется. Когда они вместе, в куче, тут они храбры, веселятся, озоруют, создают вокруг себя такую стихию. Но каждая в отдельности - совсем другое. Как-то в столовой Маврин положил руку на плечо Ксюше, самой красивой девчонке. Она так отшвырнула его руку, что Маврин чуть со скамейки не слетел. «Куда руки тянешь, паразит, я тебе потяну!» А уж тем более наедине! Тут они недотроги - не подступишься. И потому в отряде *ничего такого* не было и быть не могло, тут каждая *соблюдала себя*. Если кто-нибудь приставал к девушке, то на другой день об этом знала вся женская бригада, а от бригады весь участок, и все потешались над незадачливым ухажером. Такие тут нравы. И потому наши ребята предпочитали с ними не важдаться. А если уж и важдались, то это была настоящая, серьезная любовь, как, например, у Юры с Людой. Девушки эти мне нравились и волновали меня, но я не хотел становиться посмешищем, никаких знакомств не заводил, хоть мне и казалось, что кое-кому здесь нравлюсь.

Про Наташу я тоже старался не думать, хотя и был повод ее увидеть: надо вернуть фотографию солдат. Но нет так нет! И не было времени: десятого в Корюков приезжает квалифкомиссия ГАИ.

Обнадеживало меня то, что я не сдаю экзамены заново, а меняю свои права. Экзамены я уже сдал, и не где-нибудь, а в Москве. Следовательно, требования ко мне должны быть совсем другие, пониженные, простая формальность, в сущности.

Юра на это сказал:

- Первый раз сдаешь или десятый - никакой разницы нет, спрашивать будут одинаково, а может, и побольше: раз ты со стажем - больше должен знать. Так что ты свою любительскую липу лучше припрячь, не показывай.

Я услышал в его словах только презрение к моим любительским правам и не послушался. И зря.

13

Я не провалился на уходе за автомобилем. Я провалился по правилам движения.

«Какие документы должен иметь водитель при управлении транспортом? По требованиям каких лиц он обязан их предъявить?»

Простейший вопрос! Я на него ответил без запинки:

- При управлении транспортом водитель обязан иметь водительское удостоверение, путевой или маршрутный лист и талон технического паспорта. И обязан предъявлять их по требованию работников милиции.

Точно так, как это было в университете, экзаменатор воззрился на меня, ожидая продолжения. С той только разницей, что там передо мной сидел солидный доцент, а здесь молоденький лейтенант милиции - автоинспектор.

Продолжать мне было нечего. А излагать собственные мысли не приходится. Правила движения - это не Салтыков-Щедрин.

И провалился!

Водитель обязан предъявлять документы не только по требованию работников милиции, но и общественных автоинспекторов.

Подумать только! Общественных автоинспекторов! Кто их знает, этих общественных автоинспекторов?! Я видел машины, на стеклах которых намалевана этикетка «Общественный автоинспектор», - они нарушали правила почище других. И вот из-за этих несчастных общественных автоинспекторов я не получу водительских прав и не пересеяду на самосвал.

- Приходите в следующий раз!

Утешил! Следующий раз - это через месяц. Как я явлюсь на участок, как на меня посмотрят ребята, что скажет Воронов?! И еще месяц работать слесарем... Из-за общественных автоинспекторов.

Нас сидело за столом шесть человек. Простые ребята с шоферских курсов, колхозники; каждый отвечал по своему билету бойко, точно, правильно - натаскали их на курсах. А я, единственный с законченным полным средним образованием, уже имеющий права и умеющий водить автомобиль, я провалился! Общественные автоинспекторы!

Я был потрясен больше, чем провалом в университет. Там конкурс, несколько человек на место. А здесь никакого конкурса, элементарное дело - и вот пожалуйста! Я был оглушен, уничтожен, раздавлен.

Я подошел к девушке, ведающей бумажным хозяйством комиссии, и попросил вернуть мне мои любительские права. Она отказалась: раз я сдаю на профессионала, то мои любительские права гасятся - человек не может иметь двух удостоверений на вождение автомобиля. Значит, я и профессиональных прав не получил и любительских лишился. Я не профессионал и не любитель. Кто ж я такой?

Мысль, что я ничего не достиг и все потерял, потрясла меня. Я чуть не плакал, честное слово! Со мной случилось нечто вроде истерики, ей-богу! Я, наверно, выглядел сумасшедшим, во всяком случае такое испуганное лицо сделалось у девушки. Я кричал, что я не местный, я из Москвы, вот мой паспорт, завтра уезжаю, любительские права дал ей случайно, и вовсе не менял их, просто захотелось получить профессиональные, у меня никто не отбирал моих любительских прав и не имеет права отбирать, что ж мне теперь - пешком в Москву идти, это беззаконие и произвол. У меня был вид шизика. Я то орал, то умолял, то грозился, то чуть не плакал. Она с испуганным видом швырнула мне мои водительские права.

Я их схватил и поторопился убраться из милиции, пока она не передумала. Или пока не вмешался какой-нибудь высший чин, на которого моя истерика могла бы и не подействовать.

Возвращаясь из ГАИ, я трогал карман. Ощущение, что любительские права при мне, постепенно успокаивало меня. Черт с ними, с профессиональными правами. С

дорогой все кончено, не буду же я еще месяц околачиваться в слесарях. Вообще я не нашел здесь романтики, которую искал. Вернусь в Москву и уеду в какую-нибудь дальнюю экспедицию. В Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию - вот там действительно дым костров.

С таким настроением я и пришел к дедушке.

К этой моей неудаче дедушка отнесся так же философски, как и к прошлой: сдашь в следующий раз. Я сказал, что брошу дорогу и вернусь в Москву. Он неодобрительно качнул головой.

- Я не слесарь - я шофер. Руля не дают, делать мне здесь нечего. Уж лучше отправлюсь в какую-нибудь дальнюю экспедицию.

- А там тебе дадут руль?

- Может быть, дадут. А если не дадут - все равно. Там Сибирь, освоение новых земель.

- Думаешь, в Сибири лучше?

Дедушка поглаживал бороду - признак скрытого душевного волнения. Он не согласен со мной, осуждает за дезертирство. Обидно.

- Думаешь, приятно валяться в грязи под машинами?

- А кто тебе сказал, что жизнь должна быть всегда приятной?

- Работа должна приносить радость, удовлетворение, а на участке мне неинтересно.

- Любая работа приносит радость, если она хорошо сделана, - сказал дедушка.

Зерно истины было в его словах. Но я отступал не перед трудностями. Меня не устраивало мое положение. Могу выполнять настоящую работу, а я на подхвате. Представляю себе физиономию Воронова...

- Меня засмеют на участке.

- Все будут за животики держаться? - усомнился дедушка.

Я дернул плечом, разговор начинал надоедать.

- Делай как хочешь, - заключил дедушка, - ты взрослый. Жаль только, мало у меня пожил.

У меня сердце сжалось от этих слов. Я не провел с ним ни одного дня. Сукин я сын! Ведь я его люблю. Все мы эгоисты.

- Если я уйду с дороги, это вовсе не значит, что я должен немедленно уехать отсюда, - сказал я.

Мы помолчали, потом дедушка спросил:

- Слушай-ка, Сережа, что это ты наших корюковских пугаешь?

- Пугаю? Кого я пугаю?

- Старуха Агапова рассказывала. Говорит: ваш внук собирается Корюков сносить.

Дернул меня черт за язык! Здесь не Москва, здесь все друг друга знают, каждое слово передается, все принимается всерьез, чувство юмора им недоступно. Агапова передала ему и мой треп про институт, где я якобы учусь как особо одаренный. Дедушка из деликатности умалчивает.

- Я трепался, шутил, дурака валял, а они и уши развесили. Ты пойми: город снесут, можно этому поверить? Дикари какие-то, зулусы. Ты им скажи, что я раздумал сносить. Пусть живут спокойно.

На участке к моему провалу отнеслись равнодушно. Для механизаторов, водителей, трактористов такие происшествия - обычное дело.

Только Юра сказал:

- Ну и дурак!

Имел в виду, что на таком вопросе мог провалиться только идиот. Возразить было нечего: на таком вопросе действительно мог провалиться только круглый болван.

Юра явился к нам в мастерскую на своем самосвале и, сообщив мне, что я дурак, обратился к механику Сидорову:

- Федор Федорович! Могилу перенесли. Воронов приказал везти штакетник и все прочее. - Он опять повернулся ко мне: - А тебе приказано явиться в контору.

Под навесом нашей мастерской лежали новый штакетник, четыре столбика, восемь узких тесин, маленький деревянный обелиск и красная металлическая звездочка с длинным острием на одном конце, изготовленные нами для новой могилы неизвестного солдата. Мы погрузили все это на Юрин самосвал и поехали.

Трясаясь в кузове самосвала и придерживая рукой деревянный обелиск, чтобы его не расколотило о железные борта машины, я думал. Зачем меня вызывает Воронов, тем более в рабочее время? Поглумиться над моим провалом в ГАИ? Он может сделать это вечером, в столовой, не отрывая ни меня, ни себя от дела. Может быть, вспомнил о своем обещании помочь мне? Ни черта не помог, теперь его мучает совесть, и он хочет что-либо предпринять... Может быть, уже предпринял. Он имеет влияние в ГАИ - проезжие автоинспекторы заправляются у нас бензином. И вот теперь, когда Воронова замучила совесть, он все устроил. Скажем, договорился, что мне просто обменяют права, без экзамена. Или разрешат работать с любительскими правами, хотя бы временно, до будущего экзамена. Ведь водители требуются, не хватает водителей.

Новую могилу неизвестному солдату выкопали немного в стороне от трассы, на холмике, на довольно видном месте.

Останки солдата были перенесены, и могила уже закидана свежей землей. Возле нее, опираясь на лопаты, стояли Мария Лаврентьевна, наша красотка Ксения и еще две женщины.

Мы врыли столбики, приколотили тесины, набили на них штакетник, поставили обелиск, в его верхушку воткнули звезду.

В небе пронесся реактивный самолет, оставив за собой длинный голубой хвост. Кругом расстилались безмолвные, пожелтевшие поля. Вдали темнел лес. Было тихо, грустно, печально. День был не жаркий, солнечный, ясный, сентябрьский.

- В сорок третьем году, - сказал Сидоров, - мы освобождали эти места. Может, кто из наших ребят...

Мы помолчали.

Мария Лаврентьевна смахнула со щеки слезу. Ксения и обе женщины тоже вытерли слезы.

Сидоров снял кепку. Мы с Юрой тоже сняли свои береты.

- Прощай, безвестная душа солдатская, пусть земля тебе будет пухом, - сказал Сидоров.

Мы собрали лопаты, топоры, молотки, корзинку с гвоздями и пошли к машине.

...В служебном вагончике, кроме Воронова, были, как обычно, инженер Виктор Борисович и Люда.

- А, пришел! - так приветствовал меня Воронов и перебрал бумаги на столе. -
Слушай, ты писал в военный архив?

Военный архив... Я совсем забыл о нем.

- Да, писал.

- На, читай.

На бумаге со штампом Центрального военного архива было написано, что бывший командир ПРБ-96 гражданин Стручков Ростислав Корнеевич проживает в Москве, служит в Министерстве строительства СССР.

- Прочитал? - спросил Воронов.

- Прочитал.

- Теперь скажи: зачем запрашивал?

- Выяснял.

Воронов повернулся к Виктору Борисовичу:

- Видали его! «Выяснял»! Нашелся, понимаете, Фенимор Купер. - Он повернулся ко мне: - А кто тебя уполномочивал?

- Сам себя уполномочил.

- Ты это брось! - повысил голос Воронов. - Мы свое дело сделали: могилу перенесли, документы сдали. Никто не забыт, ничто не забыто. Понял?

- Понял.

- Теперь розыском пусть занимаются те, кому это положено. А наше дело - строить дорогу. Еще не одну могилу встретим... Подпиши акт!

Я подписал акт о переносе могилы неизвестного солдата. Кроме моей, там стояло еще много подписей. Я их не разобрал.

- Вот так, - сказал Воронов, - а эту архивную бумагу снеси в школу. Ты вернул им фотографию?

- Вернул, - соврал я.

- И эту отдай. И кончай это дело.

Люда, улыбаясь, скосилась на меня:

- Он не может так просто все это кончить. У него там девушка.

- Никакие девушки меня не интересуют! - взорвался Воронов. - Тут могила, память о солдате, а они, видите ли, амурсы разводят, секс!

Я остолбенел. Он даже не понимает значения этого слова. И Фенимор Купер! А еще имеет высшее техническое образование. Вот результат узкой специализации. Об экзаменах и о том, что обещал помочь, ни слова. Руководитель называется!

- Я не прошел квалифкомиссию, - объявил я.

Он сначала не сообразил, о чем я говорю, потом сообразил.

- Вот, пожалуйста, полюбуйтеесь!

Опять он обращался к Виктору Борисовичу. Но тот мрачно молчал.

- Полюбуйтеесь! - продолжал Воронов. - Ему создали условия, дали спальное место в общежитии, а он провалился. А ведь когда пришел, сколько было гонору: руль ему подавай! И немедленно!..

Я перебил его:

- Мне надо съездить в Москву.

Он уставился на меня:

- Зачем?

- За теплыми вещами. Становится довольно прохладно. Особенно когда нет условий для ремонта механизмов.

Он нахмурился, как всегда, когда ему вворачивали что-нибудь неприятное.

- Насчет условий ты мне не рассказывай! Условия у нас полевые. И ставки полевые. А не нравится - иди на шоколадную фабрику, там тепло и сладко и заработаешь на леденцы. У тебя отец-мать есть?

- Ну, допустим...

- Пусть вышлют почтой. А то один за носками поедет, другой за шарфиком.

- Я сам должен съездить за своими вещами, - твердо сказал я.

Последовало заключительное хамство:

- Соскакиваем? На ходу?! Желая тебе крепкого здоровья, успехов в труде и счастья в личной жизни. Видали мы таких гастролеров.

15

Как бы далеко ты ни заехал, в какую бы глушь ни забивался, когда возвращаешься домой, у тебя щемит сердце.

Эти покинутые осенние дачные платформы. Одинокие пассажиры, отворачивающие лицо от ветра и от мчащегося мимо поезда дальнего следования. Закрытые до следующего лета привокзальные ларьки, пустые пионерские лагеря, дальние контуры Москвы, ее высотные здания... Улица твоего детства, отчий дом.

Возвращение блудного сына, черт возьми! Ни слова о моей попытке жить самостоятельно, работать на неизвестной, дальней дороге. Ни намек, ни тени насмешки, никаких разговоров об этом. Мама целовала меня и обнимала. Я не отстранялся. Этот знакомый запах ее кофточки, духов... Ее крашенные волосы выглядели трогательно - это ее слабость. Ну что же, она женщина, хочет выглядеть помоложе, естественно в ее возрасте, только черствая душа может этого не понимать. Отец при галстукe, как на приеме, и это тоже трогательно; он никогда дома не ходил в галстукe, даже при гостях. На моей кровати лежал новый шерстяной тренировочный костюм, такой, в каких выступали наши олимпийцы. И был праздничный обед: бульон, пирожок с капустой, цыплята-табака из кулинарии, и апельсины, и ананас, как громадная сосновая шишка, и бутылка цинандали.

За столом никаких служебных дел, никаких Крептюковых. Разговор шел о дедушке, о Корюкове, о Поронске - это уже мама, она интересуется стариной и собирается съездить в Поронск. И хотя вслед за Поронском возник разговор о дороге, которую я строил, но не о том, почему и зачем я пошел ее строить и почему ушел оттуда, а о новых современных дорожных механизмах, о стоимости погонного километра дорог с твердым покрытием - оказывается, один километр стоит чуть ли не сто тысяч рублей, - и о прочих технических проблемах. Папа так напирал на технические проблемы, что я понял: готовит мне что-то техническое. Возможно, завод, где работает сам.

После обеда мы смотрели футбол; выиграло «Торпедо», мы были его болельщиками, и вечер закончился прекрасно.

Я принял душ и улегся в постель, свою постель, привычную, удобную, на свои простыни и наволочки, свежие, холодноватые, твердые, накрахмаленные, под такой же свежий, накрахмаленный пододеяльник. Это не вагончик! Не пахнет сырой одеждой, грязной обувью, открытыми рыбными консервами. Комфорт! С мыслью о комфорте я и уснул.

С мыслью о комфорте я и проснулся. Нет, это не вагончик, где ночью входят и выходят люди, одни на дежурство, другие с дежурства, где одному хочется спать, другому читать, а третьему слушать транзистор. В квартире было тихо, папа с

мамой ушли на работу; на кухне под салфеткой меня ожидал завтрак, и, уж конечно, не такой, как в участковой столовой под шатром, хотя там шеф-повар из самой Риги.

Корюков... Он отодвинулся далеко-далеко, я был там давным-давно, теперь я дома, в родной стихии. То было случайное, блажь какая-то. Все. Кончено.

Впрочем, не кончено. Я должен повидать Стручкова. Обещал дедушке все узнать и написать.

Бедный дедушка! Мысль о нем терзала мое сердце. Он провожал меня точно так же, как и встречал, на той же бричке и на той же лошаденке. Бричка и лошадка были ни к чему: вещей у меня не прибавилось, тот же рюкзак. На дедушке был тот же вытертый темный костюм с брюками, заправленными в сапоги. И он так же улыбался мне и гладил по голове, хотя я поступил как свинья - уехал.

Когда я раньше приезжал в Корюков, мне казалось, что дедушка смотрит на мир хотя и благожелательно, но немного со стороны. Единственное, чем он серьезно, как мне казалось, увлекался, - это работа в общественном совете конного завода, составленном из таких же ветеранов производства, как и он.

Но теперь я понимал, что главным в дедушкиной жизни было другое: именно пенсии, пособия, устройства в больницу, ясли, детский сад, дела в суде, похороны одиноких - тонкие нити жизни, по на них держались человеческие судьбы, они сходились к дедушке, хотя он не был ни начальником, ни депутатом, ни генералом в отставке. Просто он был *уважаемый человек* в городе.

Наверно, в каждом городишке есть такой уважаемый человек. В Корюкове им был мой дедушка.

И когда я уезжал, дедушка попросил меня зайти к Стручкову. Я занимался в Корюкове делом неизвестного солдата. Теперь я уехал и перестал им заниматься. Но нить не должна была порваться.

Впрочем, я и сам этим интересовался: кто все-таки неизвестный солдат? Кто из пяти разгромил штаб? Какова судьба остальных? Фотография у меня, не отдал ее Наташе, она нужна мне для Стручкова.

В Москве несколько министерств строительства: жилищного, транспортного, промышленного, сельского, монтажных и специальных работ и так далее... В каком из них найти Стручкова, мне сказали сразу. Но в этой легкости и скрывалась трудность. Стручкова знали потому, что он заместитель министра. Узнать о нем было легко, попасть к нему трудно.

В просторном вестибюле у двери стояла толстая вахтерша с казенным выражением лица. Мимо нее, предъявляя пропуски, проходили деловые люди с портфелями, папками, свернутыми в рулон чертежами. Я подошел к окошечку, просунул голову в узкое отверстие и попросил дать мне пропуск к товарищу Стручкову.

- Позвоните 28-32! - ответила мне женщина за окошечком.

В этих узких окошечках есть что-то унижительное. Надо изгибаться в три погибели, чтобы увидеть лицо сидящего там человека.

Я набрал номер и услышал в ответ молодой женский голос, по-видимому, секретарши Стручкова.

Я назвал свою фамилию и попросил дать пропуск.

- Вы откуда? - спросила секретарша.

- Из Корюкова.

- Откуда, откуда?

Слово «Корюков» ничего ей не говорило. Она понятия не имела, что такое Корюков.

- По какому делу?

- Тут, по одному.

- Товарищ, говорите конкретно!

- Конкретно: мне нужно к товарищу Стручкову.

- Товарищ Стручков принимает по средам.

- Но сегодня как раз среда.

- На сегодня запись кончена. Записываю вас на следующую среду. Не задерживайте меня, товарищ. Ваша фамилия?

- Крашенинников.

- Крашенинников, - повторила секретарша, записывая мою фамилию, - двадцать четвертого, десять часов утра, пропуск будет в проходной.

И положила трубку.

Из министерства я по Сретенке вышел на площадь Дзержинского к магазину «Детский мир», куда ездил раньше с мамой, потом один, потом перестал ездить. По проспекту Маркса спустился вниз, дошел до «Метрополя», постоял у витрин «Интуриста», почитал рекламы международных авиалиний. Иностранные туристы и их машины выглядели довольно живописно. Я люблю центр Москвы, его оживление, толпу людей, текущую к ГУМу, к Мосторгу, к театральным кассам, к метро, к гостиницам.

В Александровском саду горел Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата, лежали на мраморе букетики цветов. На плите было высечено: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Подходили люди, клали цветы, стояли, потом уходили, приходили другие, тоже клали цветы, тоже стояли...

И я подумал о том, другом, который лежит на холмике у дороги, возле города Корюкова, безвестно погибший и безвестно похороненный нами без почестей и оркестра. Опять зарастет травой его могила, не будет на ней ни цветов, ни надписей. А ведь он такой же, как этот. Оба они неизвестные солдаты.

Нет, черт возьми, у Струčkова должно найтись для него время, будь он не только заместителем министра, будь он самим министром, даже премьер-министром!

Я вернулся в вестибюль и снова позвонил по 28-32.

- Товарищ! - услышался в трубке знакомый голос секретарши. - Я вам сказала: вы записаны на двадцать четвертое, десять часов утра.

- Но у меня очень срочное дело.

- Какое дело? Вы даже не можете его объяснить.

- Доложите товарищу Стручкову. По делу ПРБ-96. Он знает.

Она переспросила:

- ПРБ-96?

- Да, ПРБ-96.

- И он знает?

- Да, очень хорошо знает.

- Подождите.

Я ждал довольно долго. Потом в трубке зашуршало, и секретарша сказала:

- Соединяю вас с Ростиславом Корнеевичем.

Мужской начальнический голос произнес:

- Я слушаю.
 - Товарищ Стручков, - сказал я, - я по поводу неизвестного солдата.
 - Какого неизвестного солдата?
 - Из ПРБ-96.
 - Да? Из ПРБ?.. Как ваша фамилия?
 - Крашенинников.
 - Крашенинников... Что-то не помню. Вы там служили или родственник?
 - Родственник.
 - И у вас срочное дело?
 - Очень срочное. Я завтра уезжаю.
- Он некоторое время молчал, потом, видно, по другому телефону сказал:
- Выпишите ему пропуск.

16

В глубине кабинета стоял громадный письменный стол, сбоку длинный стол для заседаний под зеленым сукном.

Группа людей рассматривала у стены большой красочный план. Желчный, лысый человечек водил по нему указкой, сердито говорил:

- Таким образом, план застройки района может быть осуществлен в двух вариантах. Вариант первый, - он провел по плану указкой, - осевая линия застройки пройдет по набережной реки, с некоторым спрямлением ее русла, в пределах отметок 186-189...

Кто в этой группе Стручков? Докладчик?

От группы отделился суховатый, подтянутый гражданин лет пятидесяти, пошел к письменному столу и сделал мне знак следовать за ним.

Я последовал.

Докладчик бросил на меня раздраженный взгляд - я оторвал Стручкова - и продолжал что-то бормотать. Что именно, я уже не слышал.

- Что у вас? - спросил Стручков.

- Я из Корюкова, из дорожно-строительного участка... - начал я.

- Вы же сказали из ПРБ-96? - перебил меня Стручков.

- Это не я из ПРБ, это солдат из ПРБ.

- Какой солдат?

Черт возьми! Он все время меня перебивает, не дает связно изложить.

- Солдат, которого мы нашли при дороге.

Стручков смотрел на меня как на сумасшедшего.

- Кто он такой, этот солдат?

- В том-то и дело, что никто не знает, кто он такой.

- Послушайте, - сказал Стручков, - вы сказали, что вы родственник одного из работников ПРБ, вы назвали свою фамилию...

- Крашенинников, - подсказал я.

- Вот именно - Крашенинников. Теперь скажите толком: зачем вы ко мне пришли? - Он поднял голову и сказал людям у стены: - Товарищи, я сейчас освобожусь.

И опять воззрился на меня, ожидая ответа.

Вместо ответа я вынул фотографию солдат и положил ее перед ним.

Он наклонился, рассмотрел фотографию, потом как-то странно посмотрел на меня, опять склонился к фотографии, перевернул, прочитал надпись: «Будем помнить ПРБ-96», снова посмотрел на меня:

- Откуда вы приехали?

- Из города Корюкова.

- Корюков... - задумчиво проговорил Стручков. - Помню такой город. Мы стояли возле него летом сорок второго года, ушли оттуда в сентябре.

- Вот именно, - подхватил я, - именно в сентябре сорок второго года.

Дело начинало, кажется, проясняться.

Стручков снова рассмотрел фотографию, потом обратился к своим инженерам:

- Товарищи! Скоро обед, прервемся.

- Ростислав Корнеевич, - плачущим голосом возразил маленький докладчик, - мы должны сегодня принять решение.

- Примем, - пообещал Стручков.

Я сидел в кресле у письменного стола.

Стручков стоял у окна, думал. Вспоминал, что ли, этих солдат?

Он вернулся к столу, сел, снова посмотрел фотографию, потом посмотрел на меня и медленно, подбирая и обдумывая каждое слово: сказал:

- Война сложна: люди гибнут, пропадают без вести, попадают в плен - мы не всегда знаем, при каких обстоятельствах это произошло, свидетелей может не быть, или они могли тоже погибнуть, пропасть без вести, попасть в плен. И потому, когда перед нами голые факты, мы можем судить только по этим фактам, по их логической связи.

К чему он разводит такую антимию? Я и без него знаю, что война - штука сложная. Никогда не думал, что министры так многоречивы.

Зазвонил телефон. Стручков поднял трубку и, не ответив, положил ее обратно на рычаг. Придает нашему разговору особенное значение.

Меня это заинтриговало.

- Итак, - продолжал Стручков, - в таких случаях мы опираемся только на факты. На факты мы вынуждены были опираться и в данном конкретном случае. Эти люди пригнали машины в ремонт. Я их отпустил на один день в город. Они не вернулись ни к нам, ни в свою часть, мы их не нашли и в городе.

Я начинал понимать, к какой мысли старается он меня подвести своими туманными рассуждениями.

- Правда, - продолжал Стручков, - тогда прорвались немцы. Мы снялись по тревоге и двинулись в направлении города Корюкова, то есть туда, куда они ушли. Но ни по дороге в Корюков, ни в самом Корюкове их не встретили: они исчезли. После передислокации на новое место нас запрашивал автобат о судьбе этих шоферов, мы запрашивали комендатуру, но никаких следов их не обнаружили. Они могли попасть в какие-то исключительные обстоятельства - война, прорыв немцев; обвинять их у меня нет оснований, хотя и защищать их тоже не могу. Дело это давнее, забытое, тебя оно никак не может касаться. А кто из них твой родственник?

- Никто. Тут нет моих родственников.

- Ты же сказал - родственник?!

- Вы меня не поняли. У меня в Корюкове родственники, дедушка у меня в Корюкове.

- А откуда у тебя фотография?

- Из школы. Знаете, школьники разыскивают. Следопыты. Штаб «Дорогой

славы отцов».

Стручков облегченно вздохнул.

- А я понял так, что ты родственник одного из этих солдат... Тогда другое дело... Какая там «Дорога славы отцов»... Я помню этого старшину. Такой был щеголь в хромовых сапогах. От работы отлынивал, канючил, в город отпросился. Я отпустил на один день, а они не вернулись и до города даже не дошли. Устроился, наверно, у какой-нибудь молодки, а тут немцы...

- Вы не помните его фамилии? - спросил я.

Стручков пожал плечами:

- Через ПРБ проходили сотни людей, долго не задерживались: пригонят машины, поработают несколько дней и уезжают. Я вообще ничьих фамилий не знал, а этих тем более - они и часа не работали. И видел я одного старшину. А как попала в школу фотография?

Теперь настала моя очередь подбирать слова. То, что я ему сейчас сообщу, будет для него гораздо неожиданнее того, что он сообщил мне.

- Видите ли, - сказал я, - один из этих солдат, по-видимому, старшина... - Я поднял глаза на Стручкова, он с интересом слушал меня. - По-видимому, старшина, - повторил я, - разгромил немецкий штаб, закидал его гранатами, вывел из строя большое количество техники и живой силы противника. - Это уж я прибавил от себя. - Немцы его убили. Похоронили его наши женщины, они и нашли у него эту фотографию.

Стручков сидел с замкнутым, бесстрастным лицом. Мой рассказ, видимо, его поразил.

Секретарша внесла на подносе чай. Но, остановленная взглядом Стручкова, попятилась обратно и исчезла за дверью вместе с подносом.

- При строительстве дороги мы наткнулись на его могилу, - продолжал я. - Мы ее перенесли, поставили обелиск, но фамилии солдата не знаем. Где его родные, знают ли, как он погиб, - ничего это не известно. Может быть, им сообщили, что он дезертир?

Я не хотел огорчать Стручкова, как и он не хотел огорчать меня. Но все же ужасно обидно за солдата.

Стручков опять отошел к окну, постоял там, подумал, вернулся к столу, снова посмотрел на фотографию, задумчиво, как бы собираясь с мыслями, сказал:

- Осень была хорошая, солнечная, золотая была осень.

Потом, видно, собрался с мыслями и уже твердым голосом продолжал:

- Архивы ПРБ сохранились; наверно, и архивы автобата, во всяком случае, переписка об исчезновении этих солдат наверняка. Я думаю, можно установить их фамилии. Вы когда уезжаете?

Если я ему скажу, что вовсе не уезжаю, то он не будет торопиться.

- Я уезжаю завтра.

Он покачал головой:

- Надо задержаться дня на два, на три.

- Если это очень нужно, - будто бы нехотя согласился я.

- У вас есть где остановиться? - спросил Стручков.

- Есть.

- А то, пожалуйста, моя квартира в вашем распоряжении.

- Нет, спасибо, у меня тут родственники.

- Ну, смотрите... Фотографию оставьте мне; без нее я не сумею опознать

людей.

- Но вы мне ее вернете?

- Конечно. Наведу справки и верну. Позвоните мне послезавтра. Вот мой прямой служебный телефон, а вот домашний.

Он вырвал из большого настольного блокнота лист бумаги, написал оба телефона и протянул мне.

- А когда позвонить?

- Позвоните послезавтра, - ответил Стручков.

17

...Той же полевой дорогой, которой пришли в деревню, они возвращались обратно.

Впереди шел Бокарев, обходя лужи и заполненные водой колеи - ночью прошел дождь. За ним шли Краюшкин, Лыков и Огородников. Замыкали шествие Вакулин и Нюра.

Солдаты были выбриты, все на них было выстирано, выглажено, подворотнички блестели.

- По моим вкусовым качествам, - сказал Лыков, - лучше простой деревенской пищи ничего не надо.

- Вкусовые качества бывают у пищи, а не у человека. У человека бывает вкус, - поправил его Огородников.

- Значит, по моему вкусу, - согласился Лыков, - деревенская пища; она хоть и грубая, но полезная.

- Тебя приваживать нельзя, - добродушно заметил Краюшкин, - у тебя память девичья: где обедал, туда и ужинать идешь.

- Ужин не нужен, обед дорогой, - отшутился Лыков, - а не мешало бы денек-другой так похарчиться.

- И не стыдно на бабьих-то харчах? - все так же добродушно поддразнил его Краюшкин.

- Стыдненько, да сытенько, - в тон ему ответил Лыков.

- И в городе можно пообедать, и не хуже, - заметил Огородников.

- Огородников, ты сам откуда? - спросил Лыков.

- Откуда, - мрачно ответил Огородников, - из Ленинграда.

- Семья, выходит, в блокаде, - сочувственно констатировал Лыков.

- Догадливый, - усмехнулся Огородников.

- А я вот, - сказал Лыков, - кроме своего колхоза, ничего не видел. Как кончил курсы, посадили на колхозную машину - пылил до самой войны.

- Ну, - сказал Краюшкин, обходя большую лужу, - вся грязь будет наша. Шинель бы не запачкать. - Он подобрал полы шинели под ремень, улыбнулся: - Подоткнулся, точно коров пошел доить.

Вакулин остановился:

- Беги домой, Нюра! Дальше посторонним нельзя.

Нюра молчала, ковыряла мокрую землю голой пяткой. Ямка, которую она выковырила, тотчас наполнилась водой.

- Писать будешь? - спросил Вакулин.

Она по-прежнему молчала, ковыряла голой пяткой другую ямку.

- Полевая почта 72392, - напомнил Вакулин. - Ну, чего молчишь?

Она посмотрела на него исподлобья.

- Барышень своих целовать не будешь?

- Нет у меня барышень, говорил тебе.

- «Говорил»... У шофера в каждой деревне барышня.

- Дура ты, дура...

Нюра исподлобья смотрела на Вакулина, положила ему на плечи худые загорелые руки, прижалась, поцеловала в губы.

- Ну, ну... - Вакулин смущенно оглянулся на товарищей, - нашла место... Ну, прощай! Пиши!

...Он догнал своих, когда они входили на территорию МТС. И вместе со всеми растерянно остановился посреди двора - ПРБ не было. Под навесами и в цехах валялись негодные части, старые рамы, ржавое железо, промасленные тряпки.

- Ни горы, ни воза, - заметил Краюшкин.

- Погнались за девками, - пробормотал Огородников.

- Помолчи уж, - оборвал его Лыков, - все ему не так.

Бокарев раскрыл планшет, посмотрел карту, объявил:

- Пойдем на Корюков, пятнадцать километров в восточном направлении. Там узнаем, где ПРБ.

- Слушайте! - сказал Вакулин.

Они прислушались и услышали отдаленное жужжание. Вдали, на шоссе, показались три немецких мотоцикла.

- Попали меж косяка и двери, - тем же добродушно философским тоном заметил Краюшкин.

- Залечь! - приказал Бокарев.

Они легли на землю, приготовили винтовки, вглядываясь в приближающиеся по шоссе мотоциклы. Те шли уступом: первый - по левой стороне дороги, второй - посередине, третий - справа, с интервалами, чтобы последующий мотоцикл мог прикрыть огнем предыдущий. На каждом мотоциклист и два автоматчика - в коляске и на заднем сиденье. Передний мотоцикл вооружен пулеметом.

- Мотоциклы БМВ, - тихо проговорил Лыков.

- «Пундап», - возразил Огородников.

- Молчать! - грозным шепотом оборвал их Бокарев, не отрывая взгляда от приближающихся мотоциклов.

Мотоциклисты сблизилась у развилки, рассматривали карту, что-то обсуждали. Потом один мотоцикл отделился и, переваливаясь на ухабах полевой дороги и разбрызгивая грязь, медленно поехал в сторону МТС.

Бокарев оглянулся. За навесом - ограда, а там поля: будет нетрудно укрыться в высокой пшенице; немец едет проверить, пуста ли МТС.

Бокарев все хорошо понимал. Он здесь единственный строевой младший командир-сверхсрочник, он не был даже уверен, умеют ли его шоферы по-настоящему стрелять. Дать приказ уйти? Но он лежал лицом к противнику, над ним хмурое, осеннее родное небо, и вот разъезжает немец и уверен, что никто его не тронет. Он, Бокарев, и его солдаты хоть небольшой, пусть ненадежный, но заслон: уничтожить разведку - значит сорвать план противника. Немцев девять, при них автоматы и пулемет, а у Бокарева, вместе с ним, всего пять человек, но они видят противника, ждут его, а противник их не видит и не ждет. И это давало им преимущество.

Все было четко и ясно, как на детской картинке. Внизу шоссейная дорога. От

нее к МТС проселок; расстояния тут с километр. На развилке два немецких мотоцикла; третий медленно приближается к МТС. За МТС - ложбина, по ней до излучины шоссе метров триста - четыреста. А там кювет и кусты вдоль дороги.

Бокарев показал, где надо устроить засаду.

- Ползите к тем кустам. Как услышите мой выстрел, открывайте огонь. Беспорядочного огня не вести, только прицельный. В кучу не сбивайтесь, рассредоточьтесь!

Пригибаясь к земле, скрытые за строениями, солдаты перебежали двор, перелезли через ограду, плюхнулись в ложбину и поползли.

Поняли они задачу или нет, хотели ползти или не хотели, доползут или не доползут, обнаружат их немцы или нет - ничего этого Бокарев не знал. Справится ли он один с тремя мотоциклистами, приближающимися к МТС, он тоже не знал. Он был сибиряк, охотник и действовал как охотник: не дать обнаружить себя зверю, обложить его и взять.

Он поднялся и стал за углом сарая. Отсюда были видны и немцы на дороге, и ползущие к ним солдаты, и мотоцикл, едущий к МТС.

Переваливаясь на ухабах и разбрызгивая грязь, мотоцикл приближался. Потом остановился возле футбольных ворот. Они одиноко стояли в стороне от дороги - одни ворота с вытоптанной перед ними травой. Может, рабочие МТС в обеденный перерыв били в одни ворота, а может, существовали раньше и вторые ворота, только сломали их.

Немец, сидевший на заднем сиденье, сошел с мотоцикла и пошел к воротам.

Зачем ему понадобились эти ворота, Бокарев так и не сообразил: они стояли на ровном месте, ничего возле них не было. Но хорошо, что немцы задержались: ребята все еще ползли по ложбине.

Немец тронул столб, потом перекладину, покачал их - ворота стояли крепко.

Затем вернулся, и мотоцикл двинулся дальше.

Бокарев перевел взгляд на ложбину - солдаты все еще ползли.

Мотоцикл приближался. Немцы были уже отчетливо видны - в касках с пристегнутыми под подбородком ремешками.

Мотоцикл остановился у МТС. Мотоциклист был чернявый, горбоносый, по росту, видать, небольшой. И тот, что сидел на заднем сиденье, тоже был вроде чернявый, или это так падала на его лицо тень от каски. А того, кто сидел в коляске, Бокарев разглядеть не мог: коляска была на другой стороне.

Бокарев был отличный стрелок. Он мог первым выстрелом снять мотоциклиста, вторым - немца на заднем сиденье, потом снял бы и третьего, пока тот выбирался бы из коляски. Но делать этого нельзя - ребята еще не доползли до дороги.

Немцы переговаривались, голоса их заглушались стрекотом невыключенного мотора. Как понимал Бокарев, они совещались, кому идти: наверно, надо было идти тому, кто в коляске, а он не хотел, пригрелся.

Бокарев пытался предугадать их замысел; сам мог действовать, только понимая значение каждого их движения. И он следил за каждым их движением, вглядываясь в то же время в ложбину: его солдаты ползли уже совсем близко к дороге.

Наконец с заднего сиденья сошел тот же немец, что ходил к воротам, - Бокарев отметил это с удовлетворением: этот будет осматривать МТС не так тщательно; только что осмотрел ворота и, видно, спокоен, уверен, что никого здесь нет.

С автоматом наизготовку немец вошел во двор, постоял, осмотрелся, направился к навесу, осмотрел его, ткнул ногой кусок железа, заглянул в окна цеха -

они были в частых, мелких переплетах. Потом подошел к двери, вошел в цех... Вышел из цеха.

Бокарев бросил быстрый взгляд на ложбину - солдат уже не видно, значит, ползут по кювету, рассредоточиваются. Теперь, когда уже больше их не видел, он рассчитывал только время: ползут, рассредоточиваются, занимают позиции для стрельбы, изготавливаются к ведению огня.

Опустив автомат, немец возвращался обратно. Бокарев зажал нож в кулаке, еще теснее прижался к столбу, пропуская немца мимо себя. Немец увидел его; перед Бокаревым мелькнуло только мгновенное удивление в его глазах; он левой рукой, как могучим крюком, обхватил его голову, зажал рот, сразу почувствовал на ладони влажное тепло его рта, напор его горячего дыхания, и правой рукой всадил нож; нож прошел, не коснувшись кости, тело немца повисло в судороге на его руке. Бокарев все дальше всаживал нож, по самую рукоятку, левой рукой удерживая тело. Потом осторожно опустил на землю, локтем придержал каску, чтобы не гремела, правой рукой перехватил автомат.

Теперь он тянул время, ждал, когда солдаты изготовятся к стрельбе. Они себя не обнаружили, немцы на шоссе не открыли огня.

- Алло, Ганс!

С автоматом в руке Бокарев прошел вдоль сарая и посмотрел на дорогу.

Оба немца - и мотоциклист, и тот, что ехал в коляске, - с автоматами наизготовку стояли против въезда в МТС.

- Алло, Ганс!

Они стояли во весь рост, встревоженно вглядываясь во двор.

- Алло, Ганс!

Немец добавил еще что-то, видно, ругательное: думал, что Ганс разыгрывает их.

Бокарев дал по ним очередь.

В ту же минуту раздались винтовочные выстрелы на дороге - ребята открыли огонь.

Бокарев снял с убитых автоматы, дал очередь по баку - мотоцикл вспыхнул голубым пламенем - и побежал к дороге, не по ложбине, а напрямик, полем, заходя в тыл немцам: они развернули мотоциклы и пытались пробиться обратно сквозь засаду, ведя пулеметный и автоматный огонь.

Бокарев бежал, пригибаясь к земле. Он видел, как врезался в кювет один мотоцикл, с него соскочил немец, пополз к лесу. Второй мотоцикл остановился; пулеметчик, неуязвимый за металлическим щитком, вол с него огонь. Ему в тыл и забегал Бокарев, уже не пригибаясь, чтобы его увидели свои, и с ходу скосил пулеметчика из автомата.

Пулемет смолк.

На шоссе лежали три убитых немца, еще двое - в кювете, возле перевернутого мотоцикла, один ушел или залег в лесу. Бокарев присел за мотоциклом, вглядываясь в лес по ту сторону шоссе, прислушиваясь к его тишине, пытаясь уловить треск сучьев или шелест сухих листьев. Теперь они поменялись ролями: немец видит их, а они его не видят.

Все произошло неожиданно, в одну короткую, непоправимую секунду. Он не увидел, а почувствовал, краем глаза заметил: по шоссе бежит Лыков, потом

услышал крик:

- Старшина! Товарищ старшина!

Лыков бежал и кричал в том возбужденном состоянии, какое бывает у солдата, только что вышедшего из боя, еще оглушенного, еще пылающего его огнем, бежал в распахнутой шинели, волоча винтовку.

- Ложись! - Бокарев не то крикнул это, не то сказал, не то подумал.

Лыков был обречен, и немец был обречен. Мелькнул из леса огонь выстрела, Бокарев тут же дал по огоньку очередь. Немец умолк.

Лыков упал.

Бокарев переполз шоссе, пополз по кювету. Немец лежал, уткнувшись в землю. Бокарев дал по нему очередь, вернулся на шоссе, подошел к Лыкову: он лежал на спине, широко раскинув мертвые руки.

Бокарев подошел к Вакулину. Он сидел, привалившись к откосу кювета, мертвенно-бледный. Краюшкин уже распоясал его, поднял рубашку: и рубашка и кальсоны были залиты кровью.

- Пакет есть? - спросил Бокарев.

- Есть, - ответил Краюшкин.

Огородников все еще лежал в кювете, с винтовкой, нацеленной на шоссе.

- Долго будем лежать? - спросил Бокарев.

Огородников не ответил.

Бокарев нагнулся, тронул его, перевернул.

Огородников был мертв.

18

Почему я вернулся?

Дом меня больше не раздражал. Ни отец, ни мать - никто не раздражал. Две недели жизни у дедушки успокоили мои нервы, вагончик отучил просыпаться от звука шлепанцев. Но запах дымящегося асфальта на московских улицах не давал мне покоя.

На дорожных работах в Москве техники не меньше, чем на нашем участке. Вероятно, даже больше. И шику больше - рабочие в желтых кофтах, в желтых шлемах. И все же нет того масштаба, нет той перспективы, техника здесь огорожена щитами, защищена предупредительными знаками и фонарями, теряется среди высоких домов; видишь одни объезды, заторы, пробки, мостки вместо тротуаров. Только чувствуешь запах горячего асфальта. И этот запах влечет тебя туда, на дорогу, где все открыто, все видно, лязгает и грохочет, освещено солнцем и обдувается ветром.

Я скучал по вагончикам, по ребятам. Неплохие, в сущности, ребята - заносчивый Юра, флегматичный Андрей, щуплый сердцеед Маврин.

И потом... дедушка.

Я не предупредил его о своем приезде, и он меня не встречал на бричке, хотя на этот раз вещичек у меня было порядочно. Я протащил свой чемодан от станции до дедушкиного дома и вошел в дом с бьющимся сердцем.

Дедушка сидел на низком табурете, перетягивал пружины диванчика. Диванчик лежал на полу, косо торчали его круглые резные ножки, спиральились пружины, перетянутые шпагатом.

Дедушка повернул ко мне голову. Его черные глаза с синеватыми белками

сверкнули по-цыгански. Колоритный старик все-таки!

Опять я ел борщ со сметаной, и гречневую кашу, и творог с молоком и допил бутылку портвейна, купленную дедушкой к моему первому приезду, и помидоры, и лук, и соленые огурчики. У нас дома все это считалось несовместимым. А дедушка считал совместимым. И когда я рубал, он посматривал на меня, может быть, даже думал, что я вернулся из-за него. И не ошибался. Я вернулся из-за него, из-за всего, что было вокруг него. Пусть я опять буду жить в вагончике, все равно дедушка здесь, я в любую минуту могу прийти к нему, остаться ночевать. Он постелит мне на этом диванчике, и лунные блики, преломленные листьями фикуса, причудливым узором будут лежать на полу.

При всей своей выдержке дедушка не смог сдержать удивления, узнав, что у меня в кармане список пяти солдат. Этого он не ожидал. А список был у меня. Стручков его раздобыл. Стручков все сделал.

Вручая мне список, Стручков сказал:

- Запросим военкоматы, возможно, кто-нибудь из них жив или живы родственники. Запрос сделаем от министерства - это убыстрит дело, а обратный адрес укажем твой. Если хочешь, я попрошу подписать министра.

- Я думаю, вашей подписи будет достаточно.

Ответить иначе было бы некорректно.

- Если будет время, сообщи о результатах.

- Обязательно, - пообещал я.

Выйдя из министерства, я сообразил, что следовало обратный адрес указать дедушкин: тогда бы ни Воронов, ни кто другой не совал бы нос в мои дела. Но возвращаться к Стручкову было неудобно.

И вот список солдат у меня. Я положил на стол фотографию и показал дедушке каждого.

Старшина в центре фотографии - Бокарев Дмитрий Васильевич из Бокаревского района, Красноярского края.

Справа, самый молодой, - Вакулин Иван Степанович из Рязани.

Крайний справа - Лыков Василий Афанасьевич из Пугачевского района, Саратовской области.

Слева, самый пожилой, - Краюшкин Петр Иванович из Пскова.

Крайний слева, средних лет, представительный, - Огородников Сергей Сергеевич из Ленинграда.

- В Корюкове были трое, - сказал я, - один у Михеева и два у Агаповых. Кто они? Во-первых, старшина Бокарев: его опознали и Агаповы и Михеев. Во-вторых, Вакулин: на него показал Михеев и имя назвал правильно - Иван. И третий, по-моему, это Краюшкин. На кисете вышита буква «К». Больше ни у кого ни фамилии, ни имя не начинаются на «К». Значит: Бокарев, Вакулин и Краюшкин. Кто же из них неизвестный солдат, кто разгромил штаб? Вакулин отпадает - Михеев это доказал. Остаются старшина Бокарев и Краюшкин.

Слушая мои рассуждения, дедушка поглядывал на фотографию, потом сказал:

- На Огородникове могла быть шинель Краюшкина. Или у Вакулина документы убитого Лыкова. Все могло быть, вариантов много. Запросили военкоматы - это хорошо. И здесь розыск идет.

Он достал с комода местную газету и протянул мне. Я прочитал такое объявление:

«В 1942 году в нашем городе было произведено нападение на немецкий штаб.

При этом был убит советский солдат. Лиц, имеющих что-либо сообщить по этому поводу, просят зайти или написать в редакцию, Агапову».

- Такое объявление и по местному радио сделано, - добавил дедушка.

- А что за Агапов? - спросил я. - Какой-такой Агапов?

- Ты его знаешь, Славик Агапов.

- Любитель старины?

- Он.

- Он?! А зачем он суется не в свое дело?

- Заинтересовался. Хочет написать: ведь пописывает, я тебе говорил.

- А что он Написал? «Евгения Онегина»? «Капитанскую дочку»? Что-то я не слыхал про такого писателя.

Я сам пописываю, но никому не говорю об этом: мне стыдно, может быть, я графоман. А есть ребята - еще не написали ни строчки, а уже рассуждают, понимаете, о своем творчестве, делятся своими творческими планами, кого-то ругают, кого-то снисходительно хвалят, как собрата по перу.

По-видимому, именно таким писателем и был молодой историк Агапов.

Мне неприятно, что он ввязался в это дело. Моей монополии тут нет, но при чем здесь этот хищный очкарик? Его не волновал неизвестный солдат, он был для него лишь поводом, материалом, счастливой находкой, которую можно использовать.

Как там ни говори, я разыскал Стручкова, я достал список солдат, я поднял это дело, я был у Софьи Павловны, в школе, у Михеева, у тех же Агаповых. И вот является тин!

Нет, извините, пусть сам поищет!

Это я твердо решил: пусть сам поищет. Написал в газете, объявил по радио - прекрасно! Пусть продолжает. Он - по своей линии, я - по своей.

- Прекрасно! - сказал я. - Пусть дает объявления, пусть пишет - это делу не помешает. Но вот этим, - я показал на список солдат, - я буду заниматься сам.

Дедушка ничего не ответил. Не знаю, одобрил ли он меня. Вероятно, не одобрил. Но он хорошо понял, что я имею в виду. От него юный Агапов не узнает об этом списке.

Дедушка наклонился к фотографии, показал на Бокарева:

- Старшина, видно, орел! А все же на войне бывает самый неожиданный поворот событий.

19

Да, старшина - орел! Его могила, он разгромил штаб. Вот только кисет с буквой «К»...

Мои разговоры с Михеевым, с Софьей Павловной, с теми же Агаповыми были случайными, неожиданными: я застал людей врасплох, они не подготовились, ничего не воскресили в памяти. А сейчас, по прошествии времени, воскресили.

Но идти к Агаповым я не мог - там Славик. Отпадает. К Софье Павловне? Она живет в одном доме с Наташей. Наташа может подумать, что я ищу встречи с ней. А я не ищу встречи с ней.

Ладно, схожу к Михееву, а там будет видно.

Михеева я застал опять в саду. Опять он стрелял из двустволки по галкам.

Увидев меня, он опустил ружье.

- До чего вредная птица! Человек плоды из земли добывает, а она портит.
- Безобразие! - согласился я и перешел к делу. - Я к вам насчет Вакулина.
- Какого такого Вакулина?
- Раненого солдата, что у вас лежал.
- А откуда известно, что он Вакулин?
- Суду все известно, - пошутил я.
- Не знаю, не знаю... Вакулин... Он мне своей фамилии не докладывал.

Он произнес это, как мне показалось, нервно, даже раздраженно. Он был не такой прошлый раз, не такой спокойный и деловой, как тогда.

Потом спросил:

- Фамилию-то где узнал?
- В военном архиве.
- Только его фамилию сообщили?
- Нет, известны фамилии всех пятерых. Тот, кого вы показали, - Вакулин.
- А из остальных есть кто живой?
- Этого мы пока не знаем.
- Так, - задумчиво проговорил Михеев, - так чего ты спрашиваешь?
- Как Вакулин попал к вам?

- Раненый он был. Привели его два солдата и ушли. Один из них старшина, другой просто солдат.

Я протянул ему фотографию:

- Есть здесь этот третий солдат?

Он надел очки, долго рассматривал фотографию, потом снял очки, положил в футляр, вернул мне фотографию:

- Не могу сказать, ошибиться боюсь. Может, кто из этих, а кто - не помню. Ивана помню, старшину помню, а третьего не помню. А зачем он вам?

- Как - зачем? Выясняем, чья могила.
- Так ведь могила того, кто штаб разгромил.
- Да.
- А штаб разгромил старшина, я ведь говорил.
- Но вы этого не видели.

- Не видел. Только все сопоставление фактов такое. Старшина разгромил, никто другой.

- Допустим, - согласился я, - но где старшина прятался четыре дня?
- Вот этого я сказать не могу.
- Значит, его прятал какой-то местный житель.

- Весьма возможно. Только как этого жителя найдешь, может, нет его и в живых... В войну кто здесь был? Старики или инвалиды вроде меня. Все почти вымерли, и меня скоро не будет. По радио объявляли и в газете писали, может, и придет тот, кто старшину прятал. Вам лучше знать, - заключил он, вероятно предполагая, что я имею отношение к этим объявлениям.

Софью Павловну я застал в той же позиции - у телевизора. Смотрела кинопанораму.

На мой вопрос: действительно ли убитый был такой высокий, как она говорила, ответила:

- И, милый... Как теперь скажешь: высокий был или невысокий. Не стоял ведь, а лежал. Ночью дело было. Помнится мне, яму длинную копали. А может, показалось, что длинную, - я их никогда в жизни не копала, могилы эти. Может, и не

такая уж она длинная была. Торопили нас немцы: давай, давай, шнель!..

- Хорошо, - сказал я, - допустим. Ну, а кисет - это точно его?

Она даже обиделась:

- Что же, я свой кисет подсунула? Я не курящая. В молодых годах выкуришь, бывало, в компании папироску, а чтобы махоркой вонять, кисет - да ты что, милый, в уме?

- Возможно, некоторые мои вопросы и выглядят нелепо, вы меня извините, - сказал я, - но очень запутанное дело, и хочется выяснить.

- Чего же тут запутанного? - удивилась она. - Убили солдата, похоронили, сберегли могилку. Теперь вот, говорят, памятник поставили. Хочу пойти посмотреть, да ноги не ходят. Может, кто на машине подвезет...

- И долго тут немцы были?

- С месяц, наверно, были, а то и два, недолго пановали.

Я вышел от Софьи Павловны и во дворе столкнулся с Наташей.

Я далек от мистики. Но если подсчитать шансы «за» и «против» того, что в те несколько минут, что буду пересекать двор, я встречу Наташу, то они будут выглядеть, как единица к ста. И вот, представьте, я с ней столкнулся во дворе.

Но главная мистика заключалась в том, что, идя сюда, я знал, что встречу ее. Хотите верьте, хотите нет, но был уверен, что встречу. И встретил.

- А, Наташа, приветик!

- Здравствуй!

- Как жизнь?

- Спасибо, - ответила она.

- Школьнички уселись за парты?.. Куют процент успеваемости?

Она не ответила.

- В сущности, - сказал я проникновенно, - это лучшее время нашей жизни.

Наташа и тут промолчала.

Она была в темном демисезонном пальто, в беретике, в темных туфельках. Стройная, смугленькая девчонка, к сердцу которой я так и не нашел дороги. Стоишь перед ней, чувствуешь другой, чужой и чуждый тебе мир. И не понимаешь, почему это происходит.

- Чего ты на меня дуешься? - спросил я.

- Я? С чего ты взял?

- Я же не слепой.

Она пожала плечами:

- Я отношусь к тебе, как ко всем.

Она честно сказала, спасибо! Она относится ко мне, как ко всем, то есть никак. А я отношусь к ней не так, как ко всем. В этом разница.

Но развивать эту мысль значило настаивать на том, чтобы она относилась ко мне, как я отношусь к ней. Конечно, любовь должна быть настойчивой, ее нужно добиваться, надо завоевывать женское сердце. Но я не знал, как это делается. Есть такие упорные, настырные ребята, ухаживают, добиваются, даже женятся в конце концов. Но я думаю, что в итоге ничего хорошего из этого не может получиться. Если сразу не возникла обоюдная симпатия, то она уже не возникнет, как ни старайся.

- Кстати, - сказал я, - у меня есть список солдат.

Она не поняла:

- Каких солдат?

- Ну, тех пяти, что на фотографии.

- Да? - оживилась она. - Как это тебе удалось?

Она способна на эмоции! Только не в связи со мной.

- Удалось! Тридцать тысяч курьеров доставили.

- Покажи.

Я показал ей список солдат.

- Отдай его в школу, - сказала она, - ребята этим будут заниматься.

- А ты не будешь?

- Ведь я в десятом, - ответила она, как мне показалось, с некоторым сожалением.

Ах да! Розысками, штабом занимаются восьмые и девятые классы. Десятые классы готовятся достойно завершить полное среднее образование.

Но я был рад, что сказал ей про список. У меня гора упала с плеч, камень свалился с сердца. Я не *скрывал* этого списка. А докладывать о нем Агапову не обязан.

- Ну, бывай, - сказал я.

- До свидания, - ответила она.

20

- Видали его! - Воронов обращался к инженеру Виктору Борисовичу. - Вернулся! Не взяли тебя на шоколадную фабрику?

- Не взяли.

- Я знал, что ты вернешься, - сказал Воронов, - потому что ты в душе своей бродяга. Хип-пи - вот ты кто!

И когда он произнес «хип-пи», растягивая его и смакуя, я окончательно убедился, что я снова на своем дорожном участке. В Советском Союзе есть, наверно, только один дорожно-строительный участок, где его начальник - заметьте, инженер - произносит слова, значение которых плохо понимает. «Хиппи»!

- А куда бродяге идти? - продолжал Воронов. - Дорогу строить - вот куда.

- Это не совсем так, - возразил я сдержанно. Не хотел спорить.

Однако Воронова не интересовало, хочу я спорить или не хочу. Есть повод поучить меня, вот он и поучает.

- А меня судьба назначила руководить вами, бродягами, - продолжал он, - и это совсем не просто. Я прощаю тебе первое дезертирство, второго не прощу. Если уж ты хиппи, то проявляй сознательность. Потому что здесь производство. Понял? Про-из-вод-ство! А теперь иди, приступай к работе.

Я пошел и приступил к работе.

Механик Сидоров и ремонтники встретили меня так, будто ничего не случилось. Возможно даже, не знали, что я уезжал в Москву: думали, околачиваюсь где-нибудь на участке.

Некоторые изменения произошли в моем вагончике. Андрей купил «Курс русской истории» Ключевского в пяти томах и теперь изучал историю не по романам, а по первоисточникам. У Маврина физиономия была цела. Юра приобрел новый японский транзистор «Сильвер», но ходил мрачный - поссорился с Людой.

Если среди нас и были бродяги, как утверждал Воронов, то это Люда. Ее

родители жили в Сочи, но она уехала оттуда, когда ей было шестнадцать лет. Сейчас ей девятнадцать. Все едут в Сочи, все стремятся туда, а она удрала оттуда.

Мне уже попадались вот такие бродячие девчонки. Все они, как правило, с юга - из Сочи, из Ялты, из Сухуми. Такая Люда с детства видит людей, ведущих курортный, то есть праздничный образ жизни: не работают, днем валяются на пляже, вечерами веселятся в ресторанах, на них модные костюмы, платья, украшения. И Люде кажется, что в Москве все сплошные курортники. Она не понимает, что перед ней такие же простые люди, как ее отец и мать, как она сама, только на отдыхе. И если ее родители поедут в отпуск куда-нибудь на Рижское взморье, то тамошним девчонкам и мальчишкам тоже будут казаться бездельниками.

Ничего этого в свои шестнадцать лет Люда не понимала. Перед ней были шикарно одетые и праздно живущие люди. Ей хотелось такой же жизни, хотелось Москвы, столицы, модных тряпок, тем более что была смазливенькая. И вот уехала в Москву. Как, каким образом, одна или не одна - я не знаю, она мне не рассказывала, и не знаю, рассказывала ли вообще кому-нибудь. Может быть, как большинство таких красоток, надеялась стать киноактрисой и околачивалась в проходной «Мосфильма» или студии имени Горького. Или пыталась поступить в театральное училище. Или выйти замуж за престарелого академика. Не знаю. Только ни киноактрисой, ни студенткой театрального училища, ни женою академика не стала, в Москве не прописалась. Очутилась на дорожно-строительном участке, в вагончике, в должности нормировщицы.

Среди наших простых рабочих женщин она выглядела как белая ворона в своей мини-юбке (я думаю, единственной), в своем мини-плаще (я думаю, зимой он заменял ей шубу), в двух кофточках (одну она надевала утром, на работу, другую - вечером, когда мы сидели под шатром в столовой). Наши кадровые работницы, жившие в вагончиках, к примеру та же Мария Лаврентьевна, имели где-то свой дом, семью, получали письма, сами писали, посылали деньги. Люда писем не получала, сама, наверно, никому тоже не писала, а денег уж наверняка не посылала. У нее их не было.

Она была перекаати-поле - вот кем она была. Я никогда не думал, что ей всего девятнадцать лет; думал, года двадцать три - двадцать четыре. И хоть здорово поколотила ее жизнь, била и трепала ее, но, видно, уж такова ее натура: она не могла сидеть на одном месте и собиралась уехать. А Юра не хотел, чтобы она уезжала, ходил сам не свой, мрачный, злой, объявил, что не отпустит Люду. По какому праву? Не отпустит, и все. Пусть попробует уехать! Пусть только попробует!

Я не знаю, что скрывалось за этой угрозой. Убьет он ее, что ли? Мне казалась странной такая примитивность нравов. А если Люда его разлюбила? Она же свободный человек! Мне нравится Наташа, а я ей - нет; я отошел в сторону, и все. Так и он должен сделать - отойти в сторону. Но ребята в вагончике были другого мнения.

- Выходит, зазря он все это ей покупал, - говорил Маврин, - и туфли, и кофточки, и плащ купил? Ведь на ней ни черта не было - я помню, как она к нам приехала. А теперь смывается.

Я был поражен такой логикой, таким ходом мыслей, такой моралью.

- Выходит, он ее купил? Навечно! Она его собственность? Странная философия.

- Ничего странного нет, - возражал Маврин, - если ты не собираешься с человеком жить, тогда и не принимай от него ничего. Это ведь не коробка

шоколадного набора. Коробка шоколадного набора - это для знакомства, ну, еще духи «Красная Москва». Но уж если он ее одевает, обувает, значит, сам понимаешь...

- А если она ему отдаст его барахло? - сказал я.

- А зачем оно ему? - возразил Маврин. - Продавать? Другой дарить? Не в барахле дело. А в том, что брала. Это все равно что жена.

- Почему бы им не жениться? - подхватил я.

- Легко сказать - жениться! - заметил Андрей. - А где жить? Думаешь, им Воронов даст отдельный вагончик?

- Но ведь у нее где-то есть дом, и у него есть дом. И если люди любят друг друга, то какое имеет это значение...

- Мальчик ты еще рассуждать, Сережка, - сказал Маврин, - ничего ты в этом не понимаешь. Женщину надо найти самостоятельную, хозяйку, а Людка что?

- Из таких вот девчонок, как Люда, выходят самые лучшие жены, - объявил я.

- Во дает! - усмехнулся Андрей. - А ты откуда знаешь? По собственному опыту?

- Может быть, и по собственному.

Я действительно где-то читал, что легкомысленные особы становятся верными супругами.

- Никак не пойму, - сказал Андрей, - ты на самом деле дурной или притворяешься?

- Глядя на тебя, об этом даже не приходится задумываться, - врезал я ему.

А Маврин твердил свое:

- Юрка этого так не оставит. Быть тут серьезному происшествию.

21

Но пока никаких происшествий не было и не предвиделось. Люда по-прежнему сидела с нами в столовой, с нами обедала и ужинала, инженер Виктор Борисович развлекал нас своими рассказами.

Как-то вечером мы сидели у костра: я, Юра, Андрей, Маврин, Люда и Виктор Борисович.

Виктор Борисович говорил, что Максим Горький очень любил жечь костры и даже придавал им мистическое значение. Не знаю, правда это или нет. Но, когда жгли костер, вагончик был пуст, и я мог спокойно заниматься, а когда кончал заниматься, присаживался к ним.

Пекли картошку, иногда жарили шашлык или просто мясо.

Сегодня пекли картошку.

Качалось пламя костра. В деревне лаяли собаки. Далеко маячили тусклые огни Корюкова.

Люда щепкой вытаскивала из костра готовые картофелины, подвигала их нам. Обжигая пальцы, мы снимали с них кожуру, посыпали солью и ели.

У нас на участке неплохая столовая, шеф-повар из Риги. Как говорил Воронов, тоже бродяга и вот попал к нам. Но его Воронов ценил больше всех: хорошее питание - залог устойчивости кадров. И все же столовая надоедала. Такие ужины у костра мы очень любили.

- Из картофеля можно приготовить сто блюд, - сказал Виктор Борисович и начал

загибать пальцы, - картофель печеный, отварной, жареный, сушеный, тушеный, в мундире, пюре, молодой в сметане, фаршированный мясом, рыбой, селедкой. Картофельные оладьи, котлеты, крокеты, хлопья...

- Моя мамаша, - перебил его Андрей, - печет пирожки с картофелем - пальчики оближешь.

- А моя муттер, - сказал Маврин, - в мясной стюдень кладет куриные косточки. Объедение!

Он так и сказал - «стюдень», закрыл глаза, закачал головой, даже замычал от удовольствия.

Странно было слышать, что у Маврина где-то мать и он помнит о ней.

Мне тоже хотелось отметить мою маму. Но я не сумел сразу вспомнить, какое блюдо она готовит лучше всего: она их все хорошо готовит. Пока я перебирал их в памяти, Виктор Борисович продолжал рассказывать про картофель, про его происхождение и историю: как его завезли из Перу первые испанские завоеватели, как принудительно насаждали при Екатерине, про картофельные бунты и все такое прочее.

Виктор Борисович передавал общеизвестные факты. Но для ребят его рассказы были гранью их тяжелой полевой жизни, и это была светлая грань. И в том, как ребята слушали, и было очарование его баек.

Нас неожиданно ослепил свет фар - подъехала машина. Не наша машина - наши машины, подъезжая ночью к вагончикам, переходят на ближний свет.

Шофер погасил фары, мы увидели старую «Победу». Из нее вышел человек и направился к нам. Сердце у меня екнуло - это был Славик Агапов; я сразу понял, зачем он пожаловал сюда.

- Простите, - начал Славик, подойдя к костру и блестя своими очками, - где я могу...

Тут он увидел меня, тоже сразу узнал:

- Ага, я как раз к тебе. Здравствуй!

- ЗдравствуйТЕ!

Я подчеркнул слог «ТЕ», чтобы он мне не «тыкал».

- Слушай, - своим нахальным, категоричным голосом продолжал он, - в школе мне сказали, что у тебя есть адрес этого солдата.

Значит, вот кто меня продал - Наташа. Впрочем, она не знает, что я не желаю вмешательства этого типа.

- Какого - *этого* ? - переспросил я.

- Ты ведь знаешь, о ком я говорю.

Ну что ж, раз он мне так упорно «тыкает», я тоже буду «тыкать».

- Видишь ли, - сказал я, - у меня есть адреса всех пяти солдат. Какой именно тебя интересует?

- Старшина.

- Могу я узнать, почему именно он?

На его лице появилась гримаса, но он был в моих руках и понимал это: я могу послать его ко всем чертям!

Я не услышал зубовного скрежета, но думаю, что он скрежетал зубами. Во всяком случае, круглые стекла его очков еще никогда так хищно не блестели.

- Потому что он и есть неизвестный солдат.

- Из чего это следует?

Какого черта он приволокся сюда! Теперь все в отряде узнают, что я занимаюсь

делом неизвестного солдата. А я не хотел, чтобы здесь об этом знали. И если этот будущий Стендаль хочет искать - пусть ищет. Я ему не обязан докладывать о своих розысках.

Я говорил с ним так, что другой на его месте исчез бы моментально. Но это был очень настырный и упрямый тип.

- Из чего? - спокойно переспросил он. - Его узнал Михеев, его узнала моя мама, на него показывает женщина, которая его закапывала. И, наконец, именно у него нашли промокашку.

Ребята, разинув рты, слушали наш разговор.

Я вынул из углей картошку, побросал в руках, отодрал сверху шкурку, посыпал солью, куснул.

Славик стоял и ждал, пока я проделал эту процедуру. Он был в моих руках и понимал это.

Андрей лениво поднялся, пошел в вагончик, принес табуретку.

Агапов сел, процедив сквозь зубы нечто вроде «благодарю». То, что он хам, я заметил сразу. Но раз ты хам, то будь хоть вежливым хамом.

- Твоя мама не утверждает категорически, что ее взял именно старшина, - возразил я, - она сказала: кто-то из них, то есть из двух солдат, взял промокашку.

- Да, она так сказала, тогда для нее это было неожиданно. А теперь она вспомнила и утверждает: промокашку взял старшина.

- Ну что ж, - согласился я, - промокашка, безусловно, доказательство. Но, понимаешь, не единственное. Там был еще кисет. Ты его видел?

- Видел, - нетерпеливо ответил Агапов.

Мои вопросы начинали его злить. Ничего, потерпит.

- Ты видел, что вышито на кисете?

Он помолчал, и я ответил за него:

- На кисете вышита буква «К». Значит, имя или фамилия этого солдата начинается на «К». А старшину зовут Дмитрий, фамилия его Бокарев. Так-то вот.

Но на Агапова это не произвело ни малейшего впечатления.

- Это не имеет ровно никакого значения, - объявил он, - вряд ли молодой солдат занимался вышиванием. Вышивала эту букву женщина, та, что подарила ему кисет, и она могла поставить первую букву своего имени: Ксения, Клавдия...

Рассуждал он логично. По всему, неизвестный солдат - это старшина Бокарев. Но кисет, кисет... И один из солдат - Краюшкин. Славик этого не знает и, что самое смешное, не хочет знать. Он интересуется только старшиной. Он настолько убежден, что это старшина, что даже не спрашивает фамилии остальных. Ну и пожалуйста!

- Так что тебе от меня нужно? - спросил я.

- Мне нужен адрес старшины. Как ты его назвал?

Я повторил:

- Бокарев Дмитрий Васильевич.

Он вынул блокнот, ручку и записал это.

- А адрес?

- Адреса у меня нет.

- Как - нет? Наташа сказала, что есть.

- Я не знаю, что вам сказала Наташа, - я опять перешел на «вы» и тем самым пригласил и его это сделать, - но у меня их адресов нет. У меня есть только названия

населенных пунктов, из которых они в свое время были призваны в ряды Красной Армии.

Так официально я все это сформулировал.

- Хорошо, - согласился Агапов, - а откуда был призван Бокарев?

- Село Бокари, Красноярского края.

Он записал, потом спросил:

- Точно?

- Не знаю, - усмехнулся я, - я при этом не был. Так значится в справке военного архива.

- Вы можете показать мне эту справку?

Ну вот, наконец он понял, что мне нельзя «тыкать».

Мне не хотелось показывать ему справку. Я даже опасался, что он положит ее в карман. От хама всего можно ожидать. Но нет, побоится, нас тут много, а он один.

Я вынес из вагончика список.

Он поднес его к очкам, взялся за ручку и блокнот. Я думал, он сейчас его перепишет. Но нет, он только сверил со списком свою запись о Бокареве. Запись оказалась правильной, и он вернул мне список. Больше его никто не интересовал. И это понятно. Ведь его не интересовал солдат сам по себе. Для него он был всего лишь исторический персонаж. И этот персонаж, видно, уже готов в его воображении, под это он и подгоняет факты. А может быть, он вовсе не историк. Просто легкомысленный, поверхностный человек, организатор всякого рода сенсаций и шумих.

Как бы в подтверждение моих мыслей Агапов сказал:

- Между прочим, установлено: старшина прятался в нашем доме, на сеновале, и, выйдя оттуда, разгромил штаб.

Ах вот оно что! Товарищ Агапов, оказывается, имеет некоторое отношение к подвигу.

Он встал, положил в карман блокнот, сунул авторучку и, обращаясь ко всем и ни к кому, сказал:

- До свидания!

Кто-то из ребят что-то пробормотал в ответ. А кто и ничего не пробормотал. Этот тип всем не понравился.

Только Люда громко и насмешливо произнесла:

- Наше вам се!

«Се» обозначало у нее «сердечный привет».

Некоторое время мы сидели молча, потом Юра сказал:

- Ну ты и фрукт!

- Что ты имеешь в виду? - удивился я.

- За этим ездил в Москву?

- Попутно.

- И правильно сделал, - похвалил Андрей.

- А в чем суть? - спросил Виктор Борисович. - Я не все понял в вашем споре.

Я рассказал и саму историю, и ее суть, и почему Славик настаивает на Бокареве, привел все доказательства «за» и «против» Бокарева, «за» и «против» Краюшкина и Вакулина.

- Все же самые убедительные доказательства - в пользу старшины, - заметил Виктор Борисович.

Все согласились, что неизвестный солдат, скорее всего, старшина Бокарев.

Причем Маврин выдвинул такой аргумент:

- Из этих пяти только он один и мог разгромить штаб. Остальные шоферня - они и гранаты не умеют бросать.

Но все также согласились, что надо точно выяснить и зря молодой Агапов так торопится. В объяснение его торопливости тот же Маврин выдвинул неожиданную версию.

- Выдали они нашего солдата, вот и заматают следы.

- Да нет, - решительно возразил я, - никто никого не выдавал, это вполне порядочные люди, там совсем другое.

Однако нелепое предположение Маврина оказалось предметом нашего спора.

- Все могло быть, - сказал Андрей, - в войну все было. На его месте любой бы торопился.

- Я бы не торопился, - возразил я. - Если бы кто-нибудь сказал про моего отца, что он предатель, я бы просто дал этому человеку по морде.

- А если бы к этому были доказательства? - спросил Юра.

- Я бы сказал: пожалуйста, давайте их обсудим, давайте исследуем историю каждого из пяти солдат, чтобы все было абсолютно ясно. Я бы не торопился.

- А если Славик не верит своей бабушке? - настаивал Юра. - Сейчас она хорошая, а двадцать пять лет назад испугалась немцев. Вот он и не хочет никакого исследования. Хочет доказать, что их солдат разгромил штаб, а потому, значит, они его не выдали.

- Это ты брось! - вмешался Маврин. - Раз выдали немцам нашего солдата, то и нечего защищать.

- Что же ему, родных предавать? - возразил Юра.

При всей нелепости мотива спор начинал приобретать остроту.

Я сказал:

- Отца нельзя предавать. Отцу надо верить.

- Но исторические факты?! - возразил Андрей.

- Я не хочу знать никаких исторических фактов, - закричал я, - сын не может предавать своего отца! Если мы не будем верить в своих отцов, тогда мы ничего не стоим.

- Чего ты кричишь! - сказал Андрей. - Разобраться надо, а ты кричишь. На свете есть подлецы, у подлецов есть дети. Что же этим детям - защищать своих отцов-подлецов?

Вопрос был поставлен коварно. Все смотрели на меня, ждали моего ответа. И во взгляде Люды я заметил что-то такое особенное. Видно, неважно у нее сложилось с родителями.

- Говорите что хотите, - сказал я, - но я убежден в одном: сын не может быть судьей своего отца. Если мой отец преступник, я не могу быть его защитником. Но я не могу и быть его обвинителем. Пусть его судит суд, общество, пусть его вина падет и на меня, и позор пусть падет на меня. Если я не сумею жить с этим позором, я умру.

- А он дело говорит, - заметил Андрей.

Юра скривил губы:

- В теории все выглядит красиво.

- Между прочим, - опять сказал я, - эти пять солдат считаются исчезнувшими при загадочных обстоятельствах, по их делу велось следствие. Возможно, их родным сообщили, что они дезертиры. Мы здесь похоронили героя, разгромившего

немецкий штаб, а его сын ходит по свету с мыслью, что его отец дезертир. Должен он этому верить? Нет, не должен! Дезертир! Докажите, что он дезертир! Покажите этого дезертира! Где он сейчас? Если мы не верим в своих отцов, то и не должны искать их могил.

Я никогда не произносил таких длинных речей. Но что-то очень возбудило меня в этом разговоре.

Люда встала и, не говоря ни слова, ушла в свой вагончик.

22

Председатель сельсовета шел по широкой деревенской улице. По обе ее стороны стояли большие бревенчатые черно-серые избы под тесовыми крышами, кое-где поросшими зеленым мохом.

Село стояло на горе, огороды тянулись по ее склону до самого берега, где сушились на подпорках сети, покачивались на воде лодки, привязанные к врытым в землю столбикам.

Могучая река, широко и быстро огибая острова и устремляясь в бесчисленные протоки, несла свои светлые, прозрачные воды. Над рекой нависали высокие скалы, обрывы, усеянные гранитными россыпями, прослоенные бурыми, желтыми, серыми известняками, обнажившими первозданное строение земли. За скалами вздымался в гору сплошной, бескрайний, непроходимый лес - тайга.

На лице председателя было важное и озабоченное выражение человека, сознающего и значительность своей должности, и необычность предстоящего дела. И чем ближе подходил он к дому Бокаревой, тем суровее становилось его лицо. Хоть был он молод и председательствовал всего год, он твердо усвоил правило: чем сложнее вопрос, тем официальнее надо выглядеть, особенно если имеешь дело с женщиной.

Дом Бокаревой ничем не отличался от других домов в селе: выходил на улицу торцом, окна в резных наличниках, выкрашенных фиолетовой краской, крыльцо во дворе, огороженном плотным забором из вертикально поставленных досок и вымощенном тоже досками, с пустыми надворными постройками и развешанной для сушки рыбой.

И внутри изба эта была такой же, как и другие избы. Большая горница, за ней спальня. В переднем углу божница - полочка с иконами, в другом - угловик с зеркалом и вышитым полотенцем, на стене фотографии, за перегородкой кухня. У печки хлопотала хозяйка Антонина Васильевна Бокарева, маленькая старушка лет семидесяти, а может, и больше.

- Здравствуйте, Антонина Васильевна, - сказал председатель официально и вынул из портфеля бумагу, - письмо получено насчет сына вашего, Дмитрия.

Антонина Васильевна улыбнулась, подняла палец к уху, показала, что плохо слышит.

Председатель повысил голос, отчего он зазвучал еще официальнее:

- Нашлась могила, где похоронен сын ваш, Дмитрий.

Она опустила на скамейку, положила на колени натруженные руки, помолчала, потом спросила:

- Где могилка-то?

Председатель заглянул в письмо:

- Город Корюков. Слыхали?

- Кто нашел-то?

- Школьники нашли. Запрашивают из газеты: в каком году погиб Бокарев Дмитрий, какие письма с войны от него были?

Антонина Васильевна помолчала, потом дрогнувшим голосом произнесла:

- Вот и нашлась Митина могилка...

Наступила та тягостная минута, которой председатель больше всего опасался: начнутся слезы, причитания, и никакая тут официальность не поможет, и слова не помогут, потому что слова еще больше подогревают, и женщины начинают выть в голос.

Выручила соседка, Елизавета Филатовна, бойкая бабенка из тех, кто первые все узнают и кому до всего есть дело. Именно за это председатель ее не любил, но сейчас был доволен ее появлением.

Она вбежала в дом, возбужденно заговорила:

- Радость-то какая: не раскиданы, значит, по земле его косточки. Уж такое тебе утешение, Васильевна, на старости лет, такое утешение...

Председатель благоразумно отошел в сторону и стал разглядывать висевшие на стене фотографии.

Он увидел на снимке бравого, щеголеватого старшину с гвардейским значком на груди и медалью «За отвагу», с широким командирским ремнем и портупеей через плечо. Это и был пропавший без вести почти тридцать лет назад сын хозяйки - Дмитрий Бокарев. Был он на снимке одних лет с председателем.

- Орел, чистый орел, - говорила между тем соседка Елизавета Филатовна, - смелый был, рисковый. Еще в мальчишках с отцом на медведя ходил. Я, бывало, говорю ему: «Митенька, малой ты еще в лес-то ходить». А он на меня этак-то посмотрит, отвернется: не встречай, мол, баба, не в свое дело.

Антонина Васильевна не голосила, не причитала, не плакала, сидела, сложив на коленях натруженные руки, молча слушала соседку.

А та продолжала возбужденно:

- Потом сам белку добывал. А уж из лесу придет, все девки его. Парень видный, бравый.

Председатель обвел избу задумчивым взглядом человека, которому что-то *открылось*. Что именно *открылось*, он не мог сказать, но что-то было особенное в этом молодом, юном лице бравого старшины, пропавшего без вести в войну, почти тридцать лет назад, в скорбном молчании его матери, только теперь узнавшей, что нашлась его безвестная могила.

- Вам, может, надо чего? - спросил он. - Может, крышу покрыть?

Из-за его спины Елизавета Филатовна сделала знак Антонине Васильевне: проси, мол, пользуйся случаем.

- Постоит еще крыша, - тихо ответила Антонина Васильевна.

Соседка с досадой передернула плечами: не воспользовалась, старая... Заискивающе улыбаясь, сказала:

- Ограду бы надо поправить.

Председатель вопросительно посмотрел на Бокареву.

- Ничего не надо, все есть, - по-прежнему тихо ответила Антонина Васильевна.

Соседка сменила разговор:

- Карточку небось с могилки пришлют.

- Все, что положено, сделают, - опять входя в свою должностную роль, объявил

председатель официально.

- Как же разыскали его могилку-то? - спросила Елизавета Филатовна.

- Нашлись добрые люди, разыскали, - сказала Антонина Васильевна.

23

Они далеко углубились в пшеницу, когда услышали рев самолетов - немцы бомбили пустую МТС.

Самодельные носилки с Вакулиным были тяжелы. В Корюков они пришли уже затемно.

В крайнем доме горел свет. Бокарев сильно и требовательно постучал в дверь. Ее открыл сухощавый мужчина лет сорока, с встревоженным и угрюмым лицом.

Они внесли Вакулина, положили на диван.

Хозяин молча смотрел на них.

- Госпиталь далеко? - спросил Бокарев.

- В школе был, - ответил хозяин, - сейчас не знаю.

- Почему не знаете?

- Наши сегодня ушли.

- Так, - пробормотал Бокарев, - ладно, разыщем: может, остался кто. А раненый пусть у вас пока полежит. Скоро вернемся, заберем. Как ваша фамилия?

- Михеев.

- Посмотрите за раненым, накормите, подушку дайте, - приказал Бокарев и наклонился к Вакулину: - Ваня, ты как?

- Ничего, - слабо улыбнулся Вакулин, - я идти могу.

Он сделал попытку подняться.

- Лежи! - приказал Бокарев. - Без меня никуда!

Он подозрительно осмотрел комнату, спросил хозяина:

- Кто еще в доме?

- Семья... Жена, дети.

- Сам почему не в армии?

- Освобожден по болезни.

Бокарев опять подозрительно осмотрелся вокруг, открыл дверь в соседнюю комнату - там на кроватях спали дети.

Бокарев положил рядом с Вакулиным трофейный автомат, выразительно посмотрел на хозяина, спросил:

- Как пройти к госпиталю?

- А вот проулком на соседнюю улицу, там и школа.

Бокарев и Краюшкин свернули в переулок и вышли на длинную, видно главную, улицу. В середине ее высилось двухэтажное кирпичное здание школы.

Здание было пусто, окна открыты, ветер шевелил синие полосы оборванной маскировки, на полу валялась бумага, обрывки бинтов, стоял запах йода, карболки - медсанбат ушел.

- Не миновать мне штрафной роты, - мрачно проговорил Бокарев.

- В чем твоя вина? - возразил Краюшкин.

- Потерял людей, значит, виноват, - сказал Бокарев. - Ладно! Где-нибудь переночуем, утром мобилизуем подводу, заберем Вакулина и будем догонять своих.

Тусклый свет коптилки освещал стол, за которым сидели Бокарев, Краюшкин, хозяйка дома - Агапова, средних лет женщина, и ее дочь - девочка лет двенадцати.

Бокарев дремал, положив голову на сложенные на столе руки.

Колыхалось неровное пламя, вырывало из темноты лица сидящих за столом, а иногда и кусок стены, где висела фотография человека в кавалерийской форме рядом с конем, которого он держал за повод.

Девочка делала уроки.

- Школы нет, - вздохнула Агапова, - а заниматься нужно.

- Это уж обязательно, - поддакнул Краюшкин, - образование - оно требует системы.

- Не встречался ли вам Агапов Сергей Владимирович? Давно ничего нет от него.

- Был у нас один Агапов, - сказал Краюшкин и посмотрел на девочку, - точь-в-точь один портрет.

- Он конник.

Бокарев оторвал голову от стола:

- Конник - это другой род войск. Подвижные части.

- Как в песне-то поется, - подхватил Краюшкин, - «нынче здесь, а завтра там».

По себе знаю: получать письма - это мы любим, а отвечать - недосуг. Да и о чем писать? Война кругом - одно расстройство. Кончится - тогда наговоримся.

- Как для кого она кончится, - вздохнула Агапова.

- Дело известное, - согласился Краюшкин, - у кого грудь в крестах, у кого голова в кустах.

Краюшкин через плечо девочки заглянул в учебник: там были нарисованы хрестоматийные дома, сады, реки, лошади, коровы. Потрогал карандаш, понюхал промокашку.

- У моих ребят точно такой учебник был и карандаш, и промокашка вот точно так же пахла - чернилами. Есть у тебя еще такая?

- Есть, новая.

- Новую ты себе оставь, а мне эту отдай, - попросил Краюшкин.

- Берите.

Краюшкин понюхал промокашку, свернул, положил в карман вместе с фотографией, где были сняты впятером: он, Бокарев, Вакулин, Лыков и Огородников.

- Зачем она тебе? - спросил Бокарев.

- На память, ребятишками пахнет, - улыбнулся Краюшкин.

Вакулин лежал на диване в доме Михеева. Он старался лежать неподвижно - тогда казалось, что не так болит: болело только при движении, а так он ощущал равномерные толчки и думал, что внутри у него, наверно, нарывает.

Он думал и о том, что ему не следовало переползать на новое место. Когда он менял точку стрельбы, в него и попала пуля, и пуля эта, наверно, в животе, а может, и прошла навывлет. Он больше склонялся к тому, что пуля в животе: он чувствовал там что-то острое и колющее, особенно при движении.

Он не засыпал, дожидаясь Бокарева и Краюшкина. Если медсанбат ушел, они найдут врача: старшина молодец, он и врача достанет и сделает все, что требуется.

Вспомнилась ему Нюра - первая в его жизни девчонка; вот так встретилась, и странно все получилось. Потом вспомнил Рязань, Рюмину рощу, куда ходили они гулять летом, городской сад, и Оку, и Солотчу, куда ездили в воскресенье на машинах, и гараж в бывшей церкви возле старого базара. И опять вспоминал Нюру, ее горячие худые руки...

Он проснулся от чьего-то прикосновения. Перед ним в белье стоял хозяин.

- Немцы, слышишь, солдат?

Вакулин отчетливо услышал грохот танков. Сквозь прорези ставен уже пробивался первый утренний свет.

Дверь в спальню была открыта, и Вакулин увидел на кровати две детские головки: дети со страхом смотрели на него.

- Уходить надо, солдат, - тихо, но спокойно, твердо и рассудительно сказал Михеев, - немцы тебя убьют: зачем ты им такой, раненный?! А мне и детишкам - расстрел за укрывательство. Ни тебе это не надо, ни мне. Я тебя на зады выведу, балкой уйдешь, там карьеры старые, а потом лес. Трудно тебе идти, а все-таки - шанс, спасешься!

Вакулин приподнялся.

Кольнула острая боль, бинты нестерпимо жали; хотелось их сорвать - срывать нельзя.

Михеев помог ему подняться, набросил автомат на плечо, сунул в руку палку, вывел в сад; поддерживая, подвел к калитке. Вакулин ковылял, опираясь на палку и на плечо Михеева. Он чувствовал все ту же острую, колющую боль, но преодолевал ее, возбужденный грохотом танков на соседней улице.

Михеев осторожно приоткрыл калитку, выглянул на улицу, показал:

- Чуть по улице пройдешь, сворачивай налево, выходи на зады, а там балкой до леса.

Вакулин заковылял по улице.

Михеев прикрыл калитку и смотрел сквозь щелку.

Он увидел в конце улицы немецкие броневые автомобили. Они шли быстро, ревели моторами.

Вакулин успел только оглянуться, прижаться к забору, не успел даже поднять автомата - огонь с бронетранспортера скошил его.

Так он и остался лежать у забора.

Осторожно ступая, нагнувшись, пролезая под яблонями, Михеев пошел к дому.

Бокарев отодвинул занавеску и увидел немецкие танки. Краюшкин поспешно надевал шинель. Агапова в халате стояла в дверях, прислушиваясь к лязгу и грохоту на дороге.

- Может быть, вам на чердаке спрятаться, - сказала она, - у нас есть еще подпол, под кухней, он сухой.

- Куда зады выходят? - вместо ответа спросил Бокарев.

- На соседнюю улицу.

Бокарев выбежал во двор, заглянул в щель забора, увидел бронетранспортеры, услышал автоматную очередь. Краюшкин вопросительно смотрел на него.

Быстрым взглядом Бокарев обвел двор.

Ворота сарая были открыты, внутри под крышей виднелся сеновал.

Они взобрались туда и зарылись в сено...

24

Меня вызвали в контору.

Перед Вороновым лежала пачка писем. Он кивнул на них:

- Тебе.

Я протянул руку:

- Спасибо.

- Секретность переписки гарантируется Конституцией, - сказал Воронов. - И я не касаюсь твоей корреспонденции. Но на всех конвертах штамп - военкомат, вот, пожалуйста: Рязанский, Ленинградский, Красноярский, Псковский, Саратовский. Ты что, продолжаешь?

- Продолжаю.

- Ну продолжай, продолжай...

- Он это делает в нерабочее время, - заметил инженер Виктор Борисович, - его личное дело.

- Нет, - ответил Воронов, - нерабочее время - это не только личное дело. Вчера Маврин в нерабочее время учинил в деревне скандал, а спрашивают с меня: завалил политико-воспитательную работу, снял с себя ответственность за моральное состояние коллектива. Вот вы, Виктор Борисович, например, считаете возможным в нерабочее время выпивать с молодежью, а я считаю, что неправильно делаете - забываете о престиже руководства.

- Мы очень уважаем Виктора Борисовича... - объявила Люда.

- Ты хоть помолчи, - оборвал ее Воронов, - все стали умные, не участок, а симпозиум. Здесь не только наша работа, здесь и наш дом. Это на шоколадной фабрике человек отработал свои восемь часов, потом уехал домой и выкаблучивает там что хочет. Здесь мы все на виду.

- Я ничего предосудительного не делаю, - заметил я.

- А я разве тебя в чем-нибудь обвиняю? - возразил Воронов. - Занимайся чем хочешь, твое дело. Но чтобы не в ущерб производству.

- Какой может быть ущерб производству? - удивился я.

- Какой, я не знаю, а вот чтобы не было ущерба. Работу свою ты должен выполнять, и точка.

- Все выполняю, и точка, - ответил я.

Что же было в письмах?

Из Ленинграда: никаких сведений об Огородникове или о его родных не имеется.

Из Пскова: Краюшкин пропал без вести в 1942 году. В Пскове проживает его сын - Краюшкин Валерий Петрович, адрес такой-то.

Из Пугачевска: по сведениям военкомата, родные Лыкова в Пугачевском районе не проживают.

Из Рязани: Вакулин пропал без вести в 1942-м. В Рязани проживают его отец, мать и сестра.

Из Красноярского края: старшина Бокарев числится пропавшим без вести с 1942 года. В селе Бокари проживает его мать, гражданка Бокарева Антонина Васильевна.

Живого свидетеля не будет.

25

У нас в классе учился парень, Кулешов Вовка, сын известного профессора. У них в квартире всегда пахло не то больницей, не то аптекой, хотя Вовкин отец дома больных не принимал, был к тому же психиатр, а в психиатрии лекарства не применяются. Впрочем, может быть, и применяются. На маминых таблетках от

бессонницы написано, что они положительно действуют на психику.

Пахло медициной и в квартире Краюшкиных. Квартира отвечала бы самым высоким современным московским кондициям, если бы не тома «Всемирной литературы», которую выпускают, как мне кажется, для украшения жилищ.

Эти ровные ряды одинаковых толстых томов! Это же не энциклопедия, не специальные словари или справочники. Под одинаковыми обложками Гомер и Чехов, Теккерей и Есенин, Пушкин и Хемингуэй. И вообще не может быть стандартной библиотеки. Библиотеку человек должен создавать по своему вкусу.

Валерия Петровна Краюшкина дома не было. Меня встретила его дочь - Зоя, высокая девушка в очках, по виду заядлая интеллектуалка. И конечно, чересчур модерновая. Как все такие интеллектуалки в очках, модерновостью они прикрывают недостатки своей внешности. У нее были длинные худые ноги, и мини-юбка ей совсем не шла.

Я посмотрел на нее, прикинул и сказал:

- Я по поводу вашего дедушки.

- А... - протянула Зоя, - папе звонили откуда-то, из военкомата, кажется. Его нет дома. Хотите - подождите. Он скоро придет.

Мы прошли в столовую.

Зоя бесцеремонно разглядывала меня.

- А зачем вам нужен мой дед?

- Выясняем: его могила или не его.

- А какая разница? - насмешливо спросила Зоя. - Дедушке это теперь безразлично.

- А вам?

- Мне? - Она пожала плечами. - Мне, например, все равно, где меня похоронят. Пусть лучше сожгут!.. Могилы! Что в них толку? Зарастут травой, и все.

- Зарастут, - согласился я, - если за ними не ухаживать.

- А вы знаете, что велел сделать Энгельс?

- Что?

- Он велел после своей смерти сжечь себя, а прах развеять в море.

- Где вы учитесь? - спросил я.

- На медицинском.

- А... - протянул я.

Потом сказал:

- Это личное дело Энгельса. Маркс, например, такого распоряжения не давал.

Зое нечего было на это возразить.

- А как звали вашего деда? - спросил я.

- Деда?.. Папу зовут Валерий Петрович, значит, его звали Петр.

- А отчество?

Зоя сморщила лицо и развела руками - она не знала.

- Запинаетесь, - констатировал я. - «Уважение к минувшему - вот черта, отличающая образованность от дикости». Пушкин.

Она помолчала, потом спросила:

- А вы где учитесь?

- На филологическом, - ответил я.

Пришел Валерий Петрович Краюшкин, и мы перешли в кабинет. Он был обставлен тяжелой гарнитурной мебелью, но в книжных шкафах было несколько

оживленнее - по-видимому, медицинские книги выпускаются не так стандартно, как «Библиотека всемирной литературы».

Валерий Петрович был среднего роста, плотный мужчина, с белыми, чистыми руками врача.

Кроме большого письменного полированного стола, в углу стоял круглый журнальный столик. Вокруг него в креслах мы и расселись.

Я протянул Валерию Петровичу фотографию.

Он посмотрел на нее, потом поднял глаза на меня:

- Да, это мой отец.

- Дай мне, папа, - попросила Зоя.

Она рассмотрела фотографию:

- Кто же мой дедушка?

Валерий Петрович показал ей Краюшкина.

- Ему здесь столько же лет, сколько тебе сейчас, - заметила Зоя.

- Да, по-видимому, - подтвердил Валерий Петрович, расхаживая по комнате.

- Но выглядит он старше, - продолжала Зоя.

Валерий Петрович ничего ей не ответил, остановился против меня:

- Значит, при нем не было никаких документов? Как же вы узнали?

- Узнали, - коротко ответил я. Не буду же я повторять историю розысков: теперь это уже неинтересно.

- Да, да, конечно, - сказал Валерий Петрович, - военные архивы, однополчане, понимаю, понимаю...

- Дело несложное, - согласился я.

Зоя внимательно посмотрела на меня. Уловила в моем голосе иронию. Меня ее взгляд не смутил. Ведь она не придает всему этому никакого значения.

- Мы тоже узнавали, - сказал Валерий Петрович, - но нам ответили: пропал без вести.

Теперь Зоя смотрела на него. Ей не понравилось то, что он оправдывается передо мной. А может быть, посчитала его оправдания неубедительными. Действительно, ему не следовало оправдываться. Это звучало неуклюже.

Я спросил:

- Когда было последнее письмо от вашего отца?

- Осенью сорок второго года, - ответил Валерий Петрович. - Вообще отец писал редко, особенно не расписывался, он был простой шофер.

В его голосе звучала привычная нотка гордости за то, что его отец простой шофер, а вот он, его сын, - врач, и, по-видимому, крупный врач.

- Это точно? - переспросил я. - Последнее письмо от вашего отца было осенью сорок второго года? Больше писем не было?

- Именно так, - подтвердил Валерий Петрович, - осенью сорок второго года. Больше писем не было.

- Оно есть у вас?

- К сожалению, нет, - ответил Валерий Петрович, - затерялось со всеми этими переездами. Фотографии отца сохранились.

Он вытянул нижний ящик письменного стола, вынул альбом с фотографиями, осторожно перелистал тяжелые страницы со вставленными в них фотокарточками, наконец, нашел то, что искал, и протянул мне.

На старом довоенном фото были изображены молодой Краюшкин и его жена, простая, миловидная и смышленная женщина.

Пока я рассматривал фото, Валерий Петрович говорил:

- Собирался я его увеличить, повесить. Но жена говорит, что сейчас фотографии на стены не вешают, только картины. - Он обвел рукой стены: там действительно висели какие-то картинки. - Говорит, неприлично выставлять на обозрение своих родственников. Может быть, это так, может быть, не так - не знаю.

Зоя сидела с нахмуренным лицом.

- Скажите, - спросил я, - ваш отец курил?

- Курил. А что?

- Да так...

Значит, кисет мог быть его.

- Есть какие-то неясности? - спросил Валерий Петрович.

- Видите ли, - ответил я, - один наш солдат разгромил немецкий штаб. И мы не знаем, кто это сделал: ваш отец или кто-нибудь другой.

Валерий Петрович развел руками, улыбнулся:

- Он был тихий, скромный человек. Штаб разгромить - значит, очень уж рассердили его немцы... Он был добрый, любил детей. Покойная моя мама рассказывала: когда отец уходил на войну, он взял на память о нас, о сыновьях - у меня еще есть старший брат, - так вот отец взял на память нашу игрушку.

Я чуть не встал даже, но удержался.

- Какую игрушку?

- Что-то из детского лото. Знаете, есть такое детское лото: большая карта с картинками и маленькие картонки. На них обычно изображаются звери, птицы. Вот одну такую он взял.

- Вы не помните, какую именно?

- Не помню и не могу помнить: мне тогда было двенадцать лет.

Все или почти все было для меня ясно.

Я посмотрел на часы, встал:

- Извините, мне пора.

- Оставайтесь у нас обедать, - предложил Валерий Петрович.

- Спасибо, надо ехать, в семь часов поезд.

- Ну что ж, - Валерий Петрович протянул мне руку, - рад был с вами познакомиться.

Потом он спохватился и, смущаясь, спросил:

- Может быть, нужны деньги на памятник?

- Нет, все уже сделано. До свидания.

Я повернулся к Зое, кивнул и ей:

- До свидания!

Она встала:

- Я вас провожу.

Облокотившись о перила, мы стояли с ней на деревянном пешеходном мосту, перекинутом через железнодорожные пути, и смотрели на движущиеся под нами поезда.

- У папы масса работы, - сказала Зоя, - он такой затурканный. Потом, мама - для нее дедушка чужой человек.

Что я мог ей ответить?

- Вы думаете, что неизвестный солдат - мой дед?

- Надо еще кое-что выяснить.

- Я могу чем-нибудь помочь?

- Нет, ничем.

- Когда все выяснится, вы нам напишете?

- Напишу.

Я посмотрел на большие перронные часы - сейчас подойдет поезд. Я попрощался с Зоей и побежал вниз по лестнице. На перроне я оглянулся. Зоя стояла на мосту и смотрела на меня.

26

Будь здесь другое расписание поездов, моя поездка к Краюшкиным заняла бы одно воскресенье. Но прямого поезда Корюков - Псков нет. Некоторые поезда вообще в Корюкове не останавливаются.

Я вернулся только в понедельник.

И все равно Воронов ничего бы не узнал. Мы работали на другом конце трассы, никто из ребят меня бы не продал, тем более механик Сидоров. Как бывший фронтовик, он отнесся к моей поездке сочувственно.

Но в понедельник женская бригада работала на щебне; испортился механизм, долго не присылали слесаря. Мария Лаврентьевна пожаловалась Воронову. Воронов начал выяснять, почему нет слесаря; пошла раскручиваться веревочка, и на конце ее оказался я, мое отсутствие, мой прогул.

Узнав, что какой-то слесаришка прогулял, Мария Лаврентьевна учинила такое, чего еще не учиняла, выдала и Сидорову, и Воронову, и инженеру Виктору Борисовичу. При всем моем уважении к трудящимся женщинам не могу не отметить, что они иногда бывают поразительно скандальны на работе.

Результатом была выволочка, которую устроил мне Воронов. Публично, в столовой, за ужином, чтобы мой прогул послужил для всех уроком. Провел на моем примере широкое воспитательное мероприятие.

Некоторые еще ужинали, другие играли в домино, в шашки и шахматы. Мария Лаврентьевна гладила белье.

Мы сидели за столом в обычном составе: Юра, Андрей, Люда и я. Маврин был в очередном галантном походе. За соседним столом сидели Воронов и инженер Виктор Борисович.

Я знал, что Воронов устроит мне выволочку, ждал. Но Воронов тянул, нагонял на меня страху.

Наконец он подозвал меня. Я подошел. В столовой стало тихо.

- Исчезаешь, начал Воронов, - а работать кто будет?

Я молчал.

- Два часа бригада простояла. За чей счет отнести?

Я мог бы ответить, что бригада простояла вовсе не потому, что я уехал. Если бы я был на участке, она все равно бы простояла, пока я приехал бы с другого конца трассы. Чтобы механизмы не ломались, надо делать профилактический ремонт своевременно, а не дожидаться, пока механизм выйдет из строя. И надо держать дежурных слесарей на основных пунктах трассы об этом уже говорилось на производственных совещаниях.

Я мог бы ему это сказать. Но не сказал: прогулял, а теперь, видите ли, защищаю интересы производства. Получилось бы спекулятивно.

- Бегаешь! - продолжал Воронов. - А перед получкой ко мне прибежишь: выведи мне, товарищ Воронов, зарплату. Нет, извините, я за тебя идти под суд но

намерен. Человек должен выполнять свои обязанности. А личные дела в нерабочее время.

Тут уж я был вынужден ответить:

- Это не совсем личное дело.

- Да, узнавал насчет солдата, знаю. Но я тебя предупреждал: не в ущерб производству. Теперь понял, почему я тебя предупреждал?

- Понял, - ответил я.

- Я ведь знаю, с чего начинается и чем кончается. Это для тебя первая могила, а на моем пути их встречалось знаешь сколько?.. Сегодня ты поехал насчет этого солдата, завтра вон Юра насчет другого, потом и Андрей воодушевится, а там и Люда не захочет отставать... А кто дорогу будет строить?

Так он выговаривал мне и выговаривал.

Все молча слушали.

Мария Лаврентьевна гладила белье и тоже слушала. Слушали и те, кто играл в шашки и шахматы. Те, кто играл в домино, не стучали костяшками. И никто не вступился за меня, не защищал: считали, что Воронов прав, а я неправ. В их молчании была даже враждебность: явился мальчишка, сопляк, ничего не умеет делать, а высовывается, то уезжает, то приезжает, больше всех ему надо.

- У тебя уже была одна самоволка, - продолжал Воронов безжалостно, - за носочками, за шарфиком в Москву отправился; вернулся - простили: работай, оправдай доверие. Вон люди по пятнадцать лет у нас работают, а спроси, хоть раз прогуляли, убежали за носочками?

Воронов замолчал, приглашая меня спросить у присутствующих, поступали ли они так, как поступил я.

Я, естественно, не спросил.

- Мы свое дело сделали: могилу перенесли, документы сдали, обелиск поставили. Невидный обелиск, согласен, но от души, от сердца поставили. Чего же ты теперь хочешь? Хочешь доказать, что мы не так все сделали? Мы не сделали, а ты вот сделаешь? Это ты хочешь доказать?

Это был удар ниже пояса, такое могло вообразиться только самому инквизиторскому уму.

- Я ничего не хочу доказать, - возразил я, - просто хочу узнать имя солдата.

- А для этого, дорогой мой, - проговорил Воронов торжествующе, будто поймал меня на самом главном, - а для этого есть соответствующие организации. Ты что же, им не доверяешь? Думаешь, они не будут заниматься? Думаешь, они бросят? Только ты один такой сознательный? Не беспокойся, есть кому подумать, есть кому позаботиться.

Инженер Виктор Борисович сидел за одним столом с Вороновым, опираясь на палку, с поникшей головой. Было непонятно, слушает он Воронова или не слушает.

Оказалось, слушает.

Он поднял голову.

- А кто должен думать о наших могилах? Разве не наши дети?

Воронов от неожиданности даже поперхнулся, потом развел руками:

- Ну, знаете... Мы не можем...

- Нет, уж извините, - перебил его Виктор Борисович, - уж позвольте мне сказать. Вот вы говорите: дорогу надо строить. Да, надо. Только если дети перестанут о нас думать, тогда и дороги не нужны. По этим дорогам люди должны ездить. Люди!

Воронов мрачно помолчал, потом ответил:

- Да, люди, А чтобы стать людьми, надо чему-то научиться в жизни, научиться работать, проникнуться сознательным отношением. Человеком стать!

- Вот именно: человеком! - подхватил Виктор Борисович. - Именно человеком! А то мы все говорим: «Человек с большой буквы», только эту большую букву понимаем как прописную... - Виктор Борисович начертил пальцем на столе большую букву «Ч». - Нет, это не прописная буква. Это то, что зарождается в таком вот Сережке. И сохранить такое чувство в мальчишке - ценнее всего. Вы уж извините меня! Вот таким бы хотелось видеть настоящего руководителя.

С этими словами он встал и вышел из шатра. Даже шляпу забыл на столе.

Наступило тягостное молчание.

Только было слышно, как Мария Лаврентьевна брызжет воду на белье.

Ситуация получилась дай бог!

Мало того, что я прогулял день. Мало того, что по моей якобы вине два часа простояла бригада. По моей вине теперь в отряде возник конфликт. И где? Внутри руководства! На глазах у всего коллектива инженер обвинил начальника участка в неумении руководить людьми. Воронов этого не простит. Может, инженеру и простит - как-никак его заместитель все-таки. Но мне не простит никогда.

Обращаясь к шляпе Виктора Борисовича, Воронов сказал:

- Вот к чему приводят совместные выпивки с молодежью.

Этим он как бы объяснил мотивы поведения инженера.

Мне стало ясно, что с инженером он помирится, а мне на участке не работать.

На практике, на автобазе, у меня тоже получилось нечто вроде конфликта с коллективом, потом все сгладилось: я был там человек временный, к тому же школьник, практикант.

Здесь я не школьник, не практикант, здесь я рабочий и должен быть таким, как все рабочие. А я делал что-то не так, хотя, в сущности, ничего плохого не делал. Меня заинтересовала судьба солдата, захотелось узнать, кто он, разгадать эту тайну. Производство - не место для разгадывания тайн. Но ведь это не простая тайна. Это неизвестный солдат! Даже Мария Лаврентьевна плакала, когда мы переносили его останки, когда вкапывали колышки и набивали штакетник. А теперь она устроила мне этот камуфлет, спокойно гладит белье и с видимым удовольствием слушает, как Воронов драит меня.

Я посмотрел на этих людей, расположения которых мне не удалось добиться. Я не нашел дороги к их сердцу оказался здесь чужим и ненужным. Очень жаль. Мне эти люди были чем-то близки, а я вот им - нет. Ну что ж, ничего не поделаешь.

- Дошло наконец до тебя? - спросил Воронов.

- Дошло.

- Намерен ты работать, как положено сознательному, передовому рабочему?

- Намерен, - ответил я. - И все же я разыщу этого солдата.

Мы вернулись в вагончик: я, Юра и Андрей.

Мы всегда утешали друг друга при всякого рода неприятностях. При столкновении с начальством утешение заключалось в том, чтобы не придавать этим столкновениям никакого значения.

- Плюнь! - сказал Андрей. - Близко к сердцу надо принимать только неправильно выведенную зарплату. А на выговора, внушения, выволочки не следует обращать внимания. - Он улегся на койку, взял в руки Ключевского и погрузился в

русскую историю.

Однако Юра утешил меня совсем по-другому:

- Плюнь, конечно. Но если без дураков, то Воронов прав. Работать надо, вкалывать! Человек существует, пока работает, действует.

- Свежие мысли, - заметил Андрей, не отрываясь от книги.

- Свежие мысли высказывают философы, и то не слишком часто, - возразил Юра, - я говорю то, что думаю. У меня в войну погибли дед, и дядя, и еще дядя. Что же мне теперь делать? Бегать по свету, искать их могилы?

- Не мешало бы, - заметил я.

- Юра, не заводись, - сказал Андрей, - Сереже и так уже попало.

- Я ничего особенного не говорю, - усмехнулся Юра, - просто высказываюсь по поводу происшедшего. Я Сереге сочувствую, готов его защищать, но между собой мы можем говорить откровенно. Не надо обижаться на Воронова: правда на его стороне.

На это я ответил:

- Воронова я понимаю до некоторой степени. Он руководитель, администратор, должен держать участок в руках, хотя в данном случае он и неправ. Меня удивляет другое: почему все против меня? Только Виктор Борисович заступился. Что я плохого сделал?

- Могу тебе объяснить, если хочешь, - с готовностью ответил Юра.

- Очень хочу.

- Пожалуйста, только не обижайся. Всем жалко солдата. Однако никто его не ищет, каждый занят своим делом, работой, жизнью. А вот ты ищешь, ездешь, хлопчешь. Выходит, ты добрый, гуманный, человечный. А мы - варвары! Нет, извини, друг, мы не варвары! Мы - работники! Вот мы кто - работники! А тот, кто не умеет работать и не хочет работать, вот на таких штуках и высовывается. Работу показать не можем, так хоть могилками возьмем.

Я впервые в жизни стал заикаться...

- А-а, т-ты, пп-п-подлец!

Юра встал, подошел ко мне:

- Что ты сказал? Повтори!

Я тоже встал.

Мы стояли друг против друга.

Андрей отстранил книгу и с интересом смотрел на нас.

- Повторить? - переспросил я.

- Вот именно, повтори, - угрожающе попросил Юра.

Юра кое-что знал обо мне, но не все. Например, что мой лучший друг Костя - боксер. И кое-чему меня научил.

Теперь Юра узнал это.

Андрей деловито спросил:

- Какой разряд имеем?

Я опустил на койку, руки у меня дрожали. Впервые в жизни я по-настоящему ударил человека.

27

- Слыхали, дом продаете? - спросил покупатель.

Антонина Васильевна улыбнулась, подняла палец к уху, показала, что плохо

слышит.

Соседка, Елизавета Филатовна, громко объяснила:

- Насчет дома спрашивают - как, продаешь?
- Продаю, продаю, - кивнула головой Антонина Васильевна.
- Переселяетесь?
- Уезжаю.

Покупатель оценивающим взглядом осмотрел избу.

- Далеко?
- В самую Россию, город Корюков, слышали?
- Нет, однако, не слышал.

Покупатель обошел дом, заглянул в спальню, потрогал стены:

- Дом-то кому принадлежит?

Антонина Васильевна недоуменно посмотрела на него:

- Кому... Мой он, дом-то.
- Они спрашивают, на кого дом записан, - объяснила соседка, - беспокоятся: купят, а потом наследники или еще кто объявится.

- Нету у меня наследников, - ответила Антонина Васильевна, - я в войну и мужа и сына потеряла. Одинокая я. Вот к сыну еду. Пропал безвестно в войну, а теперь нашлась его могилка. К ней и еду.

- Далеко ехать-то, - заметил покупатель.

- Далеко, - согласилась Антонина Васильевна, - я-то ведь дальше околицы не ездила. И не ехать нельзя. Сколько лет ждала: не мог он безвестно пропасть. Теперь хоть поживу возле его могилки.

- Поживи, Васильевна, да возвращайся, - сочувственно сказала соседка, - как ее начинать, жизнь, на новом месте?

Покупатель кинул на нее недовольный взгляд:

- Это уж, как говорится, хозяйское дело: где жизнь начинать, где ее, как говорится, кончать.

- Сколько мне жить-то осталось, - вздохнула Антонина Васильевна, - вот и поживу возле сыночка своего дорогого.

Соседка растроганно смотрела на нее.

- Поветшала изба-то, - сказал покупатель, оглядывая стены, - не содержалась. Дом-то, он мужской руки требует.

- Это верно, - согласилась Антонина Васильевна, - не было мужчины в доме, чего не было, того не было.

- Ему бы ремонтник, тогда и цену подходящую можно бы назвать, - сказал покупатель.

- На ремонт деньги нужны, - возразила Антонина Васильевна, - а где их взять?

- Вам, как матери героя, колхоз должен помочь, сельсовет, - наставительно проговорил покупатель.

- Ей уж предлагали, - вмешалась соседка, - отказалась.

- Зря отказалась, - заметил покупатель.

- Нет уж, - возразила Антонина Васильевна, - какой есть, такой покупайте. Я за дом деньги беру, не за сына. Сыну моему цены нет.

крыши, можно было стоять на четвереньках. Задний торец был забит косо срезанными дощечками. Все добротное, крепкое, нигде ни щели; сено свежее, недавно убранное, хорошо высушенное, пахнущее осенью и сухим тополиным листом.

Через неприкрытые ворота были видны двор и кусок улицы. По ней проносились легковые машины, останавливались у домов, из чего Бокарев заключил, что на улице разместится штаб. Тогда жителей повыгоняют, а дома и строения прочешут.

Предположения его оправдались.

Появились квартирьеры, и вскоре из дома вышла хозяйка с дочкой - несли узел и корзину.

- Давай, матка, шнель! - торопил их квартирьер.

По улице шли женщины, старики, дети, тащили вещи на себе, везли на тележках, на колясках. Жителей выселяли.

Квартирьеры вошли во двор, осмотрели, открыли сарай, дали автоматную очередь и ушли, оставив ворота открытыми.

- Будто ногу задело, - прошептал Краюшкин.

- Ну и неловок ты, отец, - пробормотал Бокарев.

- Немец ловок, - морщась, ответил Краюшкин.

Бокарев стащил с Краюшкина сапог, осмотрел рану:

- Кость цела.

- Капельное дело, - согласился Краюшкин.

Пакет они израсходовали на Вакулина. От кальсон Краюшкина Бокарев оторвал кусок, перевязал рану, сделал жгут, перетянул повыше колена. Тряпка набухла кровью.

- Лежи, не двигайся, ночью уйдем.

Бокарев подполз к краю сеновала, чуть разгреб сено, взгляделся в улицу.

Легковые машины останавливались у домов; денщики таскали чемоданы, готовили жильё для офицеров, связисты тянули шнур - в школе разместился штаб.

Во двор въехал «оппель-капитан»; в дом прошел офицер; следом за ним шофер потащил чемоданы.

Потом шофер вернулся, поставил машину ближе к сараю, передом на выезд, и опять ушел в дом.

- Машину угнать... - прошептал Бокарев.

- Можно бы, - согласился Краюшкин.

- Ночью посмотрим, - сказал Бокарев.

- Стукнешь дверцей - они и услышат: днем посмотри, как обедать уйдут.

Бокарев не любил советов, но совет был правильный.

День тянулся томительно долго, но Бокарев не уходил со своего поста, высматривал улицу зорким глазом. Офицер ушел в штаб. Шофер, пожилой, сухопарый немец с мрачным лицом, то выходил во двор, то возвращался в дом; вынес матрац, перину, повесил их на веревки - приводил в порядок жильё. Аккуратно устраиваются.

Наконец денщик вышел из дома с судками, отправился в кухню за обедом.

Бокарев спустился с сеновала, заглянул в машину - в щитке торчал ключ зажигания.

Потом он подошел к забору, нашел щель между досками, но через нее ничего

не было видно; он пошевелил доску - она не тронулась с места.

Он подошел к калитке, постоял, прислушался, тихонько открыл ее, стал сбоку, посмотрел на улицу. В конце ее уже был шлагбаум, возле него стоял часовой.

Он зашел с другой стороны калитки - на другом конце улицы тоже шлагбаум. У школы и у домов стояли легковые машины.

Бокарев прикрыл калитку, вернулся на сеновал.

- Не получится с машиной: шлагбаумы по обе стороны. - Он кивнул на ногу Краюшкина. - Дойдешь? Нам только до леса добраться.

- Не знаю, однако, - неуверенно ответил Краюшкин. - Может, тебе лучше одному уйти?

- В плен захотелось?!

- Зря говоришь, - возразил Краюшкин. - С этой ногой я буду тебе в тягость. Пережду. Долго ли они здесь будут?

- Не могу я тебя оставить, отвечаю за тебя! И так всех людей растерял.

- Ты молодой, здоровый, - сказал Краюшкин, - тебе есть надо, а у нас полбуханки, надолго ли хватит?

Бокарев швырнул ему хлеб:

- На, жри!

- Непонятливый ты, я не о себе, я о тебе.

- За меня не думай, - оборвал его Бокарев. - Я за тебя обязан думать. Вместе уйдем.

- Вместе так вместе, - согласился Краюшкин, но, как понял Бокарев, для формы согласился.

Краюшкин кивнул на улицу.

- Лошадей не видать?

- Зачем тебе лошади?

- За сеном сюда полезут.

- Нет там лошадей. Танковая часть.

- Тогда порядок, - удовлетворенно сказал Краюшкин.

Вернулся шофер с судками, потом явился и офицер; пробыл дома с час, пообедал и снова ушел в штаб.

Шофер вышел во двор с помойным ведром, открыл крышку мусорного ящика, опорожнил ведро, потом с двумя чистыми ведрами отправился на улицу к колонке. Аккуратный, видно, немец, хозяйственный. Отнес чистую воду в дом, опять вернулся, ополоснул помойное ведро и тоже отнес его в дом.

А день тянулся и тянулся, не было, казалось, ему конца.

Они съели по кусочку хлеба.

- Ночью воду достанем, - сказал Бокарев.

- Ночью лежать надо и не двигаться, - возразил Краюшкин.

- Не учи! - коротко ответил Бокарев.

Ночь выдалась светлая. Полная луна освещала спящие дома, машины у домов, часовых, расхаживающих у штаба и у шлагбаумов.

Бокарев перелез через забор на соседнюю улицу. Она не была огорожена шлагбаумами, но у домов тоже стояли машины, легковые и грузовые, немцы и здесь разместились.

Прижавшись к забору, Бокарев внимательно осмотрел улицу. По его расчетам, именно на ней они оставили Вакулина.

В глубине ее мелькнула фигура часового, в другом конце тоже. Улица

охранялась, но шлагбаума не было; упирается, наверно, в пустыри, не проедешь, не проскочишь - окраина. Если переползти вон до того проулка, то можно уйти в поле, а там и в лес. И Вакулин на этой улице, только в каком конце? Пришли они с запада, значит, там, но вроде не похоже. Ладно, днем разберемся.

Он ухватился за верх забора, подтянулся, заглянул в соседний двор, увидел бочку с водой между яблонь, перелез через забор, подполз к бочке, отвел ладонью листья, наклонился, напился. Вода была хорошая, хоть и чуть застоявшаяся, припахивала бочкой и прелым листом. На заднем крыльце стояли грязные солдатские сапоги, лежала сумка. Бокарев открыл ее, увидел сверток с красным крестом - индивидуальный пакет.

На садовом, сколоченном из досок столе валялись пустые консервные банки. Бокарев понюхал одну - она пахла колбасой. Вернулся к бочке, зачерпнул воды, отпил - ничего, сойдет.

Он услышал шорох в доме и присел у бочки.

Из дома вышел солдат в нательном темноватом белье, помочился с крыльца и вернулся в дом.

Опять все стихло.

С пакетом в кармане и банкой воды в руке Бокарев подошел к забору, провел ладонью по его верху - верх был узкий, а опорные столбы заострены. Он нашел место между столбом и досками, втиснул туда банку и, не спуская с нее глаз, подтянулся кверху, позабыв о часовом, думая только о том, чтобы удержалась банка.

Все сошло благополучно. Он лег животом на забор, достал банку, осторожно притянул к себе, спустился на землю, прокрался к своему забору, перебрался через него и вернулся на сеновал.

- На, пей!

Краюшкин жадно припал к банке.

Перевязывая ногу Краюшкину, Бокарев удовлетворенно сказал.

- Затянет в два дня.

- Рисковый ты парень, - заметил Краюшкин, - хватятся, пакет будут искать.

- Не беспокойся, - уверенно ответил Бокарев. - Думаешь, немец дурак? Сам доложит, что потерял пакет? Сопрет где-нибудь. А будут искать - есть чем отстреливаться. - Он кивнул на автоматы. - А дойдет до крайности - выйдем на улицу и закидаем их гранатами.

Краюшкин молчал.

- Чего молчишь? - спросил Бокарев.

- Зачем говорить - услышат.

- Боишься?

- Чего бояться, - ответил Краюшкин. - Верти не верти, а придется померти.

- Все прибаутничаешь, - сказал Бокарев, - а нужно задачу решать: как уйти отсюда.

29

На работу я еще ездил, но в вагончике больше не жил. Ночевал у бабушки.

Я не боялся Юры. Думаю, наоборот: он меня боялся. Но я не могу жить в одном вагончике с человеком, с которым не разговариваю.

Это вообще тягостно - жить с человеком, с которым не разговариваешь. Есть

семьи, где люди по году не разговаривают. Живут вместе, едят за одним столом, вместе смотрят телевизор, а вот - представьте себе - не разговаривают. Объясняются через третьих лиц или посредством записок.

У нас дома этого никогда не было. Пospорили, поконфликтывали, даже поссорились, но не разговаривать? Глупо. Тогда надо разъезжаться.

Я так и сделал. Кое-какое мое барахлишко еще было в вагончике, а я опять каждый день ездил в город и из города - жил у дедушки. Тем более, что после устроенной Вороновым публичной выволочки, после того как я обнаружил общую к себе враждебность, мне стало что-то неуютно на участке.

Придется, видно, сматывать удочки.

О том, что Юра схлопотал от меня, никто не знал. Я никому не рассказывал, Юра - тем более. Андрей тоже помалкивал: о таких вещах здесь трепать не бывает, ребята выдержанные. Даже Маврин ничего не знал.

Одна только Люда о чем-то догадывалась, вопросительно смотрела на меня, ждала, что я ей расскажу. Но я делал вид, что не замечаю ее взглядов. Если так интересуется, пусть узнает у своего Юрочки.

В конце концов она не выдержала и спросила сама.

Она приехала к нам в мастерскую оформлять наряды. Все ремонтники были на трассе, даже сварщик со своим аппаратом уехал. Только я один колбасился вокруг переднего моста к самосвалу.

Люда уселась на табурет, прикрыв его, по моему совету, газетой, некоторое время смотрела, как я работаю, потом спросила:

- Сережа, из-за чего вы подрались с Юрой?

Берет на пушку, на понт берет. Делает вид, что знает, а на самом деле ничего не знает, только догадывается. И если я поймаюсь, то окажусь источником информации, то есть сплетником.

- Когда это было? - спросил я.

- Сережа, не притворяйся, я знаю.

- А знаешь, зачем спрашиваешь?

- Хочу услышать об этом от тебя.

- А от кого еще слыхала?

- Слыхала, - объявила она таким тоном, будто действительно слыхала, но не может сказать, от кого.

Люда, в общем, ничего девка. Артельная, «нашего табора», как здесь говорят, добрая, широкая: когда у нее что есть, ничего не жалеет, всем поделится. Только редко у нее что бывает... Но она поверхностна, легкомысленна и лжива. Лжива не для какой-то выгоды, а просто так, по натуре, безо всякой цели, не себе на пользу, а себе во вред. Такая эксцентричная, экзальтированная особа, фантазерка.

И сейчас она, по своему обыкновению, нахально врала, будто кто-то что ей говорил. Никто ей ничего не говорил.

- Ничего ты не слыхала и не могла слыхать. Никакой драки не было и быть не могло.

- А почему вы не разговариваете?

- Опять: из чего ты заключила?

- Вижу. И ты перестал с нами обедать.

- Живу в городе и обедаю в городе.

Когда-то я был лопухом. Меня разыгрывали, и я попадал в глупое положение. Но сейчас нет, извините, я научился взвешивать свои слова. Ничего она у меня не

выпытает, пусть не старается.

Она сидела в нашем тесном сарайчике, среди разобранных машин и агрегатов, среди железок и тряпок, на грязном табурете, который, если бы не я, даже не покрыла бы газетой, и ее мини-юбка, и мини-плащ, и модные туфли казались здесь жалкими. Я заметил на ее шикарном плаще пятна, каблуки были стоптаны, петли у чулок спущены. Все это, повторяю, выглядело жалким. И сама она выглядела жалкой, несчастная девчонка без семьи, без дома, перекаати-поле.

- Чего домой не едешь? - спросил я, продолжая возиться с мостом.

Она не ожидала такого вопроса - он застал ее врасплох. И молчала.

- У тебя кто родители?

Она хмуро и нехотя ответила:

- Мой отец полковник милиции.

Штука! А я-то думал, что у нее отец слесарь, а мать медсестра. А ее отец - полковник. Да еще милиции. Наверно, от него и забились к нам на участок, чтобы он не мог разыскать ее. Впрочем, возможно, и не прячется.

- Братья-сестры есть?

- Нет.

Единственная дочь. И сбежала.

- В чем вы не поладили?

Все так же нехотя она ответила:

- Про это долго рассказывать.

- И не хочется домой?

- Хочется... Иногда.

- Почему не едешь?

Она молчала.

- Юрку боишься?

Она презрительно передернула плечиками:

- Юрка! Захочу, поедет за мной на край света.

- Отца боишься? Он у тебя злой?

- Нет, ничего.

- Стыдно возвращаться?

- Угу. - Она посмотрела наконец мне в глаза затравленным и несчастным взглядом.

- Ну и глупо!

Люда ушла.

Советуя ей уехать домой, я действовал против интересов Юры. И если Юра узнает, то решит, что я делал это нарочно, ему в отместку. Андрей и Маврин расценят как нетоварищеский поступок. Но мне наплевать, что подумает Юра, что скажут ребята. Мне ужасно жаль Люду: такая она неприкаянная и при всей своей вызывающей внешности беззащитная.

Вернулся с трассы механик Сидоров, помог мне закончить мост. Он переходил от одного дела к другому без перекура - свидетельство наивысшей работоспособности. Другие подгадывали окончание дела к концу смены, в крайнем случае к обеденному перерыву, а потом уже брались за новое. «Но уж это завтра» или: «Это после обеда»... Если задание было очень срочным, сначала перекуривали - «перекурим это дело» - и тогда только приступали. Сидоров никогда ничего не откладывал ни на завтра, ни на после обеда, ни на после перекура. Начинал новую

работу так, будто продолжал старую.

Собственно говоря, историю с неизвестным солдатом затеял именно Сидоров. Он остановил Андрея, не дал срезать холмик, потребовал у Воронова разыскать хозяина могилы, но удовлетворился тем, что могилу перенесли. Для него этот солдат существовал как безымянный. Могила была символом, памятью, данью признательности, долгом, который живые отдают безвременно погибшим. И он считал это достаточным. Он не упрекал меня за то, что я ездил к Краюшкиным, не отговаривал, когда я намекнул, что придется слетать в Бокари, - он не отговаривал меня, но и не уговаривал. Могила перенесена, сохранена - остальному он не придавал значения. Он не придавал особенного значения и тому, что я вообще уйду с участка: уйду я - придет другой. Он мне помогал, показывал, учил - будет учить другого.

Может быть, в этом и была своя мудрость. Что изменилось в жизни Краюшкиных, оттого что нашлась могила их отца и деда? Что изменилось в них самих? Ровным счетом ничего. Прибавилось душевное неудобство за то, что они сами не разыскали могилы. А потом оно прошло - утешили себя тем, что такой розыск им не под силу, и он действительно им не под силу. И если мы напишем здесь: «Краюшкин П.И.», то сын, может быть, приедет один раз и больше ездить не будет. Могила останется сама по себе, будут за ней присматривать пионеры и школьники: для них фамилия «Краюшкин» ничего не говорит. Если бы было написано: «Неизвестный солдат», то это было бы романтичнее. Давало бы пищу воображению и фантазии, утешило бы других матерей - возможно, здесь их сын.

Для чего же и для кого я ишу? Для кого и для чего стараюсь? Зачем влез в дело, которое ничего, кроме неприятностей, мне не доставляет? Сколько раз я уже зарекался не ввязываться ни в какие истории, не «высовываться». Нет! Я опять «высовываюсь». Зачем? Что мною руководит, кроме простого детективного интереса? Ведь я уже не мальчик.

Конечно, не мальчик. И все доказательства, которые сейчас привожу, правильны и логичны. И все же я не брошу этого дела, доведу его до конца.

Почему?

Может быть, меня раздражает бурная деятельность молодого Агапова? Он на всех углах твердит, что неизвестный солдат - это старшина Бокарев, собирает материалы о его жизни и подвиге - словом, шумит, шумит, шумит... А ведь неизвестный солдат вовсе не Бокарев. Девяносто из ста за то, что это Краюшкин. Хочется осадить очкарика, поставить его на свое место!

Но не это главное. Слишком много сил и времени потрачено, слишком много усилий сделано, осталась самая малость, все уже почти ясно - жаль бросать. И стыдно перед дедушкой. Он говорил об этом только тогда, когда я сам заговаривал. Однако я чувствовал его интерес не только к солдату, но и к самому тому факту, что я этим занимаюсь. Он это одобрял и был бы разочарован, если бы я бросил. Хотя и с огорчением, он примирился с тем, что я уйду с участка. Но если я брошу дело неизвестного солдата, он мне не простит.

- С начальством поругался - дело обычное, с товарищем подрался - тоже исправимо, - сказал дедушка, - но если сердце не лежит - значит, не судьба.

- Я там больше работать не могу, - твердо объявил я.

- Не можешь - значит, не можешь. Найдешь другое место. А что касается солдата, то игрушечная картонка - серьезное доказательство в пользу Краюшкина. И

кисет как будто говорит за него. А свидетели склоняются больше к старшине. Так что окончательных данных нет. Но есть еще одно... - Дедушка посмотрел на меня, потом значительно произнес: - У Бокарева мать живая.

Смысл этой фразы дошел до меня гораздо позже. А тогда я сказал:

- Краюшкин! Не вызывает сомнений. Но чтобы убедиться окончательно, надо ехать в Бокари.

- Конец не малый, - заметил дедушка.

- Поездом до Москвы, самолетом до Красноярска, а там, наверно, тоже самолетом до Бокарей.

- И обратно, - напомнил дедушка.

- Я там не собираюсь оставаться.

- И во что это должно обойтись?

Я назвал цифру. Что-то около двухсот рублей.

- Где ты собираешься их взять?

- Пятьдесят рублей получу в расчет, остальные достану в Москве.

- В банке?

- У меня есть одна вещичка...

- Остальные деньги я тебе дам, - сказал дедушка.

30

Воронов был один, когда я явился к нему в вагончик. Молча прочитал мое заявление.

- Обиделся?

- Возможно.

Он завел свою обычную волынку:

- Сегодня ты обиделся, завтра - другой, послезавтра - третий. А с кем я буду работать? С кем дорогу строить?

- А вы никого не обижайте.

- А когда меня обижают?! Мне что, тоже увольняться? Ты парень грамотный, ты посчитай. Вас сто человек, а я один. Сколько раз я могу обидеть каждого? Один раз в сто дней. А вы меня? Ежедневно.

У этого человека поразительная логика, оспаривать ее мне не под силу: у меня совсем другой склад мышления, мы с ним разговариваем на разных языках.

- Дело не в обиде, - сказал я, - меня не устраивает моя работа.

- Сдашь экзамены - перейдешь на машину.

- Нет условий. Мне нужны две свободные недели.

- Прекрасно, - сказал вдруг Воронов, - возьми отпуск за свой счет.

При всех своих недостатках он хороший работник. Обижен на меня, злится, терпеть не может. Но нужны рабочие руки, и интересы производства он ставит выше личных антипатий.

Я молчал.

- Я иду на все уступки, а ты не хочешь, - сказал Воронов. - Не хочешь?

- Не хочу.

- Ах, не хочешь? Тогда я тебе скажу, почему ты увольняешься.

Интересно, что он еще такое придумал?

- В Сибирь едешь, в Бокари?!

Знает он об этом или догадался?

- Почему вы так думаете? - спросил я.

- Знаю. Мне положено все знать.

Я перебирал в уме всех, кто мог ему это сказать. Механик Сидоров - вот кто. Он единственный, кому я дал понять, куда еду. Впрочем, наша трасса похожа на африканскую саванну, известия здесь моментально передаются по какому-то беспроводному телеграфу. Только в первые дни мне казалось, что здесь никто ничего друг про друга не знает. На самом же деле здесь знают все: и то, что надо, и чего не надо.

- Хотя бы и в Бокари, - ответил я.

- Внесли ясность, - сказал Воронов удовлетворенно. - Но ведь установлено: неизвестный солдат - старшина Бокарев. Признаю: установлено при твоём участии, я бы даже сказал - решающем участии.

- Я хочу это проверить.

- Неправда. Вопреки всем, вопреки самому себе, ты теперь хочешь доказать, что это другой. Как его, этот пожилой...

- Краюшкин, - подсказал я.

- Вот именно, Краюшкин.

В общем, он в курсе дела. Неудивительно. Ребята в вагончике, и механик Сидоров, и Виктор Борисович, и Люда - все в курсе дела. Почему бы и ему не быть в курсе дела?

- Рассуждаем дальше, - продолжал Воронов, - согласимся, что это Краюшкин. Признаем, что ты тогда положил нас на лопатки и теперь опять кладешь. Зачем же тебе ехать в Бокари?

- Я вам сказал: окончательно проверить, окончательно во всем убедиться.

- Кодекс законов о труде тебе известен?

- В общих чертах.

- А конкретно?

- Конкретно нет.

- Так вот. Администрация должна предупредить работника об увольнении за две недели или выплатить ему выходное пособие. Работник должен подать заявление об увольнении также за две недели. Рабочее место не может пустовать.

- Отпустите меня, - попросил я.

Мой жалобный голос поколебал его. Но он быстро с этим справился:

- Отпустить тебя я не могу, закон не позволяет. Но если ты хочешь получить семь, ну десять дней отпуска за свой счет для подготовки к экзаменам, изволь, я тебе их дам.

По-видимому, он ищет лазейку. Хочет, чтобы все было по закону. А через десять дней он меня уволит.

Я забрал свое заявление и написал новое.

Когда я выходил от Воронова, к конторе подошел Виктор Борисович.

- Едешь? - спросил он.

- Еду.

Он вынул из кармана сто рублей:

- Возьми.

Я обалдел:

- Вы что, Виктор Борисович?! Во-первых, у меня есть деньги, во-вторых...

Он сунул мне деньги в карман:

- Будут - отдашь.

И, не дожидаясь ответа, поднялся в контору.

Я пошел в вагончик и забрал свои вещички. Вагончик был пуст, койки заправлены; под ними виднелись сундучки и чемоданы; в углу висели телогрейки и дождевики. На столе в граненом стаканчике поник букетик полевых цветов. Честно говоря, мне стало немного жаль расставаться с этим непритязательным, походным, мужским уютом.

В вагончик вбежал Андрей:

- А, ты еще здесь? Думал, не застаю...

Он снял со стены свой шикарный дождевик в целлофане:

- Вот, возьми; там, знаешь, дожди.

Я не был уверен, что мне понадобится плащ, но жест Андрея тронул меня. Я не мог ему отказать и взял его шикарный плащ.

Потом Андрей достал томик Вальтера Скотта:

- Почитаешь в дороге, рекомендую.

Я отговорился тем, что прочитал всего Вальтера Скотта.

Я шел по дороге со своим узелком.

Женщины укладывали бордюрные камни. При моем появлении они перестали работать и, опершись кто на лом, кто на лопату, уставились на меня, как родные тети на племянника-сиротку. И Мария Лаврентьевна тоже смотрела на меня, как родная тетя на племянника-сиротку.

Потом она сказала:

- Счастливо тебе доехать, Сережа!

И выражение ее грубого, обветренного лица было точно такое, какое было, когда мы хоронили неизвестного солдата.

- Спасибо, тетя Маша!

Я повернулся и быстро пошел дальше.

Проходя мимо катка, я увидел Маврина. На этот раз у него был здоровенный синяк под глазом.

- Алло, Серега! - Маврин сошел с катка. - Слухай, - сказал он, - в Сибирь едешь?

«Слухай» он говорил, когда изображал из себя моряка-черноморца.

- Еду.

Он порылся в карманах комбинезона, вытащил пачку денег, одни двадцатипятирублевки:

- Вот, ребята собрали.

- Да у меня есть! - закричал я.

- Брезгуешь нами? - спросил Маврин таким тоном и с таким выражением на лице, какие были у него, наверно, когда он затевал в окрестных деревнях свои драки.

- Ну, спасибо! - Я взял деньги.

- Только смотри не пропей! - крикнул мне вдогонку Маврин.

Навстречу мне ехал самосвал. За рулем сидел Юра. Увидев меня, он притормозил. Но я прошел мимо - с Юрой я не разговаривал.

- Сережа!

Я не оглянулся.

Потом я услышал за спиной прерывистое, то спадающее, то нарастающее,

гудение мотора, которое он издает, когда машина разворачивается на узкой дороге.

Гудение мотора приближалось. Наконец Юра поравнялся со мной.

- Садись, подвезу.

- Дойдем, - ответил я, не сбавляя шага.

- Будь человеком! - сказал Юра. Он медленно ехал рядом со мной.

Я ему ничего не ответил.

- Ты хочешь, чтобы я извинился? Пожалуйста, я извиняюсь.

Черт с ним! Что бы там ни было, мы жили с ним в одном вагончике, и он давал мне руль.

Я сел в кабину.

31

До Красноярска я долетел на «ИЛ-18», от Красноярска до Бокарей - на «ИЛ-14».

Порядки на «ИЛ-14» приблизительно как на междугороднем автобусе, даже, наверно, можно остановиться по требованию. Задраили люки, убрали лестницу, вырулили на дорожку, потом лестницу подвезли снова, открыли дверь: какой-то пассажир с женой и ребенком бежал к самолету. Здесь это обычное явление.

На «ИЛ-18» народ был солидный: командированные из Москвы работники министерств, международные делегации; нас кормили обедом, раздавали конфеты «Взлетные» и «Театральные». На «ИЛ-14» ничего не давали, обедом не кормили, места были не нумерованы, и казалось, что половина пассажиров едет без билетов - «зайцами».

Летели бородатые геологи-изыскатели в джинсах и спортивных куртках, с рюкзаками, в кедах, женщины в брюках, загорелые отпускники с юга, колхозники. Два механика втащили даже ящик с мотором, хотя проводница их не пускала. Рядом со мной здоровенный парень в ковбойке держал на коленях большой горшок с цветком - подарок юга, как я заключил по его загорелому лицу.

В веселости, приподнятости этих людей, которых я определил для себя как людей нового Севера, я ощутил ту музу дальних странствий, тот дым костров, о котором мечтал и которого так и не нашел на своем дорожном участке. Жизнь этих людей - в полетах и перелетах, они пересекают страну из конца в конец на самолетах, машинах, поездах, а то и пешком, с рюкзаками за спиной. Эта жизнь, отрешенная от того, что мы называем рутинной, повседневностью, казалась мне прекрасной, совсем непохожей на жизнь москвичей, хотя те тоже регулярно ездят на курорты или в служебные командировки. Те просто передвигаются в пространстве, а эти покоряют пространство.

Самолет летел совсем низко. Через окно все было отчетливо видно. Енисей, речной порт с портовыми кранами, баржами и маленькими речными трамваями, потом новые многоэтажные здания Красноярска - все это знакомое; я видел на каких-то картинках, в кинохронике. Но то, что началось потом, я еще никогда не видел и, наверно, никогда не увижу. Мы летели над Ангарой.

Не над той Ангарой, которая тоже была известна мне по кинохронике, а над коренной Ангарой в ее нижнем течении, где она называется Верхней Тунгуской. Бесконечная тайга - горы, покрытые бескрайним лесом и прорезанные голубой лентой могучей реки.

Мотор ревел подо мной. Сердце щемило от чувства простора, бескрайности,

первозданности, великолепного однообразия, от которого нельзя было оторвать глаз.

Осторожно наклонив цветок и перегнувшись через кресло, мой сосед тоже заглянул в окно:

- Зрелище! - И не без гордости добавил: - Тайга!

Против этой констатации я ничего не мог возразить. И у меня не было охоты разговаривать. Я предпочитал смотреть в окно. Но мой сосед сидел не у окна, и у него была охота разговаривать.

- Вы в гости к родным? - спросил он, дав понять, что сразу обнаружил во мне не сибиряка и, уж во всяком случае, не ангарца.

- По делу, в Бокари, - ответил я. И из вежливости спросил: - А вы?

- А я сам из Бокарей, - ответил сосед.

- Вы не знаете таких Бокаревых?

- Я сам Бокарев.

- Да? - Я с интересом посмотрел на него.

Он объяснил:

- У нас почти все Бокаревы, оттого и село Бокари. А может быть, и наоборот: оттого Бокаревы, что село Бокари. Какие Бокаревы вам нужны?

- Бокарева Антонина Васильевна.

- Антонина... - Он задумался. - Тоня... У нас Тонечек полно. Кто она, где работает?

- Ей семьдесят лет, - ответил я.

- А... - протянул сосед. - Знаю, о ком идет речь, догадываюсь. Только вряд ли вы ее застанете. Собиралась уехать из Бокарей. Сын ее нашелся.

- Нашелся?!

Если он нашелся, то мне и ехать нечего. Впрочем...

- А какой сын нашелся? - спросил я.

- Пропал в войну без вести и вот через двадцать семь лет нашелся. Она и уезжает к нему. А может быть, уже и уехала.

- А... - протянул я и отвернулся к окну.

Конечно, у нее могли быть и другие сыновья, пропавшие без вести. И все же предчувствие чего-то тревожного овладело мной.

32

В доме Бокаревой были открыты сундуки, оголены стены. Антонина Васильевна укладывала вещи.

Она плохо слышала. Когда я спросил ее, она ли Бокарева, - она показала на ухо, и, хотя я громко повторил свой вопрос, она меня опять не расслышала или услышала что-то другое. И не знаю, за кого она меня приняла. Вероятно, за одного из этих парней-изыскателей. Они, по-видимому, часто заходят к местным жителям, живут у них, останавливаются на ночлег. Во всяком случае, она не спросила меня, кто я такой, откуда. Показала на вещи и сказала:

- Вот дом продала. На новом месте без денег дома не купишь. Хотя самого плохенького, а не купишь.

- Куда же вы едете? - спросил я, проникаясь все большей тревогой.

- Далеко, милый, в самую Россию. Город Корюков, не слышали?

Я ошеломленно смотрел на нее.

- К сыну на могилку еду, - продолжала старуха, - нашлись добрые люди, схоронили его, Митю моего, спасибо им, и матерям и отцам их спасибо, вырастили детей благородных... - Она низко, до самой земли, поклонилась неведомым людям, разыскавшим могилу ее сына. - Надо бы, конечно, все там устроить, - продолжала Антонина Васильевна, - да ведь некому устраивать-то, одна я, никого нет у меня. Да и когда устраиваться-то? Стара я, не знаю, доеду ли... А может, и доеду. Хоть одним глазком взгляну на его могилку. А умру - похоронят неподалеку. Сколько мне жить-то осталось?

Я был не в силах смотреть на нее, отвернулся и тупо уставился на стены. Они были пусты, голы. Только возле божницы висела знакомая мне фотография пяти солдат, хорошо сохранившаяся за стеклом.

Значит, у старшины Бокарева этой фотографии не было. Конечно, у него могли быть две таких фотографии. Но вряд ли: зачем бы он таскал с собой групповую фотографию? Ведь это не фотография любимой женщины, или матери, или ребенка. Была фотография, он ее и отослал домой.

Она перехватила мой взгляд, подошла к фотографии, показала на Бокарева:

- Вот Митя мой, а это его товарищи.

- А когда он вам ее прислал, эту фотографию?

- Не он, милый, прислал. Невеста его прислала, Клавдия.

- Как? Клавдия?

- Клавдия, милый, Клавдия... Хорошая женщина, самостоятельная... Да вот не пришлось им.

Клавдия... Значит, на кисете могла быть первая буква ее имени. Дело опять запутывалось.

- Будь Митя жив, ладно бы жили, - продолжала Антонина Васильевна. - Митя мой тоже мужчина самостоятельный, охотник, не пил, не курил.

- Не курил? - переспросил я.

- Не курил, милый. У нас в доме табашников не было. И муж мой покойный не курил, и вся родовая наша - никто, одним словом.

Она охотно отвечала. Ей хотелось поговорить: одинокая старуха, она была рада, что нашла внимательного слушателя. Мои вопросы ее не настораживали, и я их ей задавал. Но сердце у меня разрывалось от сочувствия и жалости к этой женщине, от того разочарования, которое постигнет ее, от всего того, что я должен ей сказать. Но я не мог ей сказать, я искал доводы в пользу Бокаревой. Искал доказательства того, что именно он - неизвестный солдат.

- Раньше не курил, а в войну мог и закурить.

- Нет, - решительно ответила она, - не закурил он на службе: он ведь сверх срока служил, оттого и на войну сразу попал. И ребята наши, что с ним служили, которые вернулись, тоже говорили: какой табак получал - товарищам отдавал, которые курящие.

Кисет не его, кисет Краюшкина. Отпадал единственный довод в пользу Бокарева.

- Вы не помните, когда Клавдия прислала вам фотографию?

Она задумалась.

- Может, в войну прислала, а может, и после войны: нет, однако, в войну еще. Прислала мне письмо, спрашивала: где, мол, Митя, что с ним, пишет ли? А я к тому времени уже извещение получила. Я ей ответ дала: пропал, мол, без вести наш

Митя. Мне-то сообщили - мать, а ей кто же сообщит? Не записаны они были. После этого и прислала она мне карточку. У меня и адрес ее есть. Деревня Федоровка, Корюковского района. Не сам, значит, Корюков, а в районе. Иванцова Клавдия Григорьевна.

- Вы с ней переписываетесь?

- Нет, милый, не пишу я ей, и она мне не пишет. Женщина была молодая, красивая, в годах, надо и ей устраивать свою жизнь; может, замуж вышла, дети пошли. Не сидеть же ей в бобылках.

Мы помолчали. Что я мог ей сказать? Ничего не мог сказать. Я не мог сказать ей правду. Не мог, не мог, не мог. Пусть говорят те, кто ввел ее в заблуждение.

- А кто вам сообщил насчет сына? - спросил я.

- Сообщил кто? Из газеты, человек такой - Агапов сообщил, в сельсовет, а уж председатель - мне.

- И когда вы собираетесь ехать в Корюков?

- Вот деньги получу за дом. Хоть небольшие деньги: у нас тут дома дешевы; в России, говорят, дорогие. Корову продала, телку. Насобираю чего-нибудь. Только задача: где остановиться, где жить, пока квартиру не раздобуду. Думала Клавдии написать, у нее пока остановиться, один район-то, а потом раздумала: у ней, может, муж, семья, зачем ей старое ворошить? Может, муж и не знает ничего про Митю. Дело женское, деликатное, зачем же я буду ей жизнь-то портить. Теперь уж Митя мой никому не нужен. Только одной матери и нужен.

33

С утра они слышали движение машин по улице, грохот танков, шли войска, но какие именно - не видели: шофер не уходил со двора, чего-то мастерил на скамейке. А когда уходил в дом или с судками за обедом, они все равно ничего, кроме двора, видеть не могли.

Бокарев подполз к торцу сеновала, забитому вертикально стоящими, косо срезанными дощечками, осторожно попытался оторвать одну - она закрипела на гвоздях. Он перестал тянуть, прислушался - немец легко постукивал, будто молотком по бородку. Бокарев опять потянул дощечку - она снова закрипела. Он опять перестал тянуть, прислушался. Удары во дворе прекратились. Потом блеснула и расширилась полоска света, ворота открылись - в них стоял немец.

Бокарев притаился, сжимая в кармане гранату.

Немец развел обе половины ворот и так держал их некоторое время, чтобы не захлопнулись, стоял, всматривался в глубь сарая. Потом нагнулся, поднял чурбачок, осмотрел его, придерживая одной рукой медленно наезжавшую створку, другая уже закрылась.

Удовлетворенный осмотром, немец вернулся на скамейку. Створка, которую он придерживал, осталась в том же положении, не захлопнулась и не открылась шире, в сарай теперь падал косой луч света.

Немец поставил чурбачок на скамейку, на чурбачок положил лист жести и стал рубить его зубилом, размеренно и точно ударяя по нему молотком. И Бокарев подивился аккуратности немца: подложил чурбак, чтобы зубилом не испортить скамейку. Хотя, если прикажут, сожжет дом со всеми сараями и скамейками, а если надо, то и с теми, кто в доме.

Прислушиваясь к ударам молотка по зубилу, к металлическому дребезжанию

жести, Бокарев сильно дернул дощечку - верхний конец ее вместе с гвоздем оторвался от стропила.

Он снова притаился, но немец не оглянулся.

Нижний гвоздь Бокарев не стал выдирать: дощечка вращалась на нем, как на оси; можно было поворачивать ее, смотреть через щель, потом обратным поворотом ставить дощечку на место и закрывать щель.

Теперь Бокарев видел слева главную штабную улицу, огороженную шлагбаумами, справа - боковую улицу, на которую он выходил ночью и где, по его расчетам, должен быть дом, в котором они оставили Вакулина. Видел он и переулок, соединяющий эти улицы, видел поля и темнеющий вдали лес.

Штаб помещался в школе. По машинам - «оппель-адмиралу», «хорьху», большим «мерседесам», - по охране Бокарев определил, что штаб крупный, машины генеральские, штабные учреждения были в домах: туда тянулись кабели телефонной связи, входили и выходили офицеры с папками, портфелями, бумагами. Наверно, штаб танковой бригады, а то и корпуса.

Днем через город прошла колонна моторизованной пехоты, прошло звено танков, проезжали отдельные транспортные машины, но не по центральной штабной улице, а по боковой. Доезжали до шлагбаума, сворачивали в переулок и уже за вторым шлагбаумом возвращались на шоссе. Через шлагбаум пропускали только легковые машины.

По штабной улице не выберешься. Выбираться надо по боковой; она и ночью показалась ему подходящей окраина, за ней поля, овраги, лес. И переулок прямо против их сарая. Перелез через забор, переполз улицу - и там.

Чем больше всматривался Бокарев в улицу, тем сильнее укреплялось в нем решение уходить сегодня же ночью - второй день без хлеба; завтра Краюшкин совсем ослабеет; он сам испытывал тошнотные приступы голода: его молодой, сильный организм требовал пищи. Все больше прибывает войск: немцы, видно, ведут широкое наступление в юго-восточном направлении, прорвали нашу оборону. Только бы дойти до леса, оттуда можно пробраться к Клавдии, спрятаться у тамошних, а потом добраться до своих; придется ему отчитаться за людей, за убитых, за машины. Ладно, все это потом. Главное выскочить в лес, а там будет видно.

Прижимая кнопку, чтобы не слишком щелкнула, Бокарев открыл планшет. Карта лежала в планшете так, как он ее свернул еще в МТС, - тем квадратом, где был город Корюков. В западном направлении - Федоровка, на север, чуть повыше, - МТС. После боя уходили они еще севернее и, видно, зашли в город с северо-востока, потому что он никак не мог сориентироваться, где дом Михеева; считал, что с запада, а он, значит, в другом конце улицы.

Да, не по дороге.

Но уйти без Вакулина он не мог. Может, убили его немцы или умер у хозяина рана серьезная. Может быть, в плен забрали, он должен все знать о нем, не имеет права так бросить и уйти.

Только как поступить с Краюшкиным: вдвоем им идти до Михеева, а потом дальше или одному сходить к Михееву, потом вернуться, взять Краюшкина и уйти переулком.

Он остановился на втором решении. Не пройдет раненый всю улицу. А тут юркнул в переулок, пока охрана не видит, и ползком, а там потихоньку и дойдут до Федоровки.

Но Краюшкину он не сказал, что принял именно такое решение. Объявил само решение - уходить, а как уходить, скажет потом.

- Сегодня ночью будем уходить. Как нога?

- Нога, она и есть нога.

- Добежишь до леса?

- Добежать не добегу.

- А дойти?

- Может, и дойду.

- К вечеру приготовься, возьмем по автомату и все гранаты.

Краюшкин промолчал. Бокарев про себя отметил враждебность этого молчания - не хочет уходить, боится; может, ждет, что Бокарев один уйдет, а сам сдастся в плен. Тем более, тут штаб, с ходу не расстреляют. Немцы кидают листовки, признают, что в сорок первом действительно были трудности с пленными ввиду их большого количества, а теперь все наладили: сдавайтесь, паек пленным выдаем. Может, он, дурак, и поверил.

Но в мысли и замыслы Краюшкина Бокарев проникнуть не мог. Перед ним был подчиненный ему солдат Красной Армии, и судить о нем он мог только по его поступкам: не подчинится Краюшкин - тогда он и будет решать его судьбу.

Шофер во дворе закончил работу, сложил все аккуратно в багажник, чурбачок отнес обратно в сарай, взял в доме судки и ушел за обедом.

Бокарев тут же спустился во двор и вошел в дом. В кухне стояли ведра с водой, но еды никакой не было, и хорошо, что не было - не удержался б, взял бы, а брать здесь нельзя: заметит пропажу аккуратный немец, поднимет тревогу, весь двор перевероят.

Бокарев снял с полки хозяйскую кастрюлю, наполнил ее водой из обоих ведер, чтобы не было заметно, и вернулся на сеновал.

- Это уж бы ни к чему, - проговорил Краюшкин недовольно.

- Прикажешь на водопровод сходить? - насмешливо спросил Бокарев.

- Лежать надо, терпеть.

- И долго?

- Пока штаб не уйдет.

- Штаб уйдет, комендатура останется, полицаи.

- Лишь бы жители вернулись, а там уйдем. Переждать надо. Штаб танковой бригады не будут держать в тылу, поскольку наступление.

- Стратег! - насмешливо сказал Бокарев. - Не хуже Лыкова.

- Немец с судками ходит, - продолжал Краюшкин, - значит, не развертывают офицерскую столовую, не собираются долго задерживаться.

Замечание Краюшкина насчет судков было правильно, но старик чем-то раздражал его. Не докучает, не стонет, не жалуется, хотя и подставил ногу под пулю; держит его здесь - ладно, дело солдатское, бывает. Раздражало другое: они как бы поменялись ролями. Краюшкин, всегда словоохотливый, болтун, шутник, прибауточник, стал немногословен, осторожен, замкнулся, все обдумывал и взвешивал, а он, Бокарев, всегда скупой на слова, такой выдержанный и расчетливый, много и неосторожно разговаривал, не мог усидеть на месте, не мог ждать, терпеть.

Ночь опять выдалась светлая, иногда набегали тучи, тогда серело все вокруг, потом снова светлело.

Бокарев переполз через забор. Улица была пустынна, одинокие машины стояли

у домов, патрулей не было видно совсем. Вместо того чтобы перебежать улицу и переулком, а потом околицей пройти к дому Михеева, Бокарев пошел прямо по улице, прижимаясь к заборам, пригибаясь у палисадников, иногда заглядывая в освещенные окна. Безнаказанная дерзость придавала ему еще большую смелость, уверенность, что все сойдет благополучно.

Наконец он добрался до дома Михеева. Точно, этот самый дом, в это окно они стучали, через эту калитку входили.

Он осторожно обошел двор, пытаясь определить, есть тут немцы или нет. Как будто нет. Не любят немцы селиться в крайних домах, больше к середине жмутся.

Он тихонько постучал пальцем в окно. Прислушался. Никто не отозвался. Он постучал еще раз. Потом перешел к другому окну и там постучал. Зашел с другой стороны, постучал. Дом точно вымер.

Но дом не вымер, в нем была жизнь, были люди, только не хотели отзываться, осторожность его стука их и пугала. Постучи он в дверь требовательно, по-начальнически - сразу бы открыли, подумали бы, что немцы, побоялись бы не открыть. А так понимают, что стучит свой и с ним попадешь в неприятность. Дом-то крайний: партизаны могут из леса подойти или солдат захочет укрыться, - крайняя изба, она все на себя принимает.

Он присел под широкий, развесистым дубом, единственным в этом саду, где были только фруктовые деревья; ждал, прислушиваясь к дому. В доме было тихо.

Он услышал шум машин и увидел дальний молочный отблеск фар. Подполз к палисаднику и сквозь щели штакетника посмотрел на улицу.

По ней двигались грузовые, крытые брезентом машины с притушенным под козырьком светом, останавливаясь у домов, они его гасили. Он насчитал десять машин; последняя остановилась недалеко от сада, где он лежал.

Из машины выходили шоферы, вынимали из кабин вещмешки, чемоданчики, входили в дома.

Совсем рядом слышалась немецкая речь.

И в соседний дом прошли два шофера, громко, требовательно постучали в дверь - дверь открылась, они вошли туда, положили вещи, один остался, другой вернулся к машине, еще чего-то взял, понес в дом.

В дом Михеева никто не входил; там, конечно, не спали, разбуженные и его осторожным стуком, и шумом подъехавших машин, и стуком шоферов в дверь соседнего дома.

Бокарев встал, поднялся на крыльцо, требовательно постучал.

Дверь, как и в прошлый раз, открыл хозяин, Михеев, с лампой в руке, увидел Бокарева, сразу узнал, отшатнулся, застыл в страхе.

Бокарев прикрыл за собой дверь.

- Иван где?

- Иван... Солдат ваш? Ушел, ушел солдат...

- Ты мне правду говори, не бойся!

- Правду и говорю. Как в то утро немцы пришли, так он и ушел: к своим, говорит, буду пробираться.

- Туши свет!

Михеев задул лампу.

- Дверь тихонько за мной закрывай!

Бокарев приоткрыл дверь, выглянул: в саду было тихо, только виднелись на

улице силуэты высоких фургонных.

Он услышал, как тихо звякнул за ним замок, но обратных шагов в коридоре не услышал - стоит хозяин за дверью, прислушивается.

Бокарев снова подполз к забору, сквозь штакетник посмотрел на улицу.

Машины стояли вытянутой в один ряд колонной; вдоль нее расхаживали два автоматчика. Охрана. Значит, груз серьезный - может быть, мины или авиабомбы. Здорово наступают - поставили машины с боеприпасами прямо на улице, недалеко от штаба, не боятся нашей авиации.

Не добраться ему до сеновала, не перебежать улицу на глазах у часовых.

Он может уйти в лес. Но Краюшкин? С Вакулиным ясно: ушел, может, погиб, может, отлеживается, только нет его здесь. Значит, имеет он, Бокарев, право уходить без него. Но Краюшкин - пробираться к нему? Убьют его, а потом прочешут всю улицу, весь город и Краюшкина накроют.

Может, действительно Краюшкин переждет, пока уйдет отсюда штаб. А он, Бокарев, махнет в лес. Можно и машину угнать. Это «шкоды», он их знает. Вскочить в кабину, дать задний ход, метнуть гранату в переднюю машину - пойдут взрываться снаряды; под эти взрывы он развернется и уйдет.

Строя эти планы, Бокарев понимал, что не уйдет без Краюшкина. Из всей его команды остался один солдат - и того он бросит? Всех растерял, теперь и этого оставит на смерть или плен? Надо возвращаться на сеновал и уходить вместе.

Бокарев пополз в глубь сада, перелез через задний забор и очутился в поле.

Вдали, освещенный луной, темнел лес. Бокареву казалось, что он слышит его шорохи. Лес манил его. Совсем близко и жизнь, и спасение, и Клавдия, но он отогнал от себя эти мысли и стал пробираться вдоль заборов, стараясь ступать осторожнее - тут были то кусты, то мусорная свалка.

Переулок совсем короткий. Бокарев прижался к забору, вслушиваясь в шаги часовых на улице. Один автоматчик прошел, почти тотчас прошел встречный - так было и по расчетам Бокарева. Он быстро пересек переулок, стал за машиной и поглядел на улицу.

Часовые были в конце колонны, к нему спиной, но перебежать улицу он не успеет. Пусть опять пройдут.

Он ждал, хотя и понимал, что план его невыполним: они услышат, как он пройдет по улице, как будет перелезать через забор, только подставит себя под пулю, наведет на след Краюшкина. Надо уходить в лес; утром колонна уйдет, улица будет свободна, он придет ночью и заберет Краюшкина.

И все же он не уходил, ждал: вдруг представится случай? Он рассчитывал на смену караула: уж один-то из них обязательно уйдет будить новых часовых, а может, и оба уйдут.

Было уже поздно метнуться в переулок, когда открылась дверь дома и на крыльце вышел немец в форме, с автоматом, чуть поежился, передернул плечами, посмотрел на Бокарева, различая только его фигуру рядом с машиной и, видно, не понимая и не соображая, что это за человек.

Так они стояли некоторое время и смотрели друг на друга. Часовые уже подходили, Бокарев спиной слышал их приближение. Он мог застрелить немца на крыльце, броситься в переулок, но те двое тогда достанут его пулями.

И он стоял и ждал, когда они подойдут, и смотрел на немца на крыльце, и немец смотрел на него, вдруг сообразив, что перед ним русский, оцепенев от неожиданности и тоже дожидаясь, когда подойдут те двое, понимая, что одного его

движения будет достаточно, чтобы русский его пристрелил, прежде чем он сам снимет автомат: у русского автомат в руках.

Бокарев выстрелил в ту минуту, когда оба часовые показались из-за машины, сначала в немца на крыльце, потом по часовым и бросился в переулок, но упал: раненый немец дал по нему очередь. И, уже лежа на земле и слыша вокруг себя свист пуль, он повернулся, вытащил гранату, размахнулся и кинул ее в машину.

Взрыв, потрясший небо, - было последнее, что услышал Бокарев.

34

Перед тем как я отправился в деревню Федоровку, дедушка меня предупредил:

- Клавдия Григорьевна Иванцова - женщина у нас тут до некоторой степени знаменитая. Прославилась она на свекле - наш район свеклой занимался, - чуть-чуть Героя не получила, только не поладила где-то с кем-то, крутая, своенравная. Ты с ней подипломатичнее, поделикатнее.

Он говорил об Иванцовой с тем же почтением, в тех же превосходных степенях, как о всех своих знакомых. Я уже привык к этому.

Меня встретила представительная женщина лет под шестьдесят. В ее черных волосах пробивалась седина, но она была осаниста и красива. Отпечаток крестьянского труда одновременно и старил и молодил ее лицо, на котором было выражение спокойной и уверенной властности обычное у колхозных руководительниц, призванных командовать подчас грубыми мужиками и вздорными бабами. И было еще на этом лице выражение умной сдержанности, позволявшей этим простым женщинам, не роняя своего достоинства, общаться с людьми самых высоких уровней.

Улыбка, добрая и очень молодая, чисто женская даже озорная, промелькнула на ее лице при виде фотографии пяти солдат. И она прикрыла рот краем большого платка, облежавшего ее плечи, тем подкупающим движением крестьянки, когда она и стесняется, и не может скрыть своих чувств.

- Были у нас эти солдаты, - сказала она, - пробыли сутки и ушли. Тут недалеко их ремонтная часть стояла. Они вернулись туда, а части ихней уже нет - ушла, немцы прорвались. Приняли они бой, поубивали немцев, три мотоцикла подожгли, ну и наших двоих немцы убили. Похоронили их ребята, оставили две могилы и ушли. - Она показала на Лыкова и Огородникова. - Вот этих двоих немцы убили, эти двое здесь захоронены, их могилы. Мы тогда же ночью подобрались; они чуть-чуть землей были присыпаны - торопились наши солдаты уйти, - мы их перехоронили, а после немцев сделали все, что положено; бережем могилы. Только ни имен их, ни фамилий не знаем. Знаем мы только двоих. - Она показала на Бокарева и Вакулина. - Бокарев Дмитрий Васильевич и Вакулин Иван Степанович: этих двоих мы знали, были к тому основания, - добавила она, опять улыбнувшись, - и такая точно фотокарточка у меня есть.

Я был поражен. Если, кроме карточки, посланной в Бокари, у Клавдии Григорьевны есть еще одна, то, по-видимому, у старшины их было много, и не исключено, что одна из них была в его могиле. Это опять меняло дело.

От Клавдии Григорьевны не ускользнуло мое удивление. Но она истолковала его по-своему.

- Подарил мне эту карточку старшина. Я тогда молодая была, ухаживал он за

мною, вот и подарил. Ну, а потом, после войны, списалась я с его матерью. Так в войну водилось: оставлял солдат не только номер своей полевой почты, а и адрес дома своего, родных своих, на случай, если убудет из части - в госпиталь или еще куда, - старались люди побольше зарубок делать. Списалась я с его матерью, узнала, что погиб, поехала в город, сняла с этой фотографии еще две, одну для себя, другую для Анны Петровны, соседки моей, так ее теперь величают, а тогда была просто Нюрка. Эти копии оставили мы у себя, а саму фотографию отправили матери в Бокари - мать все-таки. И написали все, как было. Может, интересно ей знать, с кем ее сын виделся в свой предсмертный час. Не знаю, жива ли она сейчас, давно это было.

- А у него у самого оставалась такая карточка? - спросил я.

- Так ведь мне он ее отдал.

- А может, кроме этой, у него еще были?

Она пожала полными плечами.

- Фотография у них групповая, каждому по карточке досталось.

- Еще один вопрос, если позволите. Вы ему кисета не дарили?

- Нет, некурящий он был. Остальные его товарищи курили, а он нет. Парень был бравый, видный, хоть куда, а вот не курил, говорил: нет, мол, у меня такой привычки - курить. Не дарила я ему кисета...

Она вышла со мной из дома:

- Доведу вас до могилок. По дороге к Анне Петровне зайдем.

Анна Петровна оказалась сухощавой, стройной женщиной лет, может, сорока пяти, не больше. И странно было, что здоровенный белобрысый мальчишка лет восьми, уже школьник, называет ее бабушкой.

- Она у нас ранняя бабушка, - улыбнулась Клавдия Григорьевна, - самая молодая солдатка осталась, теперь самая молодая бабушка. Иван где?

- В правление ушел, - ответила Анна Петровна, снимая передник и вытирая руки.

- Жаль, хотела, чтобы посмотрели вы его. У нее сыночек большой, двадцать седьмой год пошел, военного времени сыночек...

Обе женщины засмеялись.

- Вот могилками нашими интересуются, - пояснила Клавдия Григорьевна, - еще одного нашли... Нет, не Ивана. Или Бокарева, или этого, помнишь, старого-то солдата. Но ничего, розыск пошел - всех найдут... - Она потрепала мальчишку по голове. - Найдут дедушкину могилку.

- У меня дедушка живой, - возразил мальчик.

- То один дедушка, а это другой, - ответила Клавдия Григорьевна.

Анна Петровна присоединилась к нам, и мы пошли к могилам.

- Это он прадеда за дедушку принимает, - объяснила Клавдия Григорьевна про мальчишка. - Вакулина отец приезжал, хотели Ивана, сына ее, - она кивнула на Анну Петровну, - взять на воспитание в Рязань, усыновить, чтобы фамилию его нес, потому Иван, сын ее, ну копия отец, - жалко, вы не посмотрели. Уговаривали ее: ты молодая, будешь свою жизнь устраивать, а внука нам отдай, мы его в городе воспитаем, одна у нас память осталась. Она не отдала, сама парня подняла. Гостить к старикам посылала, гостил он у них, и сами сюда старики приезжают. Ну и я была тогда вроде власть, когда закон-то был, безотцовский, сумела сделать, чтобы записали Ване отца - Вакулина Ивана, погибшего на фронте, и его старики родители подтвердили, и других свидетелей через суд собрала, - обошли мы тогда закон этот

несправедливый. Вот у нее сын Вакулин и внуки Вакулины.

Когда мы еще шли по улице, она показала на деревянный колодец с длинным журавлем:

- Этот колодец солдаты нам и починили, измарались, испачкались тогда. Помнишь, Анна, каким твой Ваня из колодца вылез?

- Чистый негр, - сказала Анна Петровна.

- Теперь у нас еще два колодца есть, - продолжала Клавдия Григорьевна, - только и этот не сносим, вода в нем замечательно хорошая.

Мы пришли на сельское кладбище. Среди покосившихся деревянных и железных крестов стояли рядом две могилы, два холмика, поросшие травой, увенчанные двумя звездочками, обнесенными одним заборчиком.

- Можете написать, - сказал я, - Огородников Сергей Сергеевич и Лыков Василий Афанасьевич. У нас есть официальная бумага, кто именно обозначен на этой фотографии.

- Напишем, - пообещала Клавдия.

Некоторое время мы стояли молча.

- Может быть, найдем их родных, - сказал я, - мы им сообщим. Возможно, кто-нибудь приедет сюда.

- Пусть приезжают, - сказала Клавдия Григорьевна, - примем.

Анна Петровна посмотрела на меня большими черными глазами:

- Если что насчет остальных узнаете, уж сообщите нам.

- Обязательно, - пообещал я, решив в эту минуту во что бы то ни стало разыскать остальные могилы.

Потом я попрощался с ними и той же полевой тропинкой, какой пришел сюда, пошел обратно в город.

Пройдя немного, я оглянулся.

Две женщины, одна покоренастее, поосанистее, другая худая, стройная, обе в платках, медленно поднимались по косогору к деревне.

Россия ты моя, Россия...

35

...Взрыв машины потряс сарай, осветил его полыхающим пламенем. Но Краюшкин успел услышать перед взрывом короткие автоматные очереди и понял - Бокарев.

Он подполз к щели, отодвинул дощечку, увидел горящую машину и тела убитых, - наверно, среди них было и тело Бокарева, а может, успел уйти, только вряд ли.

Из домов выскакивали немцы, кидались к машинам, угоняли, чтобы уберечь от осколков, от детонации; другие тушили пожар, третьи подбирали раненых и убитых. Улицу оцепили, на других улицах выстраивались команды, подняли гарнизон по тревоге, привели в боевую готовность. И в его, Краюшкина, доме тоже поднялись: офицер побежал в штаб, а шофер выгнал машину со двора на штабную улицу и держал ее на газу.

Суматоха продолжалась всю ночь. Только к утру немного утихомирились. Пожар потушили, машины вывели за город, усилили наряды, посты и караулы, заперли все входы и выходы в город и из города, оцепили вкруговую, прочесали, обыскали все дома. Но штабную улицу просмотрели так, для формы, забежали во

двор, заглянули в сарай; немец-шофер им что-то сказал, видно, успокоил, они и ушли.

К вечеру все утомилось. Осталась усиленная охрана, посты, караулы, патрули; с улиц убрали штабные машины, а грузовые вывели за город.

Теперь Краюшкин в полной мере оценил кастрюлю с водой, принесенную Бокаревым. Хотя по этой кастрюле и могли его накрыть, но, видно, в суматохе не заметили ее пропажи, не искали, и она стояла на сеновале рядом с Краюшкиным, и он изредка пил, чтобы поддержать силы; еды у него не было никакой уже второй день, да и до этого была полбуханка хлеба на двоих. Но он терпел, видел - транспорты идут вперед, значит, немцы продвигаются и штаб здесь долго не задержится.

Ожидания его сбылись на следующее утро, пятое утро с того дня, как он с Бокаревым спрятался на сеновале. Штаб поднялся рано, снялся быстро: видно, все было расписано у немцев накануне. Но на смену уезжающим машинам появились другие, и к полудню улицу занял новый штаб, еще крупнее первого: больше было здесь «хорьхов», «оппелей-адмиралов» и «мерседесов».

Опять по улице сновали денщики и ординарцы, перетаскивали в дома офицерские чемоданы, связисты тянули связь. Кто обосновался в его доме, Краюшкин не видел: никто во двор не выходил. Опять денщики носили судки с обедами, и в штаб входили офицеры с папками, с портфелями, с бумагами; штаб работал, будто он был здесь и раньше, а уйдет этот штаб - придет другой, и, когда этому будет конец, неизвестно.

К вечеру Краюшкин услышал необычный и непривычный шум, окрики и команды. Он подполз к щели.

По улице вели колонну русских пленных.

Они шли по четыре в ряд, заросшие, изможденные, хмурые; некоторые опирались на плечи товарищей. Впереди, с боков и сзади шагали немецкие автоматчики.

Из штаба вышел генерал, вышли офицеры, и солдаты, и денщики, здоровые, упитанные, розовощекие, - все вышли посмотреть на пленных.

Был тот короткий предвечерний час, когда дневная работа в штабе кончилась, а вечерняя еще не началась. Можно побыть немного на теплой улице, окрашенной лучами заходящего солнца.

И есть повод - зрелище прогоняемых по улице пленных.

Краюшкин натянул на себя шинель, разложил по карманам гранаты, допил воду из кастрюли, спрятал под полый автомат.

Потом спустился во двор, открыл калитку и пошел по штабной улице.

Колонна двигалась далеко впереди него, она была уже возле шлагбаума, а он, Краюшкин, шел посередине улицы - обросший, худой, помятый, похожий на пленных, которых гонят впереди.

И немцы приняли его за пленного, отставшего от колонны. Их обмануло то, как спокойно, уверенно, на глазах у всех шел он по улице.

- Алло, рус! - окликнули его.

Но Краюшкин не ответил, не оглянулся, шел как оглушенный.

Генерал что-то сказал рядом стоящему офицеру. Тот направился к Краюшкину.

Но не дошел.

Первую гранату Краюшкин метнул налево - в генерала, вторую направо - в немцев, стоящих у машин.

Упал генерал, упали офицеры и солдаты, другие бросились за угол дома, за машины.

Краюшкин шел посередине улицы и бросал гранаты... Направо! Налево! Одна! Другая! Третья!.. Шел, освещенный багрянцем заката, и бросал по сторонам гранаты, неуязвимый для пуль, точно заговоренный символ негибимой и непокоренной страны...

И наконец упал...

И тогда немцы побежали к нему.

Он приподнялся и дал по ним последнюю очередь из автомата и прикинул к земле, убитый, не видя уже никого - ни пленных, бегущих в лес; ни немцев, стреляющих по нему, по мертвому; ни солнца - оно склонилось совсем низко, почти к самому горизонту; ни дубов - их длинные тени пересекли улицу, где нашел свою смерть Краюшкин.

36

Мне просто повезло на экзаменах. Все время не везло, а на этот раз повезло. Я даже не собирался их сдавать. Но приехала комиссия. Накануне я просмотрел правила движения, перелистал учебник, тетради и решил: пойду. Провалюсь - наплевать! Не провалюсь - уеду в Москву с профессиональными правами.

Мне повезло. Я расположил к себе экзаменатора. Хотя это и был довольно мрачный старший лейтенант, высокий и тощий. На вопрос о том, что такое обгон, я ответил точно, по правилам: «Обгоном называется маневр, связанный с выездом из занимаемого ряда». И показал на фигурках, какие именно движения машин называются обгоном.

Но покорила его сердце на езде. Село нас в «Волгу» четыре гаврика. Один впереди, рядом с экзаменатором, трое сзади. По тому, как повел машину первый, было ясно, что дело его - хана: рванул с места, заглушил мотор, делая левый поворот, заехал на левую сторону. Инспектор тотчас высадил его из-за руля. Парень спокойно вылез - оказывается, он сдает езду уже четвертый раз и будет сдавать двадцать четвертый, лопух: вылез из машины, не поставив ее на скорость, не затянув ручного тормоза. Вылез и спокойно отправился домой.

Инспектор указал мне на его место. Я пересел, и первое, что сделал, - затянул ручной тормоз. Этот мой профессиональный жест подкупил инспектора: почувствовал опытного водителя. Велел мне развернуться на перекрестке - я развернулся. Велел остановиться - я остановился у тротуара. Подписал мой листок; через час я получил права.

Так все просто, быстро и хорошо на этот раз произошло.

Теперь я мог работать и на участке. Если, конечно, Воронов даст мне машину. Но даст ли он мне ее? В отряде я еще не показывался, ничего не решил, жил у дедушки: ведь у меня отпуск за свой счет.

С дедушкой наши разговоры вертелись вокруг старухи Бокаревой. Он был этим очень озабочен.

- Могила не ее сына, а Краюшкина, - говорил дедушка, - а ты ей ничего не сказал. Дом продаст, прикатит сюда, а это все не ее - ежай обратно! А куда обратно? Убьем старуху.

- Не мог я ей сказать, не мог! - закричал я. - Если бы ты видел ее глаза, видел бы эту несчастную женщину, она живет одним, этой могилой, этой поездкой, - ты бы тоже не смог ей сказать! Почему обязательно я? Пусть говорят те, кто писал ей, пусть снова напишут.

- Агапов? Ведь он запрашивал, высказал предположение.

- Вот и пусть напишет правду.

- А может, и не стоит писать правду? - сказал вдруг дедушка.

- Это невозможно, - ответил я, - кто позволит говорить неправду?

- Так ведь правду пока знаешь ты один.

- Я неправды говорить не буду.

- Неизвестно еще, где она, настоящая правда, - сказал дедушка.

- Ага, - с горечью сказал я, - все решили, что это Бокарев, только я один сомневался. И теперь, когда я доказал, что был прав, я должен от всего отказаться. Выходит, я зря искал, зря все делал...

- Почему же зря? - спросил дедушка. Нашел матери сына - разве этого мало?

Я не знал, как поступить. Я не мог скрывать правду, но мне было жалко старуху Бокареву, и Клавдию Иванцову, и Анну Петровну. Эти люди ждут до сих пор, ждут и надеются. А дети Краюшкина не ждут и не надеются. Но пусть они плохие дети - при чем же сам Краюшкин? Ведь его могила, он разгромил штаб, - разве не обязаны мы ему воздать должное?

Так я и не мог ничего решить, ничего не предпринимал. Пусть решают сами, пусть сами предпринимают что надо. Кого я имел в виду - не знаю. Совет ветеранов? Штаб следопытов? Горсовет? Не знаю. Стоит при дороге могила неизвестного солдата, ничего на ней не написано; я один знаю, чья могила, ну еще и дедушка с моих слов. И каждый может думать что хочет: Бокарева - что здесь ее сын, Краюшкины - что здесь их отец. Ведь в могиле Неизвестного солдата в Москве тоже неизвестно кто.

Так ничего и не решив, я отправился на участок. С участком я тоже ничего не решил. Покажу Воронову свои права, увижу, что он мне предложит, и тогда решу.

Самое неожиданное, что ожидало меня в отряде, - это Зоя Краюшкина. Она сидела возле вагончика.

- Ты откуда взялась? - удивился я.

- Приехала.

- Вижу, что приехала. Зачем?

- На могилу, к дедушке.

Честное слово, никогда не знаешь, что можно ожидать от таких вот чересчур интеллектуальных девиц. То им все до лампочки - традиции, обычаи, всякие мероприятия, то они несутся сломя голову неизвестно куда и зачем: примчалась к могиле дедушки, о котором ничего не знала и знать не хотела. Сидит тут, среди этих вагончиков, в своих очках, короткой клетчатой юбке, гольфах, этакая туристка. Дедушка ей понадобился!

Двери вагончика были открыты; я видел в глубине его Воронова и инженера Виктора Борисовича. Они чего-то рассматривали, какой-то чертеж, что-то обсуждали, а Люда с любопытством косилась на Зою. Шла обычная работа участка, дорога строилась, и мое возвращение не произвело здесь ни впечатления, ни сенсации. Вернулся, и ладно. У них свои заботы. Они и забыли, наверно, о том, куда и зачем я ездил.

- Понимаешь, какое дело, - сказал я Зое, не зная, как ей все объяснить, и в то же

время чувствуя, что именно вот эта девчонка должна все понять, - я был в Красноярском крае, у матери старшины Бокарева. Одинокая старуха, совсем одна, тридцать лет ждала известий о сыне, ждала, что найдут его могилу...

Черт возьми! В вагончике, наверно, слышно все, что я говорю. Впрочем, Воронов и Виктор Борисович углубились в чертеж.

Все же я сказал Зое:

- Отойдем в сторонку.

Но она не двигалась с места. Сидела на камне, смотрела на меня и не думала подниматься.

- Понимаешь, - продолжал я, - ей написали. Написали неправильно, поспешно, и она решила, что неизвестный солдат это ее сын, Бокарев.

- Но это не ее сын, - возразила Зоя, - это мой дедушка.

- Да, это твой дедушка, - подтвердил я, - но она *так* уверена, что это ее сын, *так* этого ждала.

Теперь я с надеждой смотрел на Зою. В сущности, она единственный человек, который может все решить. Я не знаю, как это сформулировать, но теперь был как раз тот случай, та ситуация, когда вот такая девчонка в короткой клетчатой юбке могла стать *человеком*. Она стала человеком, приехав из-за дедушки, которого не знала. Теперь она может показать себя *большим человеком*.

- И вот, - заключил я, - она решила приехать сюда.

Зоя помолчала, потом спросила:

- Зачем?

- Хочет дожить жизнь возле его могилы, хочет умереть здесь, хочет, чтобы похоронили рядом. - Я смотрел Зое прямо в глаза. - Ведь, в сущности, эта могила ей нужнее всех.

Зоя ничего не ответила, сидела задумавшись.

Подошел Андрей, увидел меня, удивился обрадованно:

- Здоров! Приехал? Ну как?

- Порядок, вот твой плащ.

- Пригодился?

- Пропал бы без него.

Подошли бригадир Мария Лаврентьевна, и еще бригадир, и механик Сидоров. Участок снимается, идет на новое место, и они должны получить последние распоряжения о передислокации.

Из вагончика вышли Воронов и Виктор Борисович.

Увидев меня, Воронов сказал:

- А, явился... Ну как дела?

- В порядке, - ответил я.

Он кивнул на Зою:

- Тебя дожидается. Распутал ты это дело?

Я смотрел на Зою и медленно сказал:

- По всем данным, неизвестный солдат - это старшина Бокарев. Скоро сюда приедет его мать.

И я смотрел на Зою. Ждал, что скажет она - возразит или не возразит.

И Воронов тоже смотрел на Зою. И Виктор Борисович, и Мария Лаврентьевна - все смотрели на Зою: жалели, что ли, ее, что зря приехала? А может быть, как и я, ждали ее ответа.

Но она ничего не ответила.

И тогда Воронов объявил:

- Это было ясно с самого начала. А ты никому жизни не давал, всех тут перекрутил по-своему, перебаламутил, столько рабочего времени потерял.

Я хотел ему возразить. Но он вдруг положил руку мне на плечо. Провалиться мне на этом месте! Он положил руку мне на плечо, и у него были влажные глаза.

Через три дня мы снялись. Свернули шатер-столовую, убрали Доску почета, сложили на машины инструмент, бочки, запчасти, погрузили на трейлеры дорожные машины, прицепили вагончики к самосвалам.

Отряд длинной походной колонной выстроился вдоль дороги.

На головной машине ехал Воронов, за ним Виктор Борисович, потом Юра с Людой в кабине, потом наши женщины в кузовах, потом Андрей, Маврин и другие механизаторы на трейлерах. Я ехал за рулем предпоследнего самосвала, вез инструмент. Замыкал колонну механик Сидоров - на случай, если с какой-нибудь машиной что случится.

Ехали мы медленно из-за трейлеров, но Воронов запретил их обгонять.

Могилу неизвестного солдата я увидел издали, увидел фигурки людей возле нее, а когда подъехал ближе, разглядел, что это Зоя и старуха Бокарева.

Антонина Васильевна опустилась на колени и поцеловала землю, на которой, в этом месте, в другом ли, похоронен ее сын.

Потом Зоя подняла ее.

И когда первая машина поравнялась с ними, она дала длинный-длинный гудок. И вторая машина дала гудок. И третья... И когда я поравнялся с могилой, я тоже дал гудок.

И так, подавая гудки, наша колонна проследовала мимо солдатской могилы, мимо солдатской матери и солдатской внучки.

1969-1970

Москва